

АКАДЕМИЯ ГЕНЕРАЛЬНОЙ ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ (ФИЛИАЛ)

УГОЛОВНОЕ ПРАВО РОССИИ: состояние и перспективы (коррупционные преступления)

*Всероссийская научно-практическая
конференция*

Санкт-Петербург, 29 октября 2015 года

МАТЕРИАЛЫ

Под общей редакцией
государственного советника юстиции 2 класса
Г. В. ШТАДЛЕРА

Санкт-Петербург
2016

УДК 34(08)
ББК 67я43
У26

Под общей редакцией Г. В. ШТАДЛЕРА, директора Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, государственного советника юстиции 2 класса.

У26 **Уголовное право России:** состояние и перспективы (коррупционные преступления) : Всероссийская научно-практическая конференция, Санкт-Петербург, 29 октября 2015 года : материалы / под общ. ред. Г. В. Штадлера. — Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2016. — 224 с.

УДК 34(08)
ББК 67я43

Научное издание

**Уголовное право России:
состояние и перспективы
(коррупционные преступления)**

*Всероссийская научно-практическая
конференция*

Санкт-Петербург, 29 октября 2015 года

М а т е р и а л ы

Подписано в печать 17.02.2016. Формат 60х90/16.
Печ. л. 14,0. Тираж 150 экз. Заказ 2238.

Редакционно-издательская лаборатория
Санкт-Петербургского юридического института (филиала)
Академии Генеральной прокуратуры РФ

Отпечатано в Санкт-Петербургском юридическом институте (филиале)
Академии Генеральной прокуратуры РФ

191104, Санкт-Петербург, Литейный пр., 44

© Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ. ДИСКУССИЯ.....	9
<i>Честнов И. Л.</i> Вспоминая Бориса Владимировича Волженкина.....	—
<i>Гилинский Я. И.</i> Коррупция: взгляд криминолога.....	10
<i>Пинкевич Т. В.</i> Коррупция как фактор социальной нестабильности в регионе (по материалам исследований)..	14
<i>Сумачев А. В.</i> О защите государственных служащих от юридических излишеств обязывания в сфере противодействия коррупции.....	22
<i>Колесников В. В.</i> Экономический подход к противодействию коррупции: специфика и значение.....	25
<i>Ситникова А. И.</i> Уголовно-правовое противодействие коррупции: проблемы и пути их решения.....	31
<i>Феоктистов М. В.</i> Становление и развитие системы коррупционных преступлений в уголовном законодательстве России на примере преступлений против интересов службы в коммерческих и иных организациях..	40
<i>Никуленко А. В.</i> Возможности УК России в противодействии взяточничеству и иным коррупционным преступлениям.....	51
<i>Назаренко Г. В.</i> Противодействие коррупции уголовно-правовыми средствами: политика и ее реализация	55
<i>Любавина М. А.</i> Определение момента окончания получения взятки.....	62
<i>Карабельникова А. С.</i> О системе коррупционных преступлений по законодательству Беларуси и России..	71
<i>Петровский А. В.</i> Должностные преступления по уголовному законодательству исламских республик Афганистан и Пакистан.....	76

Тюнин В. И. Оперативный эксперимент и ответственность за взяточничество.....	81
Малинин В. Б. Передача части премии подчиненными начальникам квалифицировано по ч. 4 ст. 160 УК РФ (на материалах одного дела).....	88
Басов С. Л. Вопросы установления субъективных признаков коррупционного правонарушения, предусмотренного ст. 19.28 КоАП РФ.....	91
Павлов В. Г. Еще раз об уголовной ответственности юридических лиц.....	98
Васильева Я. Ю. Наказание за легализацию преступных доходов в России: состояние и перспективы....	100
Зарубин А. В. Преступления в сфере экономической деятельности, посягающие на интересы правосудия....	103
Сафонов В. Н. Некоторые вопросы освобождения от уголовной ответственности по дискреционным основаниям.....	107
Новокионов Д. В., Петухов Н. А. К вопросу латентности нарушений уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности.....	112
Честнов И. Л. Общественная опасность преступления: постклассический подход.....	122
МОЛОДЕЖНАЯ СЕКЦИЯ.....	124
Аксененко Т. В. «Ложно понятые интересы службы» в системе мотивации коррупционных преступлений.....	—
Безрукавая Н. И. Реализация прокурором полномочий по привлечению к административной ответственности за совершение коррупционных правонарушений (к вопросу об отнесении административных правонарушений к числу коррупционных).....	126
Беспалова Е. И. Особенности антикоррупционной экспертизы при осуществлении прокурорского надзора	

за исполнением федерального законодательства.....	133
<i>Попова Г. В.</i> «Обычная благодарность» как социально-правовой феномен.....	136
<i>Савченков А. В.</i> Перспективы имплементации в Уголовный кодекс статьи Конвенции ООН против коррупции «Незаконное обогащение».....	138
<i>Чуклинов К. А.</i> Предупреждение преступности средствами прокурорского надзора за исполнением налогового законодательства.....	142
<i>Аверьянова А. В.</i> Некоторые проблемы квалификации посредничества во взяточничестве.....	145
<i>Ахметшина А. М.</i> Нецелевое расходование бюджетных средств: уголовно-правовая характеристика.....	149
<i>Бодрицкий К. А.</i> Вопросы совершенствования уголовного законодательства о коррупционных преступлениях (российский и зарубежный опыт).....	152
<i>Болотова Е. Д.</i> Отечественное законодательство о противодействии коррупции и практика его применения: криминологические аспекты.....	156
<i>Булина Ю. В.</i> Криминалистическая характеристика коррупционных преступлений.....	160
<i>Волков В. Р.</i> Некоторые вопросы уголовно-правовой ошибки при квалификации коррупционных преступлений.....	162
<i>Галева А. М.</i> Определение законных и незаконных действий должностного лица при квалификации деяния (чч. 1 и 3 ст. 290 УК РФ).....	166
<i>Жарких И. А.</i> К вопросу о моменте юридического окончания дачи и получения взятки.....	169
<i>Жуйкова Д. А.</i> Некоторые аспекты коррупционных преступлений в уголовном законодательстве.....	174
<i>Идамжапов В. Ц.</i> Уголовно-правовая характеристика провокации взятки.....	178
<i>Кирпикова А. А., Кашихян А. Г.</i> К вопросу о реализации мер по антикоррупционной устойчивости судей	182

<i>Кичкинев В. Н.</i> О некоторых вопросах квалификации по ст. 177 УК РФ «Злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности».....	188
<i>Кудряшева В. В.</i> Проблемы противодействия коррупции в профессиональной деятельности преподавателей высших учебных заведений.....	189
<i>Пашкин А. И., Спирина Н. А.</i> Нецелевое расходование бюджетных средств: проблемы квалификации.....	191
<i>Родимкина Е. В.</i> Причины коррупции как социального явления через призму правовой реальности.....	195
<i>Сарафанов А. В.</i> Дифференциации уголовной ответственности и наказания за преступления коррупционной направленности.....	198
<i>Симаков А. В.</i> Проблемы систематизации коррупционных преступлений в УК РФ.....	204
<i>Совина А. В.</i> Проблемы противодействия коррупционным преступлениям, совершаемым организованными преступными группами.....	207
<i>Сытник А. Н.</i> Вопросы привлечения юридических лиц к административной ответственности по ст. 19.28 КоАП РФ.....	210
<i>Шишкин М. Н.</i> К вопросу о санкциях за преступления коррупционной направленности.....	214
<i>Щербакова И. А.</i> Уголовно-правовые средства противодействия коррупции.....	218

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Вашему вниманию представляются материалы Всероссийской научно-практической конференции «Уголовное право России: состояние и перспективы (коррупционные преступления)», посвященной памяти выдающегося ученого, заслуженного деятеля науки Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора Бориса Владимировича Волженкина.

Конференция была проведена Санкт-Петербургским юридическим институтом (филиалом) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации при организационной поддержке Санкт-Петербургского государственного университета.

Уголовное право, располагая наиболее суровыми принудительными средствами, применение которых влечет за собой жесткие ограничения основных прав и свобод человека и гражданина, как никакая другая отрасль, глубоко затрагивает правовой статус личности.

В связи с этим уголовный закон, являясь самым мощным регулятором общественных отношений, должен максимально последовательно и легитимно регулировать процессы, связанные с привлечением виновных к уголовной ответственности, снабжать правоприменителя качественным законодательным инструментом.

Российское законодательство прошло весьма насыщенный правовыми событиями путь. Достоянием правовой реальности стало формирование и воплощение новых научных идей, которые ознаменовали очередной этап в развитии отечественного уголовного права.

Видимой проблемой стало ситуативное законодательное реагирование на быстро меняющуюся криминальную обстановку, обусловленную коррупционной преступностью.

При этом отсутствие ясности в правовой природе части норм, обеспечивающих реализацию уголовной ответственности за коррупционные преступления, выступает препятствием в создании отлаженного механизма их действия и не способствует единообразию в применении уголовного закона, а это может грозить масштабным нарушением прав и свобод человека, причинением ущерба всей системе уголовной правоохраны.

Беспрецедентное возрастание масштабов и опасности коррупции, несомненно, повышает значение научных исследований в этой области, и поэтому проведенная конференция представляется мероприятием своевременным и оправданным.

Выражаем искреннюю уверенность в дальнейшем плодотворном сотрудничестве, сохранении и развитии партнерских отношений в сфере юридической науки и практики правоприменения.

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

ДИСКУССИЯ

И. Л. ЧЕСТНОВ,

*профессор кафедры теории и истории государства и права
Санкт-Петербургского юридического института (филиала)
Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор*

ВСПОМИНАЯ БОРИСА ВЛАДИМИРОВИЧА ВОЛЖЕНКИНА

Впервые я увидел Бориса Владимировича Волженкина в июле 1997 года, хотя давно знал его научные работы. Мне запомнился его кабинет: огромный стол и стеллаж, заставленный книгами и журналами. Выпуски журнала «Правоведение», членом редколлегии которого он был долгое время, лежали повсюду, в том числе на рабочем столе. Тогда я подумал, что именно так должен выглядеть кабинет настоящего ученого. Сама обстановка кабинета сразу наводила на мысль о руководителе — ученом с большой буквы. Думаю, не ошибусь, если заявлю, что именно наука и была приоритетом его жизненного пути, органично сочетаясь с очень непростой миссией руководителя вуза. Такое сочетание ученого и администратора, неформального и формального лидера — редкий дар, которым обладал Борис Владимирович Волженкин.

О научных достижениях Б. В. Волженкина можно и нужно говорить и писать, но эта тема требует специального рассмотрения. Сейчас же лишь замечу, что по прошествии семи лет его труды не потеряли актуальности, они переиздаются, востребованы научным сообществом и в них продолжается жизнь ученого.

Борис Владимирович очень хорошо разбирался в людях, цenia в них профессионализм и склонность к научной деятельности. Именно он сумел создать костяк того коллектива, который сегодня обеспечивает на достаточно высоком уровне процесс обучения студентов, магистрантов, аспирантов и переподготовку слушателей. В том, что наш институт находится на высоких позициях в рейтинге вузов — заслуга Бориса Владимировича Волженкина.

В общении Борис Владимирович был, можно сказать, сухим педантом. Он редко кого-то хвалил, но когда это делал, то похвала

значила очень многое. В то же время Борис Владимирович обладал замечательным чувством юмора, любил песню и мог просидеть до утра, вспоминая классику советской эстрады. Его умение находить общий язык с людьми творческих профессий (а преподаватель, несомненно, относится к таковым) дорогого стоит. Думаю, все, кто имел счастье застать руководство Бориса Владимировича Волженкина, будут вспоминать об этих годах, как о лучших в своей педагогической биографии.

Я. И. ГИЛИНСКИЙ,

*профессор кафедры уголовного права, криминологии
и уголовно-исполнительного права*

*Санкт-Петербургского юридического института (филиала)
Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор*

КОРРУПЦИЯ: ВЗГЛЯД КРИМИНОЛОГА

Имеется множество определений коррупции. Достаточно краткое и точное предложил Joseph Senturia: «Злоупотребление публичной властью ради частной выгоды»¹. Древние латиняне говорили еще короче: «*Do ut facies*» — «даю, чтобы сделал». Более полное определение содержится в документах 34-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН (1979): «Выполнение должностным лицом каких-либо действий или бездействие в сфере его должностных полномочий за вознаграждение в любой форме в интересах дающего такое вознаграждение, как с нарушением должностных инструкций, так и без их нарушения».

Существует множество форм (проявлений) коррупции: взяточничество, фаворитизм, nepotизм (кумовство), протекционизм, лоббизм, незаконное распределение и перераспределение общественных ресурсов и фондов, незаконная приватизация, незаконная поддержка и финансирование политических структур (партий и др.), вымогательство, предоставление льготных кредитов, заказов, знаменитый русский «блат» (использование личных контактов для получения доступа к общественным ресурсам) и др. Исчерпывающий перечень коррупционных видов деятельности невозможен.

Коррупция — *социальный феномен*, порождение общества и общественных отношений. Социальный феномен *продажности* (от коррупции до брачных аферистов и проституции — в сферах

¹ Wewer G. Politische Korruption // Politic-Lexicon. München, Wein : Oldenbourg Verlag, 1994. S. 481.

политики, науки, искусства, сексуальных отношений) возможен в обществе развитых товарно-денежных отношений. Тот или иной вид продажности, осознаваемой как проблема, представляет собой *социальную конструкцию*: общество, государство определяет, что именно, где, когда, при каких условиях и с какими последствиями (санкциями) рассматривается как коррупция, проституция и т. д. Процесс социального конструирования коррупции включает: наличие множества фактов продажности (взяточничества) государственных служащих и должностных лиц; осознание этих фактов как социальной проблемы; криминализацию некоторых форм коррупционной деятельности; реакцию политиков, юристов, средств массовой информации, населения на коррупцию и т. д.

В современном обществе, включая российское, коррупция — *социальный институт, элемент системы управления*, тесно связанный с другими социальными институтами — политическими, экономическими, культуральными. Об институционализации коррупции свидетельствуют: выполнение ею ряда социальных *функций*: упрощение административных связей, ускорение и упрощение принятия управленческих решений, содействие экономическому развитию путем сокращения бюрократических барьеров; наличие вполне определенных *субъектов* коррупционных взаимоотношений (патрон — клиент); распределение социальных *ролей* (взяткодатель, взяткополучатель, посредник); наличие определенных *правил игры, норм*, известных субъектам коррупционных действий; сложившиеся *сленг и символика* коррупционных действий; установившаяся и известная заинтересованным лицам *такса* коррупционных услуг.

Экономические, социальные, политические *последствия* коррупции хорошо известны и не нуждаются в комментариях. Коррупция существует во всех современных государствах. Другой вопрос — масштабы коррупции.

Каково современное состояние проблемы в России? По данным отечественных исследователей, количество латентных (незарегистрированных) случаев получения взятки выросло с 2002 до 2009 года на 41,6 %, коэффициент латентности получения взятки в 2009 году составил 72,5¹.

По данным международной организации *Transparency International*, Россия входит в число наиболее коррумпированных стран мира. Индекс восприятия коррупции до 2011 года исчислялся от 1 — максимально коррумпированное государство до 10 — от-

¹ Теоретические основы исследования и анализа латентной преступности / ред. С. М. Иншаков. М., 2011. С. 521.

сутствие коррупции (что в принципе невозможно). Так, в 2002 году с индексом 2,7 Россия входила в число таких стран, как Кот д'Ивуар, Гондурас, Индия, Танзания, Зимбабве. Минимальная коррупция была зафиксирована в Финляндии (9,7 балла), Дании и Новой Зеландии (по 9,5 балла), максимальная — в Бангладеш (1,2 балла). В 2006 году Россия с баллом 2,5 (наименее коррумпированные страны — Финляндия, Исландия, Новая Зеландия — имели балл 9,6; наиболее коррумпированная Гаити — 1,8 балла) входила в группу стран: Бенин, Гамбия, Гайана, Гондурас, Непал, Филиппины, Руанда, Свазиленд. В 2007 году степень коррумпированности России увеличилась: с баллом 2,3 (наименее коррумпированы Дания, Финляндия, Новая Зеландия — с баллом 9,4; наиболее коррумпированы Мьянма, Сомали — с баллом 1,4) она входит в группу стран: Гамбия, Индонезия, Того. К 2008 году индекс восприятия коррупции снижается в России до 2,1 балла (т. е. коррупция еще возрастает), и она входит в группу стран: Сирия, Бангладеш, Кения (минимальная коррупция в Дании, Швеции, Новой Зеландии — индекс 9,3; максимальная в Сомали — 1,0). В 2009 году индекс коррупции в России 2,2, но в 2010 году вновь 2,1, наряду с Центрально-Африканской Республикой, Камбоджей, Папуа — Новая Гвинея, Кенией, Лаосом и Таджикистаном (наименее коррумпированы Дания, Сингапур, Новая Зеландия — 9,3 балла). В связи с изменением системы рейтингов (от 0 до 100) Россия с 28 баллами заняла 133-е место в 2012 году, а в 2013 году с тем же баллом — 127-е, наряду с Азербайджаном, Гамбией, Ливаном, Мадагаскаром, Мали, Никарагуа, Пакистаном и Коморскими островами. Наименее коррумпированные страны в 2013 году — Дания и Новая Зеландия (91 балл), наиболее коррумпированные — Афганистан, КНДР и Сомали (8 баллов). В 2014 году индекс восприятия коррупции в России 27 и 136-е место, наряду с Камеруном, Ираном, Кыргызстаном, Ливаном, Нигерией. Наименее коррумпированы Дания (92 балла) и Новая Зеландия (91 балл), наиболее коррумпированы Северная Корея и Сомали (по 8 баллов).

В процессе исследований, осуществлявшихся Центром девиантологии Санкт-Петербургского социологического института РАН, респонденты из числа предпринимателей подробно рассказывали, за что приходится давать взятки: при регистрации предприятия; при получении лицензии; для получения от государственных органов помещения в аренду; при получении разрешения на эксплуатацию производственных помещений (при этом «тариф» пожарной инспекции выше, чем санитарной инспекции); при получении банковского льготного кредита; при сдаче отчета налоговой инспекции; при таможенных операциях.

О масштабах и всевластии коррупции, помимо бесчисленных фактов, свидетельствует формирование в России *коррупционных сетей*, изученных Фондом ИНДЕМ (руководитель Г. А. Сатаров). В состав коррупционных сетей входят: группы государственных чиновников, обеспечивающих соответствующие решения; коммерческие и финансовые структуры, реализующие получаемые выгоды, льготы, доходы; силовое прикрытие («крыша») со стороны представителей органов МВД, ФСБ, прокуратуры и иных «силовики». «Руководителями коррупционных сетей часто являются самые высокопоставленные российские чиновники и политики»¹.

Коррупция является в современной России проблемой номер один. В условиях тотальной коррумпированности всех ветвей власти на всех уровнях принципиально невозможно решить ни одной социальной, экономической, политической проблемы. Ибо все сводится к вопросу: кому и сколько надо заплатить.

Возможны ли противодействие коррупции, включая коррупционную преступность, ограничение ее масштабов? Очевидно, да. Но для этого нужны понимание социальной сущности коррупции, избавление от иллюзий относительно «искоренения», да еще уголовно-правовыми средствами. К числу иных можно отнести максимальное ограничение полновластия чиновников, сведение их функций к формально-регистрационным; максимальное ограничение прав бюрократии по «регулированию» экономики, образования, здравоохранения, науки, культуры и т. п.; резкое сокращение бюрократического аппарата на всех уровнях; усиление независимости бизнеса и личности; обеспечение реальной независимости и престижа суда (судей); формирование гражданского общества, обеспечивающего контроль за деятельностью чиновников; существенное повышение оплаты труда чиновников (госслужащих) при одновременном повышении их ответственности; обеспечение «прозрачности» их деятельности; наличие реальной политической воли по сокращению коррупции и др. Наконец, имплементация ст. 20 («Незаконное обогащение») Конвенции ООН против коррупции 2003 г., предполагающей возможность конфискации имущества чиновников в случае, когда *значительное увеличение активов публичного должностного лица превышает его законные доходы, которые оно не может разумным образом обосновать* (принцип *in rem*).

¹ Сатаров Г. А. Диагностика российской коррупции : Социологический анализ. М., 2002. С. 72.

Т. В. ПИНКЕВИЧ,
*профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права
Нижегородской академии МВД России,
доктор юридических наук, профессор*

КОРРУПЦИЯ КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ В РЕГИОНЕ (по материалам исследований)

Состояние национальной безопасности в России во многом зависит от экономического потенциала страны и эффективности функционирования системы ее обеспечения, основными приоритетами которой являются национальная оборона, государственная и общественная безопасность. В пункте 37 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года определен перечень основных источников угроз национальной безопасности, в их числе и сохраняющийся рост преступных посягательств, связанных с коррупцией¹, борьба с которой выступает отдельным видом уголовной политики².

Традиционно коррупцией считают преступную деятельность в органах государственной власти, выражающуюся в использовании должностными лицами своих властных полномочий и служебного положения в целях личного обогащения. Однако в России коррупция в силу своего характера и масштабов это не просто какое-то отдельное, локальное явление в области политики и государственного управления. Это система отношений, которые пронизывают все структуры нашего государства и общества и содействуют криминализации общества. Чтобы изменить ситуацию к лучшему в этой сфере, необходимо концептуально изменить направления уголовной политики, опираясь на итоги последних лет работы правоохранительных органов. Так, только в 2014 году было зарегистрировано 12 355 преступлений, ответственность за которые предусмотрена ст.ст. 290, 291, 291.1 УК РФ, привлечено к уголовной ответственности 15 551 чел.³ и осуждено восемь тысяч человек. Среди них 45 депутатов и кандидатов в депутаты, 3 400 гражданских служащих и 500 сотрудников правоохрани-

¹ Указ Президента Российской Федерации от 12.05.2009 № 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года».

² Волженкин Б. В. Коррупция. СПб., 1998. С. 4—6.

³ Коррупция: состояние противодействия и направления оптимизации борьбы / под ред. А. И. Долговой ; Российская криминологическая ассоциация. М., 2015. С. 346.

тельных органов¹. Внесение изменений в законодательство и расширение наказания за счет штрафных санкций к успехам пока не привело. По мнению Юрия Чайки, мера наказания в виде штрафа практически не исполняется². И действительно, в Федеральной службе судебных приставов России к концу первого квартала 2013 года находилось 1 045 исполнительных листов по штрафам на 19 млрд р., а взыскано всего 19 млн р. по 121 листу. Таким образом, наказание в виде штрафа в денежном выражении исполняется лишь на 1 %³. В 2014 году эта цифра достигла 10 %, что фактически свидетельствует также о безнаказанности коррупционеров⁴ и низкой эффективности штрафной уголовной политики. На этом фоне коррупция стала распространяться еще активнее.

Несмотря на наличие в доктрине права различных подходов относительно пользы коррупции в России и ее позитивного влияния на развитие экономики⁵ и в целом на развитие общества⁶, полагаю, что распространение коррупции не только способствует сплоченности организованной преступности, но и вызывает кризис законности, разрушает экономику государства, препятствует общественному и социальному развитию. Она подрывает доверие

¹ Иванов С. За коррупцию в этом году были осуждены 8 тысяч человек [Электронный ресурс] // Правда.Ру : интернет-изд. 2014. 8 дек. URL: <http://www.pravda.ru/news/districts/08-12-2014/1239168-sud-0/> (дата обращения: 15.09.2015).

² Генпрокуратура предложила уйти от кратных штрафов [Электронный ресурс] // Взгляд. Деловая газета : интернет-изд. 2014. 28 апр. URL: <http://www.vz.ru/news/2014/4/28/684265.html> (дата обращения: 15.09.2015).

³ Иванов С. Мне моего влияния вполне достаточно [Электронный ресурс] // Российская газета : электрон. версия газ. 2013. 1 окт. URL: <http://www.rg.ru/2013/10/01/ivanov.html> (дата обращения: 15.09.2015) ; Федоров А. В. Антикоррупционные стандарты ОЭСР и их реализация в российском уголовном законодательстве // The fifth secession of the international forum on crime and criminal law in the global era. Beijing, China, 2013. P. 351—369.

⁴ Выступление Председателя Верховного Суда России Вячеслава Лебедева на семинаре-совещании председателей республиканских, краевых и областных судов. 11.02.13 [Электронный ресурс] // ТАСС. Информационное агентство России : офиц. сайт. URL: <http://tass.ru/obschestvo/955893> (дата обращения: 15.09.2015).

⁵ Rose-Ackerman S. The economics of Corruption // Journal of Public Economics. 1975. V.4. № 2. P. 187—203.

⁶ Быков Д. Особое мнение [Электронный ресурс] // Эхо Москвы : сайт. 2013. 25 февр. URL: <http://www.echo.msk.ru/programs/personalno/1017708-echo/> (дата обращения: 15.09.2015) ; Коробеев А. И., Сонин В. В. Обзор 5-й сессии Международного форума «Преступность и уголовное право в эпоху глобализации» // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. № 1. С. 25—36.

граждан к государственной власти, разрушает легитимность государственных институтов, препятствует проведению необходимых России преобразований, повышает социальную напряженность, способствует падению престижа страны в мировом сообществе. Данная позиция имеет свое подтверждение¹.

Особенно остро эта проблема проявляется в отдельно взятых регионах. На протяжении двух десятилетий вызывает озабоченность представителей как государства, так и общественности криминогенная обстановка, сложившаяся в Северо-Кавказском федеральном округе (СКФО), которая сохраняется, несмотря на то, что на протяжении последних десяти лет принят ряд нормативных актов и государственных программ, направленных прежде всего на снижение социальной напряженности в регионе. Регион характеризуется социальной и политической нестабильностью, слабым экономическим развитием, высоким уровнем безработицы, бедностью значительной части населения, низкой эффективностью функционирования органов государственной власти.

На этом фоне распространение получили такие явления, как терроризм и экстремизм, нелегальный оборот оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ, наркотиков и не контролируемые в полном объеме миграционные процессы, торговля людьми и использование рабского труда, невыплата заработной платы, межнациональные конфликты и коррупция, что, в свою очередь, создает проблемы реализации конституционных прав и свобод человека и гражданина².

Актуальной проблемой остаются коррупционные проявления и их распространение, они приобретают все более изощренные формы. Только в 2014 году в Северо-Кавказском федеральном округе зарегистрировано свыше 1,5 тыс. преступлений коррупционной направленности, увеличилось количество выявленных фактов взяточничества. В суд для рассмотрения по существу

¹ Меркурьев В. В. Коррупция, организованная преступность и правоохранительные органы // Коррупция: состояние противодействия и направления оптимизации борьбы / под ред. А. И. Долговой ; Российская криминологическая ассоциация. М., 2015. С. 24.

² Видимо, по этой причине на заседании Коллегии Минрегиона России 4 февраля 2014 года Правительство Ставропольского края предложило рассмотреть вопрос включения пакета дополнительных проектов по обеспечению безопасности в федеральную целевую программу «Юг России». По мнению некоторых политиков, нельзя сбрасывать со счетов проблему безопасности, потому что никакой инвестор не придет, если эта ключевая проблема не решена // Министерство регионального развития Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <http://www.minregion.ru/newsitems/3996?locale=ru> (дата обращения: 02.10.2015).

направлено 621 уголовное дело, осуждено 541 лицо. Кроме этого, в ходе надзорной деятельности прокуроров выявлены многочисленные нарушения федерального законодательства в сфере противодействия коррупции, для устранения которых в прошлом и текущем году внесено свыше 12,5 тыс. актов прокурорского реагирования, 6 750 лиц привлечены к дисциплинарной и административной ответственности, по материалам прокурорских проверок возбуждено 360 уголовных дел, а при проведении антикоррупционной экспертизы по инициативе прокуроров из нормативных актов исключен 1 581 коррупциогенный фактор¹.

При этом только по выявленным в сфере образования коррупционным проявлениям возбуждено 280 уголовных дел. По количеству преступлений коррупционной направленности в этой сфере лидируют Ставропольский край (90 уголовных дел) и Республика Дагестан (75 уголовных дел)².

В то же время данные официальной статистики значительно ниже реальных цифр, но даже незначительное их количество по сравнению с общим числом противоправных деяний, совершенных в стране, может стать причиной дестабилизации обстановки как в целом в стране, так и в отдельных ее регионах³.

В сложившейся ситуации в регионе огромное управленческое значение для предупредительной деятельности приобретают результаты мониторинга, одним из составляющих которого стало определение уровня влияния коррупции на социальную стабильность в регионе. Мониторинг проводился Центром социальных, общественно-политических и криминологических исследований (г. Ставрополь) в два этапа — в 2012 и в 2015 годах. Всего в данной части мониторинга приняло участие 1 500 представителей учащейся молодежи (респонденты), 420 сотрудников правоохранительных органов, выступивших в качестве экспертов.

Так, респонденты определяют коррупцию связывают с понятием «взяточничество» (72 % опрошенных) и устойчивой связью представителей органов власти и преступного мира (34 % опро-

¹ В СКФО в 2014 году зарегистрировано свыше 1,5 тыс. коррупционных преступлений // REGNUM : информ. агентство. URL: <http://www.regnum.ru/news/accidents/1880523.html> (дата обращения: 15.09.2015).

² Ставропольский край и Дагестан — лидеры СКФО по коррупции в сфере образования // КМБСИТИ : сайт. URL: <http://news.kmvcity.ru/2015/03/21/stavropolsky-krai-i-dagestan-lideri-skfo-po-korrupcii-v-sfere-obrazovaniya/46001> (дата обращения: 04.09.2015).

³ Пинкевич Т. В. Влияние коррупции на социальную нестабильность в регионе (по материалам исследований в СКФО) // Международный I Антикоррупционный форум, Москва, 28—31 мая 2012 г. : сб. материалов. М., 2012.

шенных). Обращает на себя внимание тот факт, что полицейские отождествляют коррупцию с таким понятием, как «бизнес чиновников» (43 % экспертов)¹.

Таким образом, коррупционные практики довольно устойчиво ассоциируются в социально-профессиональном сознании с ведущим вектором рыночной экономики — устойчивым получением прибыли, которым и является взяточничество. Об опасности взяточничества в государственном масштабе говорит и тот факт, что эксперты называют в 26 % случаев взяточничество саботажем государственной политики. В целом это мнение совпадает с экспертными данными о том, что важнейшая угроза безопасности России в настоящее время — именно коррупция.

Важным элементом исследования стали представления о масштабах распространения коррупции. Разумеется, индивидуальное и групповое мнение о масштабах распространения коррупции не может претендовать на объективность оценки, но в целом ряде случаев это и не требуется: отношение личности и общности к действительности формирует эту действительность не меньше, чем факторы объективной реальности.

Примечательно, что мнения о распространенности коррупции в Северо-Кавказском федеральном округе у полицейских и у молодежи практически не расходятся, а это свидетельствует о наличии устойчивых элементов в общественном сознании людей, основанных не только на слухах, порой необоснованных, но и на повседневной практике жизни, полной примерами коррупционных скандалов.

Только в 7 % случаев респонденты говорят о том, что коррупция не свойственна государственным и муниципальным структурам округа. Подавляющее большинство респондентов говорит о повсеместности коррупционных проявлений (32 %) или о том, что они характерны для большинства государственных и муниципальных структур (46 %).

Важным элементом современной системы социальных императивов граждан является потребительская психология, которая сама по себе не несет общественной опасности и в целом является естественным развитием потребностей современного человека. Однако перекося в сторону индивидуального потребления при одновременном отрицании социального служения уже выступает в качестве коррупционного фактора. Коррупционную составляющую в данном явлении видят 24 % респондентов нашего социологического исследования. Действительно, чиновник с преобла-

¹ Участникам опроса предлагалось выбирать несколько вариантов ответа.

данием потребительской психологии в большей степени готов к тому, чтобы коммерциализировать свои прямые должностные обязанности, что широко распространено. Наиболее ярким примером тому можно считать массив уголовных дел в отношении глав администраций городов и районов Ставропольского края. С завидной регулярностью вот уже третье поколение таких чиновников попадают в поле зрения правоохранительных органов. И подтверждением тому являются следующие показатели. На вопрос, многие ли чиновники в СКФО берут взятки и пользуются служебным положением для личного обогащения, только 2 % опрошенных утверждают, что чиновники в СКФО не берут взятки, еще 2 % опрошенных говорят о том, что взятки берут менее половины чиновников. «Практически все чиновники берут взятки» — этот тезис декларируют 32 % опрошенных, «взятки берет подавляющее большинство чиновников» — декларирует 31 % опрошенных. Таким образом, практически каждый (или каждый второй) чиновник СКФО, с точки зрения респондентов, — взяточник, причем это и мнение профессионалов. Если чиновник на деле таковым и не является, его авторитет в групповом и, скорее всего, в массовом сознании не может быть высоким, что отрицательно влияет на всю систему государственного управления, которая не может эффективно функционировать без общественной поддержки.

Признание повсеместности распространения коррупции ставит вопрос и о динамике коррупционных проявлений. Как в сознании молодежи, так и в сознании экспертов отражается тенденция увеличения случаев коррупции и злоупотреблений в различных органах власти. Тот факт, что 12 % экспертов утверждают, что коррупции за последние годы стало меньше, вероятно, связан с наличием значительного количества уголовных дел коррупционной направленности, которые были доведены до суда.

Эта тенденция действительно существует, однако в целом отношения людей к сущности процесса распространения коррупции не меняет. Общественное мнение, таким образом, констатирует, что коррупция стала важным элементом жизни общества, фактором, корректирующим социально значимое поведение людей, а связь распространения коррупции и социальной нестабильности не просто очевидна и устойчива, но и крайне опасна.

Одна из важнейших составляющих мнения респондентов о коррупции — суждения о причинном комплексе этого социально опасного явления. Так, причины и условия коррупции жители Северо-Кавказского федерального округа видят и в политической сфере. И прежде всего в отсутствии контроля за деятельностью чиновников (47 %). Проблема отсутствия контроля за действиями

чиновников характерна не только для этого региона, она носит федеральный характер. Суть проблемы в том, что контроль над чиновничеством осуществляется не обществом через гражданские активистские структуры и не через средства массовой информации, а теми же чиновниками, подверженными коррупции, между которыми налажены существенные коррупционные связи.

Противоречия в законодательстве относятся респондентами (26 %) не к правовым факторам формирования коррупции, а именно к политическим. Как для молодежи, так и для экспертов все более явным становится лоббирование тех или иных законов различными группами влияния, в интересах которых — получение различного рода сиюминутных преференций, а не согласованное и устойчивое функционирование социально-правовой системы. С другой стороны, гиперактивное законотворчество, ставшее в последнее время отличительной чертой социально-правового процесса в России, также имеет свою коррупционную составляющую. Она носит объективированный характер: желание улучшить положение дел в стране связывается по-прежнему именно с законотворчеством, а не с формированием механизмов реализации закона. Таким образом, на смену одним законам, которые продемонстрировали свою неэффективность, приходят другие, а механизм их реализации остается непродуманным, в итоге одновременно действующие «правильные законы», конфликтуя друг с другом, создают почву для развития коррупционных отношений, на которые и указывают наши респонденты.

Основными причинами, по мнению респондентов, являются недостаточный уровень противодействия экономическим преступлениям (51 %), отсутствие четкой экономической политики (36 %), а также кризис системы ценностей в современном российском обществе (39 %)¹. И как следствие, увеличение количества нарушений прав человека, рост нигилизма и криминализация населения. Так, в ходе социологического исследования установлено, что более половины опрошенных не осуждают тех, кто дает взятки. При этом факт личного участия в даче взятки признают 8 % экспертов и 9 % граждан.

Как условие формирования коррупции респонденты (29 %) называют правовое неравенство граждан. Суть проблемы правового неравенства граждан не в порочности нормативно-правовых актов, которые, как правило, соответствуют демократическим конституционным требованиям, а в механизмах реализации этих прав. На защиту прав имущей части населения выступает штат

¹ Участникам опроса предлагалось выбирать несколько вариантов ответа.

подготовленных юристов, которые, пользуясь несовершенством законодательства, в большинстве случаев в той или иной степени удовлетворяют запросы своих клиентов. Не секрет, что «решить вопрос» за деньги можно и в любой правоохранительной инстанции, однако большое значение имеет «цена вопроса». Такая ситуация порождает двойной эффект: возникают коррупционные связи между элитарными слоями общества и руководством правоохранительных органов и между базовыми слоями общества и средним и низовым персоналом правоохранительных органов.

Рост коррупции 22 % опрошенных нами респондентов объясняют рядом недостатков социальной политики, прежде всего в сфере образовательных услуг, медицинской помощи, военного учета и др.

Респонденты отмечают зависимость включенности в систему коррупционных отношений от социального статуса личности. На то что положение человека в обществе и его коррупционные связи тесно связаны, указывают 39 % опрошенных.

Особой социальной причиной коррупции 31 % респондентов считают проблемы воспитания подрастающего поколения. Четверть опрошенных молодых людей говорят о том, что источник коррупции — в их воспитании. Старшее поколение, прошедшее через горнило демократических преобразований и рыночной перестройки народного хозяйства, в целом хорошо усвоило и транслирует молодому поколению образцы коррупционного поведения, которые стали в настоящее время нормой жизни. Кроме того, что эти образцы воспроизводятся и транслируются в семьях и кругах молодежного общения, они демонстрируются средствами массовой информации, особенно современным кинематографом, который ставит во главу угла принцип потребления значимых социальных благ любой ценой. Таким образом, образцы коррупционного поведения интегрируются в обычную жизнь жителей СКФО и становятся ее неотъемлемой частью.

О том что коррупция влияет на состояние социальной стабильности, утверждают 72 % респондентов и только 2 % опрошенных декларируют отсутствие связи между проблемами нестабильности и коррупцией, в то же время 26 % опрошенных коррупцию считают главной причиной нестабильности в регионе. Естественно и вполне объяснимо, что коррупция генерирует социальную нестабильность, подрывая при этом основы социальной стабильности.

Таким образом, коррупция рассматривается респондентами как одна из основных угроз региональной безопасности. Она, с

точки зрения респондентов, наиболее тесно связана с такими явлениями, как:

ухудшение работы системы государственного и муниципального управления (46 %);

падение уровня жизни населения (43 %);

безработица (41 %);

рост преступности и иных правонарушений (61 %). Среди них особое внимание уделено терроризму, экстремизму и межнациональным конфликтам.

Перспективы ближайших трех лет развития Северо-Кавказского федерального округа, с точки зрения респондентов, таковы, что коррупция будет увеличиваться и набирать силу, укрепляться за счет слияния с организованной и экономической преступностью (38 %), а нестабильность в регионе будет расти.

Таким образом, основа обеспечения стабильности региона в будущем — системное и безотлагательное проведение масштабных антикоррупционных мероприятий.

А. В. СУМАЧЕВ,

*профессор кафедры уголовного права и процесса
Тюменского государственного университета,*

доктор юридических наук, профессор

О ЗАЩИТЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ ОТ ЮРИДИЧЕСКИХ ИЗЛИШЕСТВ ОБЯЗЫВАНИЯ В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ

Вопросы противодействия коррупции являются наиболее обсуждаемыми не только в правовой сфере, но и в общественно-политическом формате. Простой запрос в справочно-поисковой системе «Яндекс» на тему «Борьба с коррупцией в современной России» выдал более семи (!) миллионов ответов. Как видно, проблема актуальна и не менее актуальны в этой связи вопросы разработки комплекса организационно-правовых мер противодействия коррупции. На сегодняшний день нормативная база, ориентированная на противодействие коррупции, поистине огромная и определяет, вне сомнений, наиболее ключевые направления антикоррупционной политики государства. Вместе с тем здесь не исключены так называемые перегибы, которые условно можно определить как «юридические излишества обязывания в сфере противодействия коррупции». И в этой связи, как представляется, тезис «чиновника тоже надо защищать» обуславливает актуальность исследования вопросов о защите государственных служа-

щих от юридических излишеств обязывания в сфере противодействия коррупции. Такого рода «излишества», с одной стороны, могут противоречить морально-нравственным установкам людей, с другой — могут порождать поистине «комические» ситуации в деятельности государственных или муниципальных органов.

Приведем лишь некоторые примеры. Так, весьма неоднозначной является позиция руководителей различного уровня относительно обязывания государственных служащих уведомлять (немедленно сообщать), а по сути, «доносить» на лиц, склоняющих их к совершению коррупционных правонарушений¹. Более того, неисполнение обязанности уведомлять представителя нанимателя, органы прокуратуры Российской Федерации или другие государственные органы обо всех случаях обращения к государственному служащему каких-либо лиц в целях склонения к совершению коррупционных правонарушений несовместимо с его дальнейшей служебной деятельностью в государственных органах.

Дело в том, что «доносительство» в российском (советском) обществе всегда вызывало и вызывает неприятие, а порой даже нетерпимость и враждебность. В этой связи «обязывание» государственного служащего уведомлять обо всех случаях обращения к нему каких-либо лиц в целях склонения государственного служащего к совершению коррупционных правонарушений следует изменить на соответствующее «правомочие», исключительно зависящее от морально-нравственных и профессиональных установок конкретного служащего.

Далее, вызывает некоторые сомнения обоснованность «обязывания пассивного социально-значимого поведения». Так, абз. 3 п. 2.7 Кодекса служебного поведения (этики) лиц, замещающих должности государственной гражданской службы в исполнительных органах государственной власти Мурманской области определяет: «Нравственным долгом для государственного служащего в случае его несогласия с политикой, проводимой государством или конкретным государственным органом, где он служит, является уход в отставку». Данное положение, как представляется,

¹ См., например, п. 2.9 Кодекса этики и служебного поведения государственных гражданских служащих Ямало-Ненецкого автономного округа (утв. постановлением губернатора Ямало-Ненецкого автономного округа от 17.02.2011 № 19-ПГ в ред. Постановлений губернатора ЯНАО от 30.09.2013 № 142-ПГ, от 09.09.2014 № 1 122-ПГ); п. 2.7 Кодекса служебного поведения (этики) лиц, замещающих должности государственной гражданской службы в исполнительных органах государственной власти Мурманской области : утв. Постановлением Правительства Мурманской области от 25.08. 2010 № 373-ПП.

явно противоречит морально-нравственным установкам активно-го члена общества, поскольку «принуждает» «несогласных» исключительно к пассивному поведению, игнорируя их активную социальную позицию.

«Излишества» обязывания государственных служащих в сфере противодействия коррупции могут порождать, как отмечалось, подлинно «комические» ситуации в деятельности государственных или муниципальных органов. Например, в Положении о противодействии коррупции в учреждении» муниципального автономного дошкольного образовательного учреждения «Детский сад комбинированного вида № 34» (принято Попечительским советом, протокол № 3 от 24.03.2014) отмечается, что к действиям работников детского сада, нарушающим антикоррупционное законодательство, могут относиться следующие: «Совершение работниками детского сада высказываний или действий, которые могут быть восприняты окружающими как согласие принять взятку или просьба о взятке. <...> К числу таких высказываний относятся: “спасибо на хлеб не намажешь”, “вопрос решить трудно, но можно”, “договоримся”, “нужны более веские аргументы”, “ну, что делать будем?” и т. д.» (п. 3.8.1 Положения)¹.

Другой пример, имевший место в одном из департаментов субъекта Российской Федерации (по этическим мотивам не указываем конкретный орган). В департаменте обсуждался вопрос о том, какие сведения государственным служащим следует указывать в справке о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера. При этом исключительно серьезно выдвигались предложения указывать размер так называемых бонусов, которые начисляются при пользовании отдельными видами дисконтных карт (например, дисконтных карт, используемых на автозаправочных станциях «Лукойл»). Более того, предлагалось документировать как доход размер скидок по дисконтным картам, но с оговоркой, что они должны быть пластиковыми (не бумажными). В итоге было определено, что в качестве доходов следует указывать такие «бонусы», которые можно документально подтвердить, в частности «бонусы» от использования пластиковых карт Сбербанк по программе «Спасибо от Сбербанк».

¹ Управление по образованию администрации Наро-Фоминского района Московской области [Электронный ресурс] // EDUMSKO : сеть сайтов образовательных учреждений. URL: http://nfdou34.edumsko.ru/documents/other_documents/polozheniya1/polozhenie_o_protivodejstvii_korruptcii/ (дата обращения: 25.09.2015).

Таким образом, юридические излишества обязывания государственных служащих в сфере противодействия коррупции имеют место, и, соответственно, реализация идеи о том, что «чиновника тоже надо защищать», является весьма значимой.

В. В. КОЛЕСНИКОВ,
*заведующий кафедрой общегуманитарных
и социально-экономических дисциплин
Санкт-Петербургского юридического института (филиала)
Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации,
доктор экономических наук, профессор*

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ КОРРУПЦИИ: СПЕЦИФИКА И ЗНАЧЕНИЕ

Перед тем как приступить к рассмотрению темы доклада по существу, позволю высказать несколько слов в память о большом ученом и замечательном человеке профессоре Б. В. Волженкине. Борис Владимирович был одним из первых юристов, который предложил мне сотрудничество в написании ряда научных и учебно-методических работ. Он знал, что в 1995 году я защитил первую в России докторскую экономическую диссертацию по проблеме экономической преступности, читал мои работы и слушал мои лекции по экономике для следователей прокуратуры, которые я читал на Литейном, 44 в конце восьмидесятых годов. Вместе с ним мы подготовили два текста главы на новую по тем временам тему «Преступность в сфере экономической деятельности» в учебники по криминологии (издательство «Лань», 1998 и 1999 годы). Эти тексты стали «классическими», на них было много ссылок и даже факты откровенного плагиат-заимствования. В 2001 году вышла коллективная монография «Политический режим и преступность» (петербургское издательство «Юридический центр Пресс»), содержащая нашу совместную главу «Экономическая преступность и политическая коррупция». Эта работа остается во многом актуальной и сегодня, а сама монография — по оценке криминологов — отличается не только глубиной, но и честностью и смелостью выводов. И последнее. Как известно, в СПбГУ Б. В. Волженкин возглавлял Санкт-Петербургский центр изучения проблем противодействия организованной преступности и коррупции; в 2000 году я выиграл грант, в рамках которого в Центре мною было проведено исследование по новой для отече-

ственной криминологии теме «Феномен организованной экономической преступности»¹.

Коррупцию как экономический феномен характеризует множество факторов, знание которых было бы крайне полезно для криминологического анализа. Если говорить в целом, то коррупцию в качестве экономического института следует рассматривать прежде всего как специфическую латентную форму социально несанкционированных отношений обмена, распределения и присвоения экономических благ, денежных средств, ценных бумаг и активов, а также прав на них. Коррупция реализуется через рен-тоориентированное поведение чиновников, при этом такое поведение коррупционера сопровождается поиском выгоды от введения государством для субъектов бизнеса и для граждан ограничений в функционировании рынка и гражданского общества, в том числе за счет установления дополнительных регулирующих и контролирующих правил и регламентаций (административных барьеров и т. п.). Коррупция ограничивает экономическую свободу, свободу конкуренции и доступ граждан и бизнеса к национальным ресурсам. Также немаловажное экономическое свойство коррупции состоит в том, что это внеэкономическая форма обеспечения преимуществ в конкурентной борьбе субъектов бизнеса, включенных в коррупционные отношения с чиновниками. Более того, коррупция воспроизводит конвертацию власти в собственность и капитал, обеспечивая первоначальное накопление капитала для коррупционеров и укрепление экономических основ для плутократической формы развития. Таким образом, коррупционная модель управления, с одной стороны, обеспечивает максимизацию личных выгод (в нарушение правовых запретов) для коррупционеров — чиновников и для корруптеров — субъектов бизнеса, агентов теневой экономики; с другой стороны, приводит к минимизации эффективности использования ресурсов и экономических благ для государства и общества в целом, к абсолютному или относительному снижению уровня национального богатства или общественного благосостояния. Более подробную характери-

¹ Колесников В. В. Феномен организованной экономической преступности [Электронный ресурс] // Санкт-Петербургский центр изучения проблем противодействия организованной преступности и коррупции : сайт. Дата опубликования: 2001 г. URL: jurfak.spb.ru/centers/traCCC/article/kolesnikov1.htm (дата обращения: 10.10.2015).

стику экономического анализа коррупции можно найти в наших работах¹.

Герри Беккер, лауреат Нобелевской премии по экономике, один из главных основателей экономической теории преступлений и наказаний, лаконично определил содержание экономического подхода к борьбе с преступностью, а значит, и к противодействию коррупции: «Сущность экономического подхода к преступности изумительно проста: он состоит в том, что люди решают, совершать ли им преступление или нет, сравнивая (свои ожидаемые) выгоды и издержки от преступления»².

Оценка выгод связана с возможностью присвоения в результате совершения преступления определенных денежных средств, ценностей, вещей и иных материальных благ. Для коррупционных преступлений (речь идет о «деловой коррупции») может быть собственная специфика выгод, поскольку здесь две стороны выгодополучателей — чиновник и бизнесмен: коррупционер ожидает получить и незаконно присвоить денежные средства, активы, права на них, иные формы выгоды (трудоустройство членов семьи в бизнес-структуры на «теплые» и «денежные» должности, оплата обучения детей или внуков в престижных зарубежных университетах и колледжах, оплата отдыха на лучших мировых курортах и т. п.); корруптер, в свою очередь, надеется получить соответствующие незаконные конкурентные преимущества для собственного бизнеса — за счет «выигранных» тендеров на выгодные госзаказы, работы и т. п., освоения бюджетных средств, снижения налогов или за счет иных преференций. Другими словами, коррупция — это обмен коррупционной ренты, присваива-

¹ Волженкин Б. В., Колесников В. В. Экономическая преступность и политическая коррупция // Политический режим и преступность : монография / под ред. В. Н. Бурлакова, Ю. Н. Волкова, В. П. Сальникова. СПб., 2001. С. 260—308 ; Колесников В. В. Коррупция как социальное явление и особый вид отношений обмена // Труды Санкт-Петербургского юридического института Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2001. № 3. С. 277—289 ; Колесников В. В., Борисов О. А. Феномен коррупции как угрозы национальной безопасности // Российский криминологический взгляд. 2007. № 2(10). С. 149—158 ; Колесников В. В., Борисов О. А., Быков В. Н. Коррупция как угроза национальной безопасности: о специфике криминологического подхода // Криминологический журнал БГУЭП. 2007. № 3—4(2). С. 50—57 ; Коррупция как экономический институт и угроза безопасности России : монография / науч. ред. В. В. Колесников. СПб., 2010. 357 с. ; Колесников В. В., Борисов О. А., Быков В. Н. Коррупция как экономический институт и объект экономико-правового анализа: поиск подходов // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2011. Т. 52. № 4. С. 115—121.

² Becker G. S. The Economics of Crime // Cross Sections. 1995. Fall. P. 8—15.

емой чиновником-коррупционером, на незаконные преимущества в бизнесе, которые получает предприниматель-корруптер. Для последнего выгоды материализуются в конечном счете в виде максимизации нормы и массы прибыли, а для первого — обеспечивается конвертация должности в собственность и капитал.

Издержки преступления связаны преимущественно с тем, насколько высока вероятность того, что совершивший его будет задержан и осужден. При этом, разумеется, имеет значение, какое последует наказание для правонарушителя: будет ли это штраф, условное осуждение или тюремное заключение, понесет ли материальные потери (конфискация имущества, например), будет ограничен в правах и свободах. Степень тяжести и иные особенности наказания непосредственно влияют на оценку издержек преступления, и чем издержки выше, тем больше оснований считать, что вероятность совершения преступлений ниже. Однако если издержки невелики, а выгоды очевидны, то мало что будет удерживать от совершения преступлений.

Исследуя проблему экономического обоснования выбора мер уголовного наказания за преступления, Беккер пришел к важному выводу о том, что норма субституции (замены) тюремного заключения денежным штрафом будет качественно отличаться для двух основных категорий преступников — лиц с высоким человеческим капиталом (это преимущественно лица с высоким уровнем образования, преимущественно «белые воротнички») и лиц с низким человеческим капиталом («малообразованные преступники»). Поскольку для первых наиболее ценным ресурсом будет время, а для вторых — деньги, то предложил схему рекомендуемого вида наказания для каждой категории преступников (дифференцированная политика наказаний): для первой группы надо применять преимущественно меру в виде лишения свободы, для второй — в виде денежных штрафов. Такой подход сегодня в мире получил широкое распространение; отечественная практика пока его не спешит инкорпорировать.

Таким образом, экономический подход к преступности вообще и коррупции в частности дает действенный инструментарий как для оценки уголовно-правовой политики, так и для анализа эффективности применения тех или иных норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства в отношении конкретных видов преступлений и категорий преступников.

В более широком смысле специфика экономического подхода к анализу правовых феноменов, в том числе таких, как преступление и наказание, состоит в том, что экономист оценивает их с позиций

того, как принимаемый или уже принятый нормативный правовой акт (или правовая норма) воздействует на национальное богатство или благосостояние общества, на его прирост. Юрист же оценивает их с позиций справедливости. Если вспомнить подход В. С. Нерсесянца, то справедливость в этом смысле можно трактовать как отсутствие произвола и привилегий. Как верно заметил один из специалистов в области экономического анализа права Д. Робертсон, «способность экономистов видеть дальше очевидного для того, чтобы объяснять непосредственно не связанные между собой феномены, представляет собой один из наиболее значимых навыков, которые они внесли в социальный анализ»¹.

При анализе юридических феноменов экономический подход концентрируется прежде всего на последствиях существования и применения юридических правил. Для экономиста важен не отдельный факт, а процесс или явление в целом, показывающие какую-либо тенденцию, закономерность. Для юриста свойственен узкий подход с фокусированием на конкретном прецеденте, правонарушении, норме, разбираемом в судебном заседании деле и т. п. Суть такого подхода хорошо выражает известная максима «Пусть мир рухнет, но правосудие восторжествует». Для экономиста закон — не более чем один из множества возможных, вероятных вариантов развития событий и решения проблем социума, один из возможных альтернативных путей достижения определенной цели. Для юриста закон — «святое» понятие: «*Dura lex, sed lex*» («Закон суров, но это — закон»). Сказанное определяет важность дополнения принятых в отечественной юриспруденции традиционных подходов к правовым феноменам (включая и коррупционные явления) экономическим анализом. Как показывает богатый зарубежный опыт, это позволит не только расширить представления об этих феноменах, но и сделает более эффективным процесс законотворчества и правоприменения.

Обратимся к еще одному аспекту проблемы противодействия коррупции. В последнее время можно наблюдать типичную картину: ряд коллег-криминологов задаются вопросом о том, почему принимается целый ряд решений по, казалось бы, немотивированной либерализации применения уголовной репрессии в отношении тех, кто совершает коррупционные и экономические преступления. Их недоумение вполне оправданно, поскольку подобная модернизация, во-первых, часто приводит к снижению эф-

¹ Robertson D. Law&Economics Analysis: A Lawyer Perspective on the Economic Analysis of Law. University of New Zealand (mimeo), 2001.

фективности противодействия названным деяниям, во-вторых, по сути, нарушает установившиеся уголовно-правовые традиции и императивы наказания и превенции и *volens nolens* ставит беловоротничковых делинквентов в привилегированное положение. Для понимания этиологии проблемы следует обратить внимание криминологов и специалистов в области уголовного права на фатально детерминирующую обусловленность действий «конструкторов» подобных норм и подходов мотивацией, генерируемой со стороны так называемых групп специальных интересов (ГСИ). Эта обусловленность давно и откровенно описана в теории общественного выбора, использующей инструментарий рыночного анализа в отношении функционирования системы политических отношений, которая представляется в виде политического рынка. Бескомпромиссные оценки феномена содержатся и в выводах зарубежных ученых-криминологов. Так, по мнению американского криминолога Р. Куинни, законы, налагающие запрет на определенные формы поведения и обязывающие граждан поступать законопослушно, принимаются законодателями, которые получили место при поддержке лоббирующих свои интересы групп; возможность претворять свои интересы в общественную политику является наиглавнейшим показателем обладания властью. В результате преступность (по Р. Куинни) можно определить как действия, воспринимаемые находящимися у власти людьми как прямая или косвенная угроза их интересам¹.

Другой известный криминолог США Дж. Шели подчеркивает, что преступность есть социальный конструкт, творимый в интересах господствующих (властных) элит; преступность — понятие релятивное (относительное) и конвенциональное: это то, что именно «сконструирует» законодатель в качестве «преступного» здесь и сейчас в интересах властных элит или в результате компромисса конфликтующих социальных сил².

Существует также пока слабо осознаваемая юридической общественностью взаимная связь и обусловленность системы уголовно-правового регулирования и применяемой модели экономики³.

¹ Криминология : пер. с англ. / под ред. Дж. Ф. Шели. 3-е междунар. изд. СПб., 2003. С. 86. Или: Quinney, R. The Social Reality of Crime. Boston: Little, Brown, 1970. P. 13.

² Предисловие к русскому изданию // Криминология : пер. с англ. / под ред. Дж. Ф. Шели. 3-е междунар. изд. СПб., 2003. С. 21.

³ Колесников В. В. Модель экономики и уголовно-правовое регулирование // Российский журнал правовых исследований. 2015. № 1 (2). С. 186—195.

Причем и интересы ГСИ и доминирующая в обществе экономическая модель с неизбежностью цунами будут сметать на своем пути все, что мешает достижению их цели (прецеденты с изъятием из УК РФ конфискации как самостоятельного вида наказания, мультиплицированием статей по мошенничеству, заменой уголовного наказания в виде лишения свободы на штраф, введением нормы, по которой компенсация материального ущерба жертве экономического преступления освобождает от уголовной ответственности, и т. д.). Поэтому криминологам стоило бы вспомнить известную методологическую идеологию: «Если мы будем браться за решение частных вопросов без предварительного решения общих вопросов, это будет обрекать нашу политику на неудачу». Выстраивание социально эффективной и идеологически сбалансированной конструкции уголовно-правового регулирования, которая будет мощно противостоять коррупции и иным видам «привилегированной» преступности, требует применения не только традиционного политико-правового обоснования и соответствующих юридических техник, но и — как это давно делается в «развитых» странах — использования экономического подхода к противодействию преступности, прогнозного и оценочного экономического анализа правовых норм и нормативных правовых актов.

А. И. СИТНИКОВА,

*профессор кафедры уголовного права
Юго-Западного государственного университета,
доктор юридических наук, доцент*

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ КОРРУПЦИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

В период реформирования уголовного законодательства научная общественность сформулировала концепцию, конечной целью которой является приведение уголовного законодательства в соответствие с криминальной реальностью¹. Однако цель концепции не достигнута, о чем свидетельствует неблагоприятная

¹ См., напр.: Назаренко Г. В. Проблемы противодействия коррупции в контексте совершенствования уголовно-правовой политики современной России // Актуальные проблемы противодействия коррупции на современном этапе : науч.-практ. конф., Орел, 21 мая 2010 г. : материалы. Орел, 2010. С. 77—80 ; Алексеев А. И., Овчинский В. С., Побегайло Э. Ф. Российская уголовная политика: преодоление кризиса. М., 2006. С. 106—110.

криминальная ситуация в России, в том числе угроза национальной безопасности государства, которую создает коррупция в органах власти и управления. Борьба с коррупцией не просто актуальна, а жизненно важна, поскольку от исхода этой борьбы зависит социально-политическая и экономическая стабильность российского общества. Недавние события на Украине продемонстрировали реакцию общества на коррумпированную власть.

В настоящее время предпринимаются определенные меры формирования антикоррупционной политики, в основе которой лежит разработка государственных мер с целью устранения причин и условий, порождающих коррупцию. Так, принят Национальный план противодействия коррупции на 2014—2015 годы, утвержденный Указом Президента Российской Федерации от 11.04.2014 № 226, действует Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции». Однако пути решения проблемы выявления, предупреждения и пресечения коррупционных деяний в указанных нормативно-правовых актах следует признавать малоэффективными с учетом следующих обстоятельств:

1. В Федеральном законе «О противодействии коррупции» (ч. 1 ст. 1) отсутствует легальное определение понятия «коррупция». Вместо него дан перечень преступных деяний: злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп, иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества или государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами.

С позиции законодательно-текстологического подхода наличие в нормативном тексте законодательных дефиниций является необходимым условием обеспечения единства нормативных предписаний, единообразного их понимания и технико-юридической культуры оформления текста закона. Специалисты по теории законодательства утверждают, что «чем большему числу понятий будут даваться в законе детальные дефиниции, тем меньше будет ошибок и недоразумений на практике»¹. Отметим, что дефиниция должна содержать признаки социального феномена, которые отражают его правовую природу, поскольку предназначена для точ-

¹ Номография / под ред. Ю. Г. Арзамасова. М., 2007. С. 135.

ного толкования и правильного применения связанных с ней нормативных предписаний.

2. В соответствии с п. «а» ч. 1 ст. 1 Федерального закона «О противодействии коррупции» к коррупционным правонарушениям относится довольно узкий перечень деяний, который фактически включает отдельные преступления, предусмотренные Уголовным кодексом Российской Федерации: злоупотребление должностными полномочиями (ст. 201), коммерческий подкуп (ст. 204), получение взятки (ст. 290), дача взятки (ст. 291), иные преступления, заключающиеся в незаконном использовании физическим лицом своих должностных полномочий вопреки законным интересам общества или государства.

3. В данный перечень не включены такие преступные деяния с признаками коррупции, как воспрепятствование осуществлению избирательных прав или работе избирательных комиссий (ст. 141 УК РФ), нарушение порядка финансирования избирательной кампании кандидата, избирательного объединения, избирательного блока, деятельности инициативной группы по проведению референдума, иной группы участников референдума (ст. 141.1 УК РФ), фальсификация избирательных документов референдума (ст. 142 УК РФ), невыплата заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и иных выплат (ст. 145.1 УК РФ), регистрация незаконных сделок с землей (ст. 170 УК РФ), подкуп участников и организаторов профессиональных спортивных соревнований и зрелищных коммерческих конкурсов (ст. 184 УК РФ), неправомерные действия при банкротстве (ст. 195 УК РФ), преднамеренное банкротство (ст. 196 УК РФ), фиктивное банкротство (ст. 197 УК РФ), злоупотребление полномочиями частными нотариусами и аудиторами в целях извлечения выгод и преимуществ для себя или других лиц (ст. 203 УК РФ), злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ), нецелевое расходование средств (ст. 285.1 УК РФ), нецелевое расходование бюджетных средств государственных внебюджетных фондов (ст. 285.2 УК РФ), превышение должностных полномочий (ст. 286 УК РФ), присвоение полномочий должностного лица (ст. 288 УК РФ), незаконное участие в предпринимательской деятельности (ст. 289 УК РФ), служебный подлог (ст. 292 УК РФ), провокация взятки или коммерческого подкупа (ст. 304 УК РФ), подкуп или принуждение к даче показаний либо к неправильному переводу (ст. 309 УК РФ) и др.

4. Коррупционные деяния, указанные в п. «а» ч. 1 ст. 1 Федерального закона «О противодействии коррупции», соответствуют заголовкам статей, содержащихся в Уголовном кодексе Россий-

ской Федерации. Вместе с тем в Федеральном законе не используется термин «преступление», законодатель заменяет его на широкое понятие «правонарушение», которое помимо уголовно наказуемых деяний охватывает административные проступки, гражданско-правовые и дисциплинарные деликты.

5. В соответствии с п. «б» ст. 1 Федерального закона «О противодействии коррупции» под противодействием коррупции понимается деятельность федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, институтов гражданского общества, организаций и физических лиц *в пределах их полномочий*. При этом выделяются три направления противодействия коррупции: 1) предупреждение коррупции (установление условий и причин ее возникновения); 2) выявление, пресечение, раскрытие и расследование коррупционных правонарушений; 3) минимизация или ликвидация последствий коррупционных правонарушений.

Основываясь на законодательно-технических и законодательно-текстологических приемах интерпретации нормативных предписаний, следует отметить недостатки данного нормативного текста. Во-первых, выполнение должностными и физическими лицами своих служебных обязанностей в пределах их полномочий не является противодействием коррупции. Противодействие — это деятельность правоохранительных органов, препятствующая совершению должностными и иными физическими лицами коррупционных преступлений. Полагаем, что под коррупционными преступлениями следует понимать деяния с признаками подкупа-продажности, совершаемые лицами с использованием своего официального статуса вопреки законным интересам общества или государства. Причем коррупционные преступления совершают именно лица, наделенные властью, в пределах должностных полномочий, но вопреки законным интересам общества или государства. Во-вторых, использование термина «правонарушение», примененного в равной степени к уголовно-правовым деяниям, административно-правовым проступкам и гражданско-правовым деликтам, не соответствует интенции законодателя, выразившего свою волю в п. «б» ч. 2 ст. 1 Федерального закона «О противодействии коррупции», в котором дан перечень уголовно-правовых и криминологических мер борьбы с преступлениями, а не с административными и гражданскими правонарушениями.

6. Меры по профилактике коррупции, сформулированные в ст. 6 Федерального закона «О противодействии коррупции», носят

декларативный характер, в частности, к таким мерам закон относит формирование в обществе нетерпимости к коррупционному поведению. Однако нетерпимость к коррупционным преступлениям в обществе сформирована достаточно давно, однако активность реагирования на коррупционное поведение снизилась, так как разоблачения коррупционеров, как правило, не имели ожидаемых правовых последствий либо правовые последствия были неадекватны ущербу, причиненному правоохраняемым интересам.

7. В статье 8 Федерального закона «О противодействии коррупции» содержатся нормативные предписания, обязывающие государственных и муниципальных служащих представлять работодателю сведения о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера. Причем эти сведения носят конфиденциальный характер, если они не отнесены к сведениям, составляющим государственную тайну. Это означает, что законодатель предусмотрел половинчатую меру социального контроля. В качестве эффективной меры предупреждения и обнаружения коррупционных сделок должен стать контроль за *совокупными* доходами и расходами указанных категорий лиц, а также их родственников.

Следует признать, что кодифицированные акты и ряд федеральных законов способствуют совершению коррупционных преступлений. Отметим лишь некоторые.

1. Под прикрытием Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» осуществляется передел собственности, поскольку нормы этого Закона не препятствуют проведению процедуры банкротства прибыльных предприятий. В результате предприятия продаются по низким ценам, имеют место так называемые «рейдерские атаки», т. е. захват или перераспределение собственности с использованием механизма, предусмотренного Федеральным законом «О несостоятельности (банкротстве)», при непосредственном участии представителей органов государственной власти, в том числе судов и органов местного самоуправления.

2. Федеральный закон от 08.08.2001 № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» дает возможность чиновникам-регистраторам совершать ряд неправомερных действий из корыстной или иной личной заинтересованности, например не принимать документы на лицензирование, мотивируя отказ наличием достаточного количества предприятий подобного профиля. Можно признать, что нормативная база данного Закона способствует использованию чиновниками-регистраторами незаконных способов воздействия

на лиц, стремящихся зарегистрировать свою предпринимательскую деятельность.

3. Широкому распространению «перелива» неконтролируемых денежных средств, полученных преступным путем, способствовали неэффективные федеральные законы, регламентирующие деятельность в сфере банковских отношений. В результате расхитителям собственности была предоставлена возможность вкладывать незаконно полученные доходы в легальный бизнес, приобретать валюту и переводить ее за рубеж. Недостатки в правовом обеспечении противодействия легализации привели, с одной стороны, к широкомасштабному росту коррупционных действий в финансовой сфере, с другой — к ничтожно малому количеству выявленных и раскрытых преступлений в сфере незаконной банковской деятельности. Так, за период с 2002 по 2006 год зарегистрировано 133 преступления в сфере незаконной банковской деятельности и выявлено всего лишь 46 лиц, совершивших эти преступления¹. Приведенные данные на фоне общего количества зарегистрированных преступлений за эти пять лет (15 млн 586 тыс. 825 преступлений) свидетельствуют о крайне низком профилактическом потенциале Федерального закона от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма».

4. Ненадлежащий характер имеет ст. 575 Гражданского кодекса Российской Федерации, позволяющая чиновникам на законном основании получать подарки, стоимость которых не превышает пяти минимальных размеров оплаты труда. Кроме того, ГК РФ не запрещает брать подарки и от одного человека несколько раз и от нескольких разных лиц в течение одного дня. В то же время Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» запрещает получать вознаграждения, связанные с исполнением должностных обязанностей. Такая ситуация представляется весьма запутанной и создает неплохие условия для процветания коррупции среди государственных служащих и других должностных лиц. Нормативное предписание, закрепленное в Гражданском кодексе Российской Федерации, по существу, легализует взятку, способствует росту коррупции в сфере государственной службы и формированию корыстной мотивации в среде чиновников, обеспечивает готовность принести в жертву материальной выгоде закон, нормы морали и профессиональную честь.

¹ URL: <https://eandex.ru/search/?text> (дата обращения: 19.10.2015).

5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях создает юридическую возможность «переквалифицировать» преступление на административное правонарушение, так как некоторые статьи УК РФ имеют аналоги в КоАП РФ, в частности, ст. 196 УК РФ «Преднамеренное банкротство» и ст. 197 УК РФ «Фиктивное банкротство» соответствуют содержанию ст. 14.12 КоАП РФ «Фиктивное или преднамеренное банкротство».

6. Действующий Уголовный кодекс Российской Федерации наряду с известными доктрине уголовного права составами содержит новые конструкции составов преступлений. По рестриктивному признаку объективной стороны состава преступления, ограничивающему возможность привлечения субъекта к уголовной ответственности, можно выделить состав причинения определенного вреда правоохраняемым интересам. Законодательное описание умышленных преступных деяний с рестриктивным признаком содержат составы преступлений, субъектом совершения которых является лицо, обладающее властью, выполняющее обязанности на государственной службе или наделенное избирательным мандатом (например, ст.ст. 140, 146, 147, 176, 178, 201, 285 УК РФ и др.).

Составы причинения определенного вреда — это составы, которые содержат указание на причинение конкретного вреда в качестве криминализующего признака совершенного деяния: причинение существенного вреда, крупного ущерба, существенное нарушение прав и законных интересов и т. п. Рестриктивные признаки в таких составах характеризуют возможные последствия и отражают не момент окончания преступления, а наличие в совершенном деянии состава преступления только при условии причинения вреда, указанного в диспозициях статей. Так, использование виновным своих полномочий вопреки интересам организации (ст. 201 УК РФ) или службы (ст. 285 УК РФ), не сопряженное с причинением существенного вреда или существенного нарушения прав, даже при наличии преступных целей (ст. 201 УК РФ) или преступных мотивов (ст. 285 УК РФ), преступлением не является. Использование лицом своих полномочий вопреки интересам организации или службы при отсутствии указанных в законе последствий квалифицируется как административное правонарушение с учетом предписаний главы 19 КоАП РФ.

Законодательно-текстологическая интерпретация уголовно-правовых предписаний позволяет отметить, что составы причинения определенного вреда, субъектом которых является лицо, обладающее официальным статусом, имеют низкий профилакти-

ческий потенциал и дают возможность коррупционерам избежать уголовной ответственности.

7. На проведение антикоррупционной политики негативное влияние оказывает деятельность некоторых правозащитных объединений, в частности общественного фонда противодействия организованной преступности и коррупции <...>. Так, в июле 2011 года в подготовленном указанным фондом докладе представлен критический анализ деятельности правоохранительных органов Орловской области, направленной на выявление, раскрытие и расследование взяточничества. Несмотря на вступившие в законную силу судебные приговоры по уголовным делам о получении взяток в отношении заведующего ЛОР-отделением поликлиники <...> П. (ч. 2 ст. 290 и ч. 1 ст. 292 УК РФ), заведующего отделением хирургии поликлиники <...> И. А. А. (ч. 2 ст. 290 и ч. 1 ст. 292 УК РФ), заведующего кафедрой уголовного права и криминологии <...> И. Н. А. (ч. 3 ст. 30, ч. 2 ст. 290 УК РФ), преподавателя <...> С. (ч. 2 ст. 290 УК), авторы доклада «переквалифицировали» установленные судом факты взяточничества, совершенного должностными лицами, на провокацию взяток со стороны работников правоохранительных органов. Составители доклада констатируют, что деятельность правоохранительных органов Орловской области характеризует общую тенденцию искусственного «натягивания» квалификации взяточничества в целях рапортования усиления борьбы с этим опасным видом преступлений¹.

Работа такого рода фондов не способствует борьбе с коррупцией, так как их деятельность имеет тенденциозный характер и не отражает реальной картины противодействия коррупции уголовно-правовыми средствами. На наш взгляд, некорректно и безосновательно выявлять «общую тенденцию» деятельности правоохранительных органов, осуществляющих оперативно-розыскные, следственные и судебные действия в отношении взяточников, на примере четырех уголовных дел, в приговорах по которым виновные признаны взяточниками. При этом авторы доклада проигнорировали статистику должностных преступлений, зарегистрированных в Орловской области².

Современные данные о преступности, в том числе с признаками коррупции (даже без учета ее латентности), свидетельствуют о

¹ URL: <http://Lihoimstvo.ru/actual/doklad-prezidenty.html> (дата обращения: 19.10.2015).

² В 2011 году подразделение БЭП поставило на учет 305 должностных преступлений, из них 50 фактов взяточничества. URL: <https://57.mvd.ru/news/item/432519> (дата обращения: 19.10.2015).

том, что либерализация уголовного законодательства и декларирование намерений о борьбе с коррупцией в федеральном и местных законах, не связанные с усилением и активизацией антикоррупционных мер, не соответствуют криминальной ситуации. Приоритет в настоящее время необходимо отдавать не административным и гражданско-правовым мерам предупреждения коррупции, а уголовно-правовым, так как уголовному законодательству принадлежит исключительная роль в системе защиты общества от коррупции. Коррупционная экспансия в российском обществе требует создания новой концепции, основанной на действенных уголовно-правовых мерах. К числу первостепенных задач, лежащих в основе разработки эффективной антикоррупционной политики, считаем необходимым отнести:

1. Введение в Уголовный кодекс Российской Федерации главы «Коррупционные преступления», в которую следует включить статьи, предусматривающие уголовную ответственность за деяния с признаками подкупа-продажности, совершаемые лицами, обладающими властными полномочиями, выполняющими обязанности на государственной службе или наделенными избирательным мандатом.

2. Внесение в систему наказаний и в санкции статей, содержащих признаки коррупционных преступлений, таких видов наказания, как конфискация имущества коррупционеров и их родственников, пожизненное лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью и лишение имеющихся наград (или) званий. Предусмотреть возможность максимального применения указанных видов наказания вместо лишения свободы.

3. Сокращение количества статей с бланкетными диспозициями, которые отсылают правоприменителя к неуголовным законам для установления признаков коррупционного деяния.

4. Уменьшение числа альтернативных санкций в пользу абсолютно определенных, что позволит минимизировать коррупционные проявления в судебной системе при выборе вида и размера наказания.

5. Изъятие из отраслевых кодексов и федеральных законов коррупциогенных норм, способствующих установлению коррупционных связей и совершению коррупционных актов.

При конструировании составов с признаками коррупционных деяний исключение рестриктивных признаков, ограничивающих возможность возбуждения уголовных дел и привлечения коррупционеров к уголовной ответственности.

М. В. ФЕОКТИСТОВ,
доцент кафедры уголовного права и криминологии
Кубанского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИИ НА ПРИМЕРЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ИНТЕРЕСОВ СЛУЖБЫ В КОММЕРЧЕСКИХ И ИНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ

Первое структурное обособление преступлений, посягающих на интересы службы в коммерческих и иных организациях, мы находим в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., раздел V которого (ст.ст. 358—539) именовался «О преступлениях и проступках по службе государственной и общественной». Этому разделу, как и Уложению в целом, были свойственны громоздкость и казуистичность норм. Раздел состоял из 11 глав, включавших 9 отделений и 175 статей. По утверждению Н. С. Таганцева, Уложение содержало описание общих преступлений по службе (гл. 1—10) и особенных (гл. 11)¹. Определения субъектов преступлений по службе Уложение не знало (законодателем использовались разные термины: чиновник; должностное лицо; лицо, состоящее на службе государственной или общественной, и т. п.). В специальных же составах преступлений в таком качестве указывались судьи, прокуроры, секретари, следователи, межевые чиновники, чиновники полиции, нотариусы и т. п. Выделяя преступления лиц, состоящих на государственной или общественной службе, в отдельную категорию, Уложение нередко приравнивало к таким лицам, например, должностных лиц общественных и частных банков, маклеров, членов ремесленных и церковных управ, т. е. лиц, не состоящих на государственной или общественной службе.

Хотя Уложение и носило в целом уголовно-правовой характер, однако меры, предусмотренные в нем, больше напоминали не уголовные наказания, а дисциплинарные взыскания (замечание, выговор, строгий выговор, невключение определенного периода в срок службы, отрешение от должности, исключение со службы и т. п.). А вот неисполнение высочайшего указа или повеления (с намерением для каких-либо корыстных либо иных видов),

¹ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. / Н. С. Таганцев. Изд. 7-е, пересмотр. и доп. СПб., 1892. С. 266.

насильственное превышение власти, присвоение или растрата вверенного по службе имущества, вынесение неправосудного приговора, лихоимство, вымогательство взятки, наоборот, сурово карались. При этом делалась важная оговорка об отсутствии превышения власти, когда при чрезвычайных обстоятельствах чиновник или должностное лицо «возьмет на свою ответственность принятие также чрезвычайной, более или менее решительной меры и потом докажет, что она в видах государственной пользы была необходима или что по настоятельности дела он не мог без видимой опасности или вреда для службы отложить принятие сей меры до высшего на то разрешения»¹.

В Уголовном уложении 1903 г. глава о преступлениях против службы государственной или общественной располагалась в самом конце, завершая его, и состояла из 52 статей (ст.ст. 632—637), из которых к октябрю 1917 года были введены в действие лишь шесть (ст.ст. 643—645, 652, ч. 4 ст. 653, ст. 654). Система преступлений против государственной или общественной службы включала в себя не только преступления по службе, но и деяния, которые сегодня относятся к числу преступлений против правосудия (незаконное лишение личной свободы; нарушение порядка производства обыска, осмотра или выемки; нарушение порядка освидетельствования; постановление заведомо неправосудного решения судьей или иным служащим, уполномоченным на решение дел гражданских, уголовных или дисциплинарных, либо третейским судьей и др.). В части 4 ст. 636 Уложения содержалось единое понятие субъекта преступлений по службе государственной или общественной, устанавливалась ответственность не только за умышленное превышение или бездействие власти, но и за совершение таких действий в силу небрежности.

С первых же дней советской власти молодому государству пришлось активно включиться в борьбу с преступностью, в том числе и служебной. Наряду с такими преступлениями, как саботаж, сокрытие или уничтожение документов или имущества организации, взяточничество, хищения, подлоги, небрежное исполнение своих обязанностей, в декретах речь шла и о правонарушениях лиц, «которые, пользуясь своим общественным или административным положением, злоупотребляют властью, предоставляемой им революционным народом». Несмотря на некоторую разрозненность как самих актов, так и их содержания, в них можно заметить в целом верное определение объекта служебных пре-

¹ Цит. по: Волженкин Б. В. Служебные преступления. М., 2000. С. 10.

ступлений как «правильного хода работ в учреждении или предприятии». Поэтому А. А. Герцензон небезосновательно констатировал, что «в период 1917—1920 г. советская власть в своих декретах и постановлениях уже дала основные понятия и принципы должностных преступлений. Более того, к 1920—1921 г. уже сложилась стройная система должностных преступлений, воспринятая в последующие годы уголовными кодексами»¹.

В УК РСФСР 1922 г., 1926 г. и 1960 г. борьбе с должностными преступлениями уделялось особое внимание, что обусловило помещение главы о должностных преступлениях соответственно на второе и третье место в УК РСФСР 1922 г. и 1926 г. Да и именовалась она «Должностные (служебные) преступления». В силу специфики экономического уклада субъектами этих преступлений признавались лишь «лица, занимающие постоянные или временные должности в каком-либо государственном (советском) учреждении или предприятии, а также в организации или объединении, имеющем по закону определенные права, обязанности и полномочия в осуществлении хозяйственных, административных, просветительных и других общегосударственных задач» (ст. 107 УК РСФСР 1922 г.). По сути, под такое определение попадали лица независимо от того, являлась ли организация, где было совершено преступление, государственной, общественной или кооперативной. Система же этих преступлений включала не только служебные преступления, но и связанные с отправлением правосудия (например, ст.ст. 111, 112 УК РСФСР 1922 г.). На этих же принципах остался и УК РСФСР 1926 г., описание должностных (служебных) преступлений в котором носило преимущественно редакционно-уточняющий характер, однако в примечании 2 к ст. 109 УК устанавливалось, что должностные лица профессиональных союзов подлежат ответственности за служебные преступления только в случае, если они были привлечены к ответственности по постановлению профсоюза. В 1929 году УК был дополнен ст. 111^а об ответственности должностных лиц государственных органов и кооперации, в обязанности которых входили регистрация и контроль за деятельностью кооперативов, за содействие в организации лжекооперативов или попустительство их дальнейшей деятельности².

¹ Герцензон А. А. Развитие социалистического уголовного законодательства до его кодификации // Проблемы социалистического права. 1938. Сб. 4. С. 58.

² Подробнее об этом см.: Волженкин Б. В. Служебные преступления. С. 35—44.

УК РСФСР 1960 г. принимался уже в условиях так называемого развитого социализма, что не могло не отразиться и на главе о должностных преступлениях, ориентированной в первую очередь на государственные или общественные организации, учреждения и предприятия. Теперь уже нормы о должностных преступлениях занимали не третье, а седьмое место в системе Особенной части УК, уступив нормам о государственных преступлениях (гл. 1), преступлениях против социалистической собственности (гл. 2), преступлениях против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности (гл. 3), преступлениях против политических и трудовых прав граждан (гл. 4), преступлениях против личной собственности граждан (гл. 5), хозяйственных преступлениях (гл. 6). Безусловным достижением тех лет следует признать обособление в самостоятельный структурный элемент Особенной части главы о преступлениях против правосудия (гл. 8). В таком виде, практически без видимых изменений, система должностных преступлений просуществовала до принятия Уголовного кодекса Российской Федерации 1996 г., за тем исключением, что законодатель корректировал квалифицированные и особо квалифицированные составы отдельных преступлений, и судебная практика по-разному трактовала различные признаки должностных преступлений.

С началом перестройки, появлением кооперативов, а впоследствии негосударственных предприятий различных организационно-правовых форм, в том числе и основанных на смешанном (российском и зарубежном) капитале, встал вопрос о квалификации действий руководителей негосударственных структур. К тому моменту был принят целый ряд союзных и республиканских законов о собственности, о предприятиях и предпринимательской деятельности, о кооперативах и т. п. И если первоначально судебная практика отождествляла руководителей кооперативов и негосударственных предприятий с руководителями общественных организаций¹, то к середине 90-х годов от такого расширительно-

¹ Так, Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР было признано законным осуждение по ст. 173 УК председателя арендного производственно-коммерческого предприятия «Продтовары» Сорокиной за получение взятки за содействие в выгодной реализации мандарин, поскольку она осуществляла руководство трудовым коллективом и имела полномочия по распоряжению имуществом предприятия (Определение № 51-092-91 по делу Сорокиной // Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за второй квартал 1993 года).

го толкования окончательно отказались¹, чему в немалой степени способствовали принятие части первой Гражданского кодекса Российской Федерации, а также критические выступления в юридической печати².

Однако на практике было немало случаев, когда за совершение тех или иных действий по службе руководители государственных предприятий, учреждений, организаций привлекались к уголовной ответственности, а за аналогичные действия руководителей такого же ранга в негосударственных организациях таковая исключалась ввиду формального отсутствия в законе соответствующих указаний. Так, один из руководителей Краснодарского коммерческого банка неоднократно оформлял выдачу беспроцентных кредитов на различных лиц. Как впоследствии было установлено, эти кредиты не возвращались. Чтобы обеспечить бесперебойную, прибыльную и устойчивую работу банка, его руководитель оформлял беспроцентные кредиты также на сотрудников банка, которые их фактически не получали, а изъятые таким образом средства шли на погашение ранее выданных кредитов. Через несколько лет такой работы банк оказался на грани разорения. Вероятнее всего, беспроцентные кредиты выдавались вовсе не безвозмездно. При совершении таких действий руководителем государственного банковского учреждения он мог бы быть привлечен к ответственности за получение взятки. Но даже при недоказанности такого факта оформление кредитов на сотрудников банка и последующее направление якобы полученных ими средств на покрытие ранее выданных кредитов позволяли бы привлечь виновного за злоупотребление, поскольку очень явно прослеживалась как корыстная (руководитель получал зарплату в твердой денежной сумме и в процентах от прибыли банка), так и иная личная заинтересованность (желание сохранить соответствующую должность). Именно поэтому в некоторых государствах (Эстония, Беларусь, Украина, Молдова и др.) были расширены законодательные формулировки

¹ См.: Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1995. № 3. С. 14; № 4. С. 8—9; № 6. С. 8—9; № 9. С. 10 и др.

² См., напр.: Волженкин Б. В. К вопросу о понятии должностного лица как субъекта должностных преступлений // Советское государство и право. 1991. № 11. С. 74—82; Его же. Уголовная ответственность должностных лиц негосударственных предпринимательских структур // Закон. 1993. № 5. С. 16—20; Его же. Новые подходы к проблемам ответственности за должностные и хозяйственные преступления // Современные тенденции развития уголовной политики и уголовного законодательства. М., 1994. С. 79—81; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. В. И. Радченко. М., 1994. С. 317.

и к должностным отнесены лица, занимавшие соответствующие должности в учреждениях, предприятиях, организациях независимо от формы собственности. Российский законодатель по такому пути не пошел.

В процессе разработки Уголовного кодекса Российской Федерации сложились две противоположные позиции, каждая из которых имела как свои сильные, так и слабые стороны. По мнению одних авторов, ответственность лиц, занимающих управленческие должности в коммерческих и иных организациях, должна быть такой, как и соответствующих должностных лиц государственного сектора власти¹. Выделение преступлений, а следовательно и ответственности, управленцев коммерческих и иных организаций в самостоятельную главу или раздел, по их мнению, вело к созданию касты неприкасаемых, «беловоротничковых» преступников. Против такого решения небезосновательно выступал Б. В. Волженкин, который отмечал, что социальная сущность поступков лиц, состоящих на государственной или муниципальной службе, и лиц, выполняющих соответствующие управленческие функции в различных общественных организациях и коммерческих структурах, далеко не одинакова². Очевидно, что вредоносность второй группы существенно отличается от первой, кроме того, для государственных и муниципальных органов характерна как компетенционная, так и территориальная юрисдикция. В коммерческих же и иных негосударственных организациях нет строгого территориального разграничения юрисдикции, поэтому, оставшись недовольным общением с одной из них, гражданин может обратиться в другую, даже расположенную в ином районе.

В то же время представляется, что в тех случаях, когда должностное лицо коммерческой или иной организации осуществляет функции, делегированные ему государством, оснований для различных мер уголовно-правовой репрессии применительно к публичным должностным лицам и должностным лицам негосудар-

¹ Кузнецова Н. Ф. К истории проектов уголовных кодексов Российской Федерации // Вестник Московского университета. Сер. 11, Право. 1995. № 2. С. 61 ; Его же. О криминогенности пробелов уголовного законодательства // Вестник Московского университета. Сер. 11, Право. 1996. № 3. С. 31—32 ; Его же. Основные черты Особенной части УК РФ // Вестник Московского университета. Сер. 11, Право. 1996. № 5. С. 25—26 ; Куликов А. Правоохранительные органы способны реально влиять на состояние криминальной ситуации // Российские вести. 1995. 25 нояб.

² Волженкин Б. В. Служебные преступления. С. 53—54.

ственных структур не имеется. Например, и государственный, и частный нотариус выполняют однотипные функции, причем в обоих случаях вред причиняется не только личности, но и государственным интересам. Поэтому ответственность для государственных и частных нотариусов и аудиторов может быть уравнена путем включена в главу 30 УК РФ единой нормы. На практике встречаются и другие ситуации, когда совершаемое преступление не всегда, а лишь в определенных случаях сопряжено с использованием ответственным лицом негосударственного субъекта полномочий, предоставленных ему государством. Например, должностное лицо коммерческого банка (начальник валютного отдела) выполняет функции агента валютного контроля, т. е. его требования приобретают обязательную силу для клиентов банка; им осуществляются властные и контрольные полномочия; при обнаружении нарушений клиент банка подвергается штрафным санкциям и т. п. Чтобы в таких случаях сохранить единство уголовной ответственности предлагается ввести соответствующие квалифицирующие признаки — совершение преступления лицом, которому соответствующие полномочия делегированы государством¹.

Важность борьбы с коррупционными преступлениями (в широком смысле этого термина) нашла поддержку не только на национальном, но и на международном уровне, в частности в Конвенции ООН против коррупции 2003 г., Конвенции Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию 1999 г. (ратифицированы Россией в 2006 году), в Конвенции Совета Европы о гражданско-правовой ответственности за коррупцию 1999 г. (Россия не участвует).

Законодатель в УК РФ 1996 г. впервые предусмотрел две самостоятельные главы для различных категорий служебных преступлений.

Исходя из места главы 23 УК РФ в его Особенной части родовым объектом этой группы преступлений следует считать экономическую систему Российской Федерации, ее отдельные подсистемы: налоговую, бюджетную, финансовую, валютную, денежную и т. п. Видовым объектом выступают интересы службы в коммерческих и иных организациях, т. е. установленный порядок деятельности предприятий, учреждений и организаций различных форм собственности. При этом узловым моментом является то,

¹ Подробнее см.: Феоктистов М. В. Уголовно-правовые средства противодействия коррупции и проблемы их совершенствования // Российский ежегодник уголовного права. 2011. № 3—5. С. 181—184.

что речь идет не просто о профессиональной деятельности, а о службе, которая представляет собой профессиональную деятельность определенного контингента лиц — служащих по организации исполнения и практической реализации полномочий государственных, общественных и иных социальных структур¹. Применительно к преступлениям против интересов службы в коммерческих и иных организациях Н. Егорова отмечает, что служба — это, как правило, возмездная деятельность, непосредственно не связанная с производством материальных благ, осуществляемая лицами, работающими в коммерческих и некоммерческих организациях независимо от формы собственности, либо лицами, которые хотя и не являются работниками организаций и не состоят в отношениях служебной подчиненности, но деятельность которых имеет юридически значимый характер². Иными словами, эта деятельность связана с выполнением лицом не столько каких-либо профессиональных функций, сколько управленческих, заключающихся в организации работы других людей, руководстве коллективом, распределении товарно-материальных ценностей и т. п.

С объективной стороны преступления, предусмотренные в главе 23 УК РФ, могут быть совершены как путем действия, так и путем бездействия. Хотя последнее неприменимо к преступлениям, предусмотренным ст.ст. 203, 204 УК РФ, и малоприменимо к преступлению, предусмотренному ст. 202 УК РФ. Большинство составов рассматриваемых преступлений (ст.ст. 201—203 УК РФ) сконструированы как *материальные*, момент окончания связан с причинением ущерба охраняемым законом общественным отношениям.

Субъективная сторона характеризуется *умышленной* формой вины, осложненной в ст.ст. 201, 202, чч. 3—4 ст. 204 УК РФ *корыстным* мотивом или *иной личной заинтересованностью*, что в общем-то и позволяет в большинстве случаев относить данные преступления к числу коррупционных.

Особая, по сути, системообразующая роль в данной главе отводится субъекту преступления, который, за исключением чч. 1—2 ст. 204 УК РФ, является *специальным*.

Общее понятие субъекта применительно к статьям главы 23 УК РФ сформулировано в примечании 1 к ст. 201 УК РФ. Круг лиц, подлежащих ответственности по этим статьям, ограничен

¹ Манохин В. М. Служба и служащий в Российской Федерации: правовое регулирование. М., 1997. С. 9.

² Егорова Н. Субъект преступлений против интересов службы // Законность. 1998. № 4. С. 11—12.

а) сферой выполнения лицом управленческих функций; б) характером выполняемых функций; в) временными рамками осуществления таковых.

Определяя сферу выполнения профессиональных функций, законодатель называет коммерческую или иную организацию, некоммерческую организацию, не являющуюся государственным органом, органом местного самоуправления, государственным или муниципальным учреждением.

В соответствии со ст. 48 ГК РФ юридическим лицом признается организация, которая имеет обособленное имущество и отвечает им по своим обязательствам, может от своего имени приобретать и осуществлять гражданские права и нести гражданские обязанности, быть истцом и ответчиком в суде. К юридическим лицам, на имущество которых их учредители имеют вещные права, относятся государственные и муниципальные унитарные предприятия, а также учреждения. К юридическим лицам, в отношении которых их участники имеют корпоративные права (право участвовать, управлять деятельностью, формировать высшие органы корпорации), относятся корпоративные организации (ст. 65¹ ГК РФ).

Понятие коммерческой и некоммерческой организации содержится в ст. 50 ГК РФ.

Из сферы действия главы 23 УК РФ законодатель исключает государственные органы, муниципальные органы, государственные и муниципальные учреждения. Легальное определение государственных органов содержится в ст. 1 Федерального закона от 09.02.2009 № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления». Понятие учреждения приведено в ст. 123²¹ ГК РФ, а их организационно-правовые формы перечислены в ст. 123²² ГК РФ.

Согласно примечанию к ст. 285 УК РФ в круг субъектов рассматриваемых преступлений не входят лица, выполняющие соответствующие функции в государственных корпорациях, а после его изменения Федеральным законом от 13.07.2015 № 265-ФЗ — в государственных компаниях, государственных и муниципальных унитарных предприятиях, акционерных обществах, контрольный пакет акций которых принадлежит Российской Федерации, ее субъектам или муниципальным образованиям.

Отнесение к числу субъектов данной группы преступлений лидеров общественных движений, политических партий, иных общественных организаций (в том числе профессиональных союзов) представляется принципиально неверным, поскольку видо-вым объектом этих преступлений выступают интересы службы в

коммерческих или иных организациях, а родовым — экономическая система.

Субъектом преступлений, предусмотренных в главе 23 УК РФ, могут выступать только лица, выполняющие функции единоличного исполнительного органа, члена совета директоров или иного коллегиального исполнительного органа либо организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции.

Как разъяснил Пленум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 16.10.2009 № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» под *организационно-распорядительными функциями* следует понимать полномочия лица, которые связаны с руководством трудовым коллективом организации, ее структурного подразделения и находящимися в служебном подчинении отдельными работниками, с формированием кадрового состава и определением трудовых функций работников, с организацией порядка прохождения службы, применением мер поощрения или награждения, наложением дисциплинарных взысканий и т. п. К таким функциям относятся полномочия лиц по принятию решений, имеющих юридическое значение и влекущих определенные юридические последствия (например, по выдаче медицинским работником листка временной нетрудоспособности, установлению работником учреждения медико-социальной экспертизы факта наличия у гражданина инвалидности, приему экзаменов и выставлению оценок членом государственной экзаменационной (аттестационной) комиссии). Такими функциями помимо руководителя организации обладают его заместители, руководители отделов, служб, начальники участков, цехов, иных структурных подразделений, включая филиалы и представительства организации, и т. п.

В качестве *административно-хозяйственных функций* следует понимать полномочия лица по управлению и распоряжению имуществом и (или) денежными средствами, находящимися на балансе и (или) банковских счетах организации, учреждения, а также по совершению иных действий (например, начисление заработной платы, премий, осуществление контроля за движением товарно-материальных ценностей, определение порядка их хранения, контроля их расходования и учета). Кроме руководителя организации, его заместителей такими функциями, как правило, обладают финансовый директор, главный (старший) бухгалтер, кассир, контролер, заведующий складом, заведующий хозяйством, начальник охраны, пункта пропуска и т. п. Нередко с такими лицами заключаются договоры о полной материальной ответственности.

Наконец, перечисленные выше полномочия могут исполняться лицом на постоянной, временной основе или по специальному полномочию. Это означает, что их выполнение может быть основано на трудовом договоре, заключенном с соответствующей организацией на неопределенный срок, либо на срочном трудовом договоре, а равно на решении общего собрания, иного коллегиального органа, избравшего, назначившего данное лицо (на постоянной основе). При временном исполнении обязанностей заключается срочный трудовой договор (как правило, до одного года), обязанности могут выполняться на условиях внутреннего или внешнего совместительства, замещения временно отсутствующего работника (длительная болезнь, декретный отпуск, командировка, трудовой отпуск или отпуск за свой счет и т. п.). Прием на работу, совмещение, замещение и т. п. оформляются приказом по организации.

В соответствии с п. 6 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16.10.2009 № 19 исполнение функций по *специальному полномочию* означает, что они осуществляются лицом на основании закона, иного нормативного правового акта, приказа или распоряжения вышестоящего должностного лица либо решения соответствующего органа. Таким документом может выступать и доверенность, выданная лицу на совершение определенных действий от имени организации. Управленческие функции по специальному полномочию могут осуществляться как в течение определенного времени, так и однократно либо совмещаться с основной работой (например, включение в состав комиссии по приему жилья в эксплуатацию, ревизионной комиссии, аттестационной (квалификационной) комиссии и т. п.).

При временном выполнении лицом управленческих функций либо их осуществлении по специальному полномочию лицо может быть признано выполняющим такие функции только лишь в период исполнения возложенных на него функций.

С момента принятия УК РФ и до ноября 2013 года ответственность за преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях носила дискретный характер. Законодатель устанавливал, что если вред был причинен исключительно коммерческой организации, не являвшейся государственным или муниципальным предприятием, то ответственность наступала лишь по заявлению самой организации или с ее согласия. В иных же случаях, когда вред причинялся государственному или муниципальному предприятию либо интересам других организаций, а также интересам граждан, общества или государства, ответственность наступала на общих основаниях. И хотя эта норма, фор-

мально распространяясь на все составы преступлений, входящие в главу 23 УК РФ, на самом деле могла быть применима лишь к ст. 201 УК РФ и частично к ст. 204 УК РФ, законодатель отказался от ее дальнейшего использования.

В настоящее время глава 23 УК РФ «Преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях» состоит из четырех статей, предусматривающих ответственность за злоупотребление полномочиями (ст. 201), злоупотребление полномочиями частными нотариусами и аудиторами (ст. 202), превышение полномочий частным детективом или работником частной охранной организации, имеющим удостоверение частного охранника, при выполнении ими своих должностных обязанностей (ст. 203) и коммерческий подкуп (ст. 204), объединенных единым объектом и субъектом преступного посягательства.

Таким образом, система преступлений коррупционной направленности против интересов службы в коммерческих и иных организациях находится на этапе дальнейшего развития, требует своего совершенствования как с точки зрения образующих ее преступлений, так и законодательного их оформления, приведения в соответствие с системой уголовного права в целом и смежных подсистем, в частности преступлений против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления.

А. В. НИКУЛЕНКО,

*заместитель начальника кафедры уголовного права
Санкт-Петербургского университета МВД России,
кандидат юридических наук, доцент*

ВОЗМОЖНОСТИ УК РОССИИ В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ВЗЯТОЧНИЧЕСТВУ И ИНЫМ КОРРУПЦИОННЫМ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ

Проблемы противодействия коррупции и коррупционным преступлениям выходят на современном этапе развития общества на совершенно новый — государственный уровень. Это, на наш взгляд, связано с тем, что коррупция все больше приобретает организованный характер.

Известный исследователь организованной преступности В. С. Овчинский отмечает, что она напоминает сеть социальных связей в обществе¹.

¹ Овчинский В. С. Организованная преступность // Криминология : учебник / под ред. В. Н. Кудрявцева, В. Е. Эминова. 3-е изд. М., 2006. С. 357.

Не менее известный криминолог Я. И. Гилинский обоснованно полагает, что она встроена в социальную систему, оказывая существенное влияние на экономику и политику¹.

«Исследования независимых общественных организаций показывают, что слияние криминала и правоохранительных органов приобрело повальный характер. Отмечается даже, что для назначения на ключевые [и не только] посты в правоохранительных органах, в первую очередь, необходимо пройти согласование с криминалом»².

Говоря об этом, достаточно напомнить о недавнем аресте главы Республики Коми В. Гейзера (арестованы и его заместитель, и спикер местного парламента, и другие), обвиняемого в организации преступного сообщества и мошенничестве³.

Обосновывая эту позицию, стоит указать, что коррупция и организованная преступность тесно взаимосвязаны. Именно наличие угрозы общественной безопасности, которую создают факты взыскания в целом, а также невозможность их выявления и пресечения другими способами являются оправданием оперативных мероприятий, в ходе которых лицо, осуществляющее оперативно-розыскную деятельность, выполняет роль подстрекателя. Формальное нарушение закона является здесь «элементом борьбы за право», а особенность такой ситуации лишь в том, что лицо, участвующее в проведении оперативного эксперимента, действует профессионально, выполняя свой служебный долг. Иными словами, в данном случае исполнение служебных обязанностей представляет собой частный случай крайней необходимости⁴. Провокация в таких случаях может являться необходимым и единственным способом уличения преступника в его преступной деятельности, недопущения совершения новых, более тяжких преступлений. Поэтому представляется, что провокация в таких случаях может являться обстоятельством, исключающим преступность деяния⁵.

¹ Гилинский Я. И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. 2-е изд. СПб., 2009. С. 268.

² Топильская Е. В. Криминология организованной преступности. СПб., 2015. Т. 1. С. 131.

³ Российская газета. 2015. 20 сент., 25 сент.

⁴ Яни П. С. Провокация взятки [Электронный ресурс] // Законы России: опыт, анализ, практика. 2007. № 1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ Михайлов В. И. О нормативном регулировании борьбы с преступностью // Теория, методология и практика таможенного дела : сб. науч. тр. М., 1996. Ч. 2. С. 244 ; Говорухина Е. В. Понятие и правовые последствия провокации в уголовном праве [Электронный ресурс] : дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2002

Это положение вызывает категорическое возражение некоторых ученых. Так, профессор Б. В. Волженкин указывал, что столь широкое понимание крайней необходимости не основано на законе, открывает безграничные возможности для злоупотреблений и произвола, использования провокации и иных незаконных методов борьбы с преступностью¹.

Для успешной борьбы с коррупцией, и прежде всего взяточничеством (взяточничество является наиболее характерным, опасным и распространенным проявлением коррупции²), требуется весь арсенал средств, имеющихся в Уголовном кодексе Российской Федерации. Невозможно, на наш взгляд, противодействовать организованной коррупционной и иной преступной деятельности без применения нетрадиционных (нестандартных) методов.

В качестве таковых могут выступать обстоятельства, исключющие преступность деяния, которые, правда, еще не получили законодательного закрепления в Уголовном кодексе России, но хорошо известны науке уголовного права, а также зарубежному законодательству.

В первую очередь, таким обстоятельством может выступать проведение оперативно-розыскных мероприятий. Так, согласно ч. 4 ст. 16 Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» «при защите жизни и здоровья граждан, их конституционных прав и законных интересов, а также для обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств допускается вынужденное причинение вреда правоохраняемым интересам должностным лицом органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, либо лицом, оказывающим ему содействие, совершаемое при правомерном выполнении указанным лицом своего служебного или общественного долга». Очевидно, что указанный Закон допускает совершение общественно опасных деяний, формально содержащих признаки какого-либо преступления³, однако УК России по этому поводу молчит.

// Библиотека диссертаций : сайт. URL: <http://www.dslib.net> (дата обращения: 18.09.2015).

¹ Волженкин Б. Допустима ли провокация как метод борьбы с коррупцией? // Российская юстиция. 2001. № 5. С. 43—45.

² Волженкин Б. В. Служебные преступления : Комментарий законодательства и судебной практики. СПб., 2005. С. 166.

³ См., напр.: Железняк Н. С. «Острые углы» Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» // Научный портал МВД России. 2008. № 2. С. 65—69.

П. В. Агапов предлагает закрепить в УК РФ ст. 42¹ «Выполнение специального задания по пресечению либо раскрытию деятельности организованной группы или преступного сообщества»¹, против чего выступает профессор В. В. Вандышев, необоснованно, на наш взгляд, полагая, что в указанных случаях может использоваться статья «Крайняя необходимость»².

В настоящее время, чтобы уличить взяточника, требуется не просто санкционирование такого оперативно-розыскного мероприятия судьей, но и получение от него «индальгенции» на случай провала операции (чиновник что-то заподозрил, отказался брать взятку и вызвал других полицейских — налицо покушение на дачу взятки со стороны сотрудников правоохранительных органов или лица, заявившего о взятке и согласившегося участвовать в передаче денег)³.

Между тем давно назрела необходимость появления указанной нормы в Уголовном кодексе Российской Федерации⁴. На наш взгляд, для успешного осуществления оперативной работы, выявления и задержания виновных, предупреждения и пресечения преступлений, в том числе коррупционной направленности, следует законодательно предусмотреть права должностных лиц, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, а также лиц, оказывающих им содействие на конфиденциальной основе. Это позволит шире использовать оперативное внедрение в организованные преступные группы с целью последующего задержания виновных и изобличения их в содеянном.

¹ Агапов П. В. Основы теории регламентации ответственности и противодействия организованной преступной деятельности : монография. СПб., 2011. 328 с.

² Вандышев В. В. Рецензия на монографию Агапова П. В. Основы теории регламентации ответственности и противодействия организованной преступной деятельности // Российский криминологический взгляд. 2012. № 1. С. 453—457.

³ См., напр.: Милоков С. Ф., Никуленко А. В. Причинение вреда при задержании лица, совершившего общественно опасное деяние. СПб., 2015. С. 301—313.

⁴ См. подробнее об этом: Петровский А. В. Оперативно-розыскная деятельность и обстоятельства, исключающие преступность деяния // Проблемы реализации уголовной политики Российской Федерации на региональном уровне : сб. науч. тр. М. ; Ставрополь, 2007. С. 209—216. См., также: Исиченко А. П. Новеллы в оперативно-розыском и милицейском законодательстве // Научный портал МВД России. 2009. № 4 (8). С. 60—67 ; Астафьев Ю. В. Уголовно-правовые границы допустимого поведения сотрудников оперативно-розыскных органов и их доверенных лиц в процессе производства ОРМ // Уголовное право и криминология: современное состояние и перспективы развития : сб. науч. тр. Воронежского гос. ун-та. Воронеж, 2009. С. 5—15 ; Крапива И. И. Соблюдение законности в оперативно-розыскной деятельности и провокация // Журнал российского права. 2009. № 3. С. 87—92.

Некоторые ученые предлагают включить в состав главы 8 УК РФ норму, касающуюся такого обстоятельства, как провокация, дополнив главу 8 ст. 39¹ «Правомерная провокация»¹. С. Радачинский даже предлагает проект соответствующей нормы². О возможности законодательного закрепления указанного обстоятельства говорит С. Ф. Милюков, памятуя при этом о составе преступления, предусмотренном ст. 304 УК РФ³. В то же время, обращаясь к зарубежному опыту, побороть коррупцию, которая стала бичом современной России, возможно только ужесточением законодательства и использованием новых нетрадиционных методов противодействия ей. В том числе путем использования так называемого полиграфа и провокационных действий.

Вопрос о включении в УК РФ новых норм, регламентирующих правомерное причинение вреда правоохраняемым интересам, представляется не таким уж бесперспективным. Жизнь не стоит на месте, а законодательство хотя и не поспевает, но должно стремиться идти в ногу со временем, используя в том числе и нестандартные методы противодействия преступности.

Подводя итог, позволим себе предложить исключить из УК России норму, предусмотренную ст. 304, как не соответствующую реалиям сегодняшнего дня, и собственный проект нормы о правомерной провокации.

Г. В. НАЗАРЕНКО,
*профессор кафедры уголовного права
Юго-Западного государственного университета,
доктор юридических наук, профессор*

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ КОРРУПЦИИ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫМИ СРЕДСТВАМИ ПОЛИТИКА И ЕЕ РЕАЛИЗАЦИЯ

Противодействие коррупции уголовно-правовыми средствами является одним из проявлений и видов антикоррупционной поли-

¹ Сидоренко А. В. Организация деятельности оперативных подразделений ОВД по противодействию коррупции // Система профилактики преступности: современное состояние, проблемы и перспективы развития : Всероссийская науч.-практ. конф., 20—21 октября 2011 года : материалы. СПб., 2011. С. 237—240.

² Радачинский С. Юридическая природа провокации преступления // Уголовное право. 2008. № 1. С. 72—73 ; Его же. Провокация как обстоятельство, исключающее преступность деяния // Уголовное право. 2009. № 2. С. 64—69.

³ Милюков С. Ф. Обстоятельства, исключающие преступность деяния // Уголовное право России. Общая часть : учебник / под ред. Г. Л. Касторского, А. И. Чучаева. СПб., 2009. С. 491.

тики, которая заключается в разработке и осуществлении разнообразных мер, включающих в себя правовые и организационные основы предупреждения коррупции и борьбы с коррупционными преступлениями, а также минимизации и устранения последствий коррупционных правонарушений.

В соответствии с Федеральным законом от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» правовую основу антикоррупционной политики составляют Конституция Российской Федерации, федеральные конституционные законы, общепризнанные принципы и нормы международного права и международных договоров Российской Федерации, настоящий Федеральный закон и другие федеральные законы и иные нормативно-правовые акты. Наиболее значимым инструментом реализации политики противодействия коррупционным преступлениям является Уголовный кодекс Российской Федерации. Об этом свидетельствует использование в качестве основных понятий в ст. 1 Федерального закона «О противодействии коррупции» уголовно-правовых терминов: злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп, использование лицом своего должностного положения вопреки законным интересам. Обращает на себя внимание, что ст. 13 данного Федерального закона в первую очередь предусматривает уголовную ответственность физических лиц за коррупционные правонарушения и лишь затем — административную, гражданско-правовую и дисциплинарную ответственность.

П. С. Яни справедливо отмечает, что уголовная ответственность является наиболее эффективным средством борьбы с коррупцией, так как в нашей стране нет гражданского общества в понимании авторов международным программ борьбы с коррупцией, т. е. нет института, равного по своей силе власти и капиталу. Поэтому учитывать гражданское общество как составляющую «нерепрессивной модели» борьбы с коррупцией не следует. Такая модель в российской среде не может функционировать как «равная сила» и обречена в настоящее время на бездействие. Главным средством противодействия коррупции является не столько прозрачность деятельности чиновников (они изобретательны и найдут способ замаскировать свои злоупотребления), свобода печати (в бедной стране пресса порой продажна) и прочие факторы, сколько репрессивные, т. е. уголовно-правовые меры¹.

¹ Яни П. С. Угроза уголовной ответственности как наиболее эффективное средство борьбы с преступностью // Преступность и коррупция: современные российские реалии : сб. науч. тр. / под ред. Н. А. Лопатенко. Саратов, 2003. С. 261—262.

Предупреждение коррупционных преступлений как общая превенция заключается в угрозе наказанием, иными словами, в устрашении потенциальных правонарушителей. Однако степень этой угрозы в отношении коррупционеров сравнительно невелика. Действующий уголовный закон Российской Федерации отражает коррупционные проявления фрагментарно и бессистемно. Нормы о преступлениях, имеющих коррупционный характер, разбросаны по разным главам Уголовного кодекса. Термины «коррупция», «коррупционное поведение», «коррупционные акты», «коррупционные связи» при описании коррупционных преступлений в Кодексе не используются. В уголовном законе отсутствуют какие-либо предписания, касающиеся коррупции как таковой, а Федеральный закон «О противодействии коррупции» не содержит дефиниции коррупции. Это негативное явление нередко отождествляется с банальными взятками. В результате безнаказанными остаются лица, коррупционная деятельность которых не охватывается нормами Уголовного кодекса. Между тем коррупционер, в отличие от взяточника, получает не только материальные, но и нематериальные блага и всевозможные преимущества, а подкуп таких лиц, как правило, осуществляется за счет указанных благ и преимуществ. Кроме того, действующий Уголовный кодекс Российской Федерации ограничивает круг взяточников должностными лицами, а коррупционерами, по сути, являются лица, которые ненадлежащим образом используют в своих интересах любой официальный статус и связанные с этим статусом авторитет и возможности.

А. И. Долгова справедливо отмечает противоречивую позицию законодателя, ибо в одних случаях он стремится ограничить масштабы уголовных репрессий за счет рестриктивных (ограничительных) признаков субъекта преступления, например в случаях получения взятки, коммерческого подкупа или служебного подлога. Однако в других случаях фактически увеличивает круг субъектов продажности, предусмотрев подкуп свидетеля, потерпевшего, переводчика и других лиц либо вообще отказавшись от указания признаков конкретного субъекта (например, в ч. 2 ст. 141 УК РФ «Воспрепятствование осуществлению избирательных прав или работе избирательных комиссий»). Тем самым законодатель ввел в уголовный закон неопределенный круг субъектов преступлений, которые считаются проявлением коррупции¹.

Кроме того, в Уголовном кодексе Российской Федерации используются одновременно понятия «подкуп» и «взятка», которые

¹ Долгова А. И. Преступность, ее организованность и криминальное общество. М., 2003. С. 467.

рассматриваются в ряде статей как самостоятельные преступления (ст.ст. 290, 291, 304, 309 и др.), а в отдельных статьях подкуп выступает как способ совершения другого преступления (ст.ст. 141, 183). Причем в ст. 33 УК РФ «Виды соучастников преступления» подкуп определен как один из способов подстрекательства. При этом ни субъекты, ни размеры подкупа не конкретизированы. Равным образом уголовный закон не конкретизирует способы организации коррупционных преступлений и способы вовлечения в пособничество, среди которых имеет место подкуп. Указанные недостатки создают не только трудности при квалификации преступных деяний, но и препятствуют установлению истинного масштаба коррупции.

Недостатки действующего уголовного законодательства во многом усугубляет правоприменительная практика. Несмотря на высокую общественную опасность взяток, практики нередко считают, что деяния должностных лиц не могут расцениваться как получение взятки, если такие лица получают незаконное вознаграждение за правомерные действия. Однако в ч. 1 ст. 290 УК РФ прямо указывается на необходимость уголовного преследования должностного лица, получившего взятку за действия (бездействие), которые входят в его служебные полномочия, а совершение незаконных действий (бездействия) согласно ч. 2 ст. 290 УК РФ является квалифицирующим признаком. Многие правоприменители вопреки предписаниям уголовного закона не считают взяткой получение ценностей либо имущественных выгод в качестве благодарности за совершение должностным лицом действий (за бездействие) в пользу взяткодателя или представляемых им лиц, если передающий и получающий незаконное вознаграждение не договаривались о каком-либо подношении.

Идеями о приоритетности предупредительных мер и ограниченном применении уголовного закона в борьбе с коррупцией проникнуты многие программы, разработанные международными неправительственными организациями. В Российской Федерации сторонники такого рода программ разработали сотни антикоррупционных проектов под эгидой фонда Сороса «Будущее без коррупции» и фонда «Малые города». При этом «ценность» соответствующих проектов при ближайшем их рассмотрении вызывает большие сомнения. По словам Б. В. Демидова, изучившего 184 проекта, разработанных в различных федеральных округах и регионах, невозможно дать точное определение тому, что такое антикоррупционный проект. Исследование указанного автора показывает, что «больше усилий по противодействию коррупции

делалось не через специальные коррупционные проекты, а в рамках более широких проектов — как часть различных программ по продвижению прозрачности, подотчетности и целостности»¹. При этом всего лишь несколько проектов было направлено на разработку антикоррупционной политики. Подавляющая часть таких проектов заключалась в проведении тренингов и круглых столов с представителями органов власти, образования, государственными и муниципальными служащими, сотрудниками правоохранительных органов без проведения каких-либо последующих мероприятий. Указанные факты позволяют сделать вывод об отсутствии реального противодействия коррупции как итоге осуществления соответствующих проектов.

После принятия Федерального закона «О противодействии коррупции» уголовная политика приобрела новый вектор развития — противодействие коррупционным преступлениям. Поскольку уголовная политика имеет сложную структуру, в ней выделяют несколько направлений: уголовно-правовое, уголовно-процессуальное, уголовно-исполнительное, криминологическое и правоприменительное. Раньше всех на коррупцию отреагировали представители криминологии. При этом ученые рассматривают коррупцию как незаконный оборот должностей, полномочий и возможностей лиц, обладающих административным ресурсом; выделяют коррупционную преступность наряду с экономической и организованной; считают коррупцию негативным социальным явлением и пытаются сформировать новое направление научных исследований — *корруптологию*².

Специалисты по уголовному праву полагают, что уголовно-правовая политика, т. е. стратегия и тактика противодействия преступности и ее коррупционной составляющей уголовно-правовыми средствами, далека от совершенства. Они отмечают неясность соответствующей политики³, ее противоречивость⁴,

¹ Демидов Б. В. Антикоррупционные проекты РФ: содержание и итоги // Преступность и коррупция: современные российские реалии : сб. науч. тр. / под ред. Н. А. Лопатенко. Саратов, 2003. С. 209.

² Иванов А. М. Корруптология — правовая наука и учебная дисциплина. Владивосток, 2002. С. 218—235.

³ Кленова Т. В. Уголовно-правовая политика в условиях разделения властей // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : XXII Междунар. науч.-практ. конф. (29—30 января 2015 г.) : материалы. М., 2015. С. 42.

⁴ Ситникова А. И. Меры противодействия коррупционным преступлениям уголовно-правовыми средствами // Актуальные проблемы противодействия коррупции на современном этапе : науч.-практ. конф., Орел, 21 мая 2010 года : материалы. Орел, 2010. С. 94—99.

указывают на кризисный характер проводимой политики¹. С критической оценкой уголовно-правовой политики согласны большинство ученых, так как меры, принимаемые законодателем, неадекватны криминогенной ситуации. Эти меры отличает излишне либеральный подход в борьбе с преступностью в целом и коррупционными преступлениями в частности.

До настоящего времени Уголовный кодекс содержит ряд нерешенных проблем противодействия коррупционным преступлениям. Первая проблема состоит в том, что текст уголовного закона не приведен в соответствие с Федеральным законом «О противодействии коррупции». Уголовно-правовые предписания не содержат ответственности за распространенные формы коррупционного поведения, различные коррупционные акты и реализованные коррупционные связи.

Другая проблема: УК РФ провозглашает, что Кодекс основывается на общепризнанных принципах и нормах международного права. Однако имплементация принципов и норм международного права, направленных на противодействие коррупции, в уголовном законодательстве осуществляется недостаточно. В международных документах коррупция понимается шире, чем в уголовном законодательстве, как «просьба, предложение, дача или получение, прямо или косвенно, взятки или любого другого ненадлежащего преимущества или обещания такого, которые искажают нормальное выполнения любой обязанности»².

Следующая проблема: в 2003 году из российского законодательства исключен такой вид наказания, как конфискация. Однако именно этот вид наказания лишает лиц, причастных к коррупции, всех выгод, полученных ненадлежащим образом. Через два с половиной года благодаря усилиям Конгресса уголовного права конфискация включена в Кодекс, но не в виде наказания, как предусматривали резолюции Конгресса, а в качестве иной меры уголовно-правового характера. Однако новый институт конфискации ограничивает возможность изъятия денег, ценностей и иного имущества до такой степени, что коррупционное поведение, как и ранее, остается выгодным и прибыльным занятием. На наш взгляд, несмотря на принятие Федерального закона «О противодействии коррупции», политика противодействия коррупционным преступлениям в Российской Федерации по-прежнему является

¹ Алексеев А. И., Овчинский В. С., Побегайло Э. Ф. Российская уголовная политика: преодоление кризиса. М., 2006. С. 13—23.

² Конвенция о гражданско-правовой ответственности за коррупцию 1999 г.

декларативной. Между тем с 1998 по 2015 год принято 117 федеральных законов, которыми внесено более тысячи изменений и дополнений в действующий Уголовный кодекс. Причем 118 федеральных законов приняты с момента вступления в силу Федерального закона «О противодействии коррупции». Законодатель изменяет Уголовный кодекс Российской Федерации, не совершенствуя уголовно-правовую политику, направленную на противодействие коррупции. Эти изменения имеют предельно либеральный характер и недостаточно соответствуют криминогенной обстановке, так как инициаторы и авторы этих изменений являются сторонниками так называемого ограниченного применения уголовного закона и смягчения карательных мер. В результате нововведений получение взятки без отягчающих признаков, которое до принятия Федерального закона № 273 каралось наказанием в виде лишения свободы на срок до пяти лет, в настоящее время может быть наказано лишением свободы не свыше трех лет, а санкция в виде лишения свободы за дачу взятки снижена с трех до двух лет. При этом за оба коррупционных преступления предусмотрен ряд альтернативных мер, не связанных с лишением свободы, в том числе в виде штрафа, кратного сумме взятки, что фактически дает возможность виновным лицам откупиться за содеянное и вызывает обоснованную критику граждан в адрес законодателя и судебных органов.

Серьезным фактором, способным повлиять на политику противодействия коррупции и активизацию борьбы с коррупционными преступлениями, является Концепция уголовно-правовой политики Российской Федерации, размещенная на сайте Общественной палаты Российской Федерации. Представленная Концепция предусматривает создание в 2012—2015 годах организационных, информационных и научно-методических предпосылок модернизации уголовного законодательства Российской Федерации, а в 2016—2018 годах — определение основных направлений его совершенствования и подготовку проекта новой редакции УК РФ. В документе четко сформулированы общие положения, цели и задачи уголовно-правовой политики.

Изложенные сведения позволяют сделать вывод, что для повышения эффективности противодействия коррупции уголовно-правовыми средствами требуется радикальная модернизация действующего уголовного законодательства, т. е. принятие нового Уголовного кодекса. В кодифицированный уголовный закон *de lege ferenda* следует включить главу о коррупционных преступлениях и предусмотреть ответственность правонарушителей не

только за коррупционные акты, но и за установление коррупционных связей, обеспечивающих ненадлежащие преимущества и выгоды. В Кодекс необходимо вернуть наиболее действенный в отношении мздоимцев вид наказания — конфискацию имущества. Применение указанной меры способно минимизировать размах коррупционных деяний, так как конфискация всего имущества сведет к нулю все выгоды и преимущества лиц, действовавших в обход закона. Кроме того, следует увеличить сроки лишения права занимать определенные должности и заниматься определенной деятельностью, вплоть до пожизненного лишения соответствующих прав. При таком подходе максимальные сроки лишения свободы в отношении коррупционеров можно сократить с пятнадцати до семи лет, так как лишение указанных прав и конфискация имущества способны существенно снизить общественную опасность и возможности лиц, склонных к коррупционному поведению.

М. А. ЛЮБАВИНА,
*профессор кафедры уголовного права,
криминологии и уголовно-исполнительного права
Санкт-Петербургского юридического института (филиала)
Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации,
кандидат юридических наук, доцент*

ОПРЕДЕЛЕНИЕ МОМЕНТА ОКОНЧАНИЯ ПОЛУЧЕНИЯ ВЗЯТКИ

Верховный Суд Российской Федерации в постановлении Пленума от 09.07.2013 № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» в нескольких пунктах обращался к вопросу о моменте окончания получения взятки. Но не все рекомендации относительно момента окончания преступления представляются бесспорными.

Первая проблема связана с получением должностным лицом части взятки при намерении получить взятку в значительном, крупном или особо крупном размере.

В пункте 10 Постановления отмечается, что получение взятки считается оконченным преступлением с момента принятия должностным лицом хотя бы части передаваемых ему ценностей (например, с момента передачи их лично должностному лицу, зачисления с согласия должностного лица на счет, владельцем которого оно является). При этом не имеет значения, получило ли

указанное лицо реальную возможность пользоваться или распоряжаться переданными ценностями по своему усмотрению.

Это положение не вызывало бы возражений, если бы распространялось только на случаи получения взятки в размере до значительного, поскольку получение взятки полностью или по частям в данном случае не влияет на юридическую оценку содеянного.

Вместе с тем аналогичная рекомендация дана Верховным Судом Российской Федерации и для случаев получения взятки должностным лицом в значительном, крупном или особо крупном размере: «Если взяткодатель (посредник) намеревался передать, а должностное лицо — получить взятку в значительном или крупном либо в особо крупном размере, однако фактически принятое должностным лицом незаконное вознаграждение не образовало указанный размер, содеянное надлежит квалифицировать как оконченное дачу либо получение взятки или посредничество во взяточничестве соответственно в значительном, крупном или особо крупном размере. Например, когда взятку в крупном размере предполагалось передать в два приема, а взяткополучатель был задержан после передачи ему первой части взятки, не образующей такой размер, содеянное должно квалифицироваться по пункту “в” части 5 статьи 290 УК РФ».

В доктрине уголовного права вопрос о квалификации получения части взятки при намерении должностного лица получить взятку в значительном, крупном или особо крупном размере, является спорным. Предлагаются три варианта квалификации: 1) как оконченное получение взятки в том размере, в каком должностное лицо намеревалось получить взятку¹; 2) как покушение на получение взятки в соответствии с направленностью умысла²; 3) по совокупности преступлений как оконченное полу-

¹ Грошев А. О проекте постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о взяточничестве, коммерческом подкупе и иных коррупционных преступлениях» // Уголовное право. 2013. № 5. С. 54.

² Безверхов А. О некоторых вопросах квалификации коррупционных преступлений // Уголовное право. 2013. № 5. С. 33; Боровых Л., Степанов В., Шумихин В., Чудин Н. Проблемы практики применения уголовного законодательства РФ об ответственности за взяточничество, коммерческий подкуп и иные коррупционные преступления // Уголовное право. 2013. № 5. С. 40; Лопашенко Н. О некоторых проблемах понимания и толкования взяточничества и коммерческого подкупа (квалификационные проблемы) // Уголовное право. 2013. № 5. С. 88; Любавина М. О некоторых проблемах квалификации преступлений коррупционного характера // Уголовное право. 2013. № 5. С. 90; Щепельков В. Некоторые проблемы квалификации получения взятки // Уголовное право. 2013. № 5. С. 119.

чение взятки в части уже полученного и как покушение на получение взятки в оставшейся части.

Последний вариант квалификации недопустим, поскольку поэтапная реализация единого умысла юридически тождественными действиями свидетельствует о совершении единого продолжаемого преступления.

Верховный Суд Российской Федерации остановился на первом варианте, хотя второй вариант представляется более обоснованным с теоретической точки зрения и с учетом сложившейся судебной практики по другим категориям уголовных дел¹.

При получении взятки в значительном, крупном или особо крупном размере умыслом должностного лица охватывается не только факт получения взятки, но и ее юридически значимый размер, который относится к обязательным объективным признакам квалифицированного состава. Следовательно, объективная сторона преступления не может быть выполнена в полном объеме, а преступление не может считаться оконченным, если умысел относительно юридически значимого размера взятки не реализован.

Как взяткополучатель, так и взяткодатель при передаче взятки в юридически значимом размере по частям имеют реальную возможность добровольно отказаться от доведения квалифицированного вида преступления до конца, что также свидетельствует о неоконченном преступлении.

В случае передачи лишь части взятки, которая в целом образовала бы значительный, крупный или особо крупный размер, представляются возможными два варианта квалификации в зависимости от совпадения или несовпадения юридически значимых размеров взятки, которую коррупционер намеревался получить, и фактически полученной части. Если, например, должностное лицо намеревалось получить взятку в размере 500 тыс. р. (крупный размер), но получило только 100 тыс. р. (значительный размер), то деяние квалифицируется как покушение на получение взятки в крупном размере. Если же умысел должностного лица был направлен на получение взятки в размере 500 тыс. р. (крупный размер), а полученная часть составила 200 тыс. р. (крупный раз-

¹ Если умысел конкретизирован относительно юридически значимого размера хищения, но не доведен до конца по не зависящим от лица обстоятельствам, деяние квалифицируется по направленности умысла как покушение на хищение в крупном или особо крупном размере. Аналогичным образом квалифицируется сбыт наркотиков в несколько приемов. Если лицо намеревалось сбыть наркотики, например, в особо крупном размере, но по не зависящим от него обстоятельствам успевает сбыть только часть, не образующую особо крупный размер, деяние квалифицируется как покушение на сбыт в особо крупном размере.

мер), то деяние квалифицируется как оконченное получение взятки в крупном размере.

Вторая проблема определения момента окончания преступления связана с видом взятки.

Наряду с деньгами, ценными бумагами, иным имуществом взятка может быть дана в виде незаконного оказания услуг имущественного характера или предоставления имущественных прав, поэтому момент окончания преступления во многом зависит от того, в каком виде дается взятка.

Взятка может быть дана как в виде наличных, так и в виде безналичных денег. В последнем случае моментом окончания преступления следует считать не поступление денег на счет должностного лица, а получение им соответствующей информации и тем или иным образом выраженное согласие с пополнением счета, в том числе непринятие мер по отказу от поступивших средств.

Верховный Суд Российской Федерации в упомянутом Постановлении указал, что при получении взятки в виде оказания услуг имущественного характера преступление считается оконченным *с начала выполнения с согласия должностного лица действий, непосредственно направленных на приобретение им имущественных выгод* (п. 11 Постановления)¹. При этом под оказанием услуг имущественного характера Верховный Суд Российской Федерации понимает не только оказание услуг в гражданско-правовом смысле, но и выполнение работ, освобождение от имущественных обязательств и получение иных выгод имущественного характера. Вместе с тем такое широкое понимание услуг имущественного характера порождает необходимость устанавливать момент окончания получения взятки в зависимости от содержания выгоды имущественного характера, тогда как в п. 11 Постановления Пленума дается общая рекомендация относительно определения момента окончания преступления при любой имущественной выгоде. Представляется необходимым обратить внимание на следующее.

1. Если предметом взяточничества являются услуги (в узком гражданско-правовом смысле услуги — действия, полезный результат которых потребляется в ходе оказания услуги, например медицинской) или работы (действия по созданию материальных

¹ Хотелось бы отметить, что получение в качестве взятки денег, ценных бумаг, иного имущества, имущественных прав — это также имущественная выгода. Так, может быть, стоит отказаться от перечисления видов взятки, а ограничиться указанием в ст. 290 УК РФ на «любую имущественную выгоду»?

ценностей, например строительство), то с позиции Верховного Суда Российской Федерации преступление следует считать оконченным в момент начала оказания услуг или начала выполнения работ. Но в этом случае возникает проблема определения размера взятки.

Умысел должностного лица относительно размера взятки может быть конкретизированным либо неконкретизированным.

Например, при конкретизированном умысле должностное лицо намеревается получить взятку в виде строительства дома. Смета составлена, стоимость строительства определена, но работы выполнены только по рытью котлована. Представляется, что в этом случае размер взятки должен определяться исходя из стоимости строительства, а действия должностного лица квалифицироваться в зависимости от направленности умысла как покушение на получение взятки в размере, соответствующем стоимости строительства (если юридически значимые размеры не совпадают).

При неконкретизированном умысле относительно размера взятки и пресечении действий по выполнению работ или оказанию услуг денежной оценке могут подлежать только уже выполненные работы или уже оказанные услуги. Например, должностному лицу в качестве взятки предлагается оказывать безвозмездные услуги медицинского характера в течение неопределенного срока. В качестве полученной взятки в этом случае могут оцениваться только уже оказанные услуги. Следовательно, размер взятки будет соответствовать стоимости оказанных безвозмездно услуг.

С практической точки зрения, в момент начала выполнения работ или начала оказания услуг доказать умысел должностного лица на безвозмездное получение имущественной выгоды весьма проблематично. Можно ли говорить о завершенности преступления, если должностное лицо до окончания работ или оказания услуг сохраняет возможность оплаты работ либо услуг? Поэтому рекомендация квалифицировать преступление как оконченное получение взятки в случае начала оказания услуг или начала выполнения работ практически невыполнима.

Аналогичная проблема возникла применительно к квалификации изготовления и переработки наркотических средств и психотропных веществ. В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.05.1998 № 9 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» была дана рекомендация считать незаконное изготовление и незаконную переработку наркотических средств или пси-

хотропных веществ оконченными преступлениями с начала совершения действий, направленных на получение готовых к использованию и потреблению наркотических средств или психотропных веществ либо на рафинирование или повышение в препарате концентрации наркотических средств и психотропных веществ. Но практика доказала неприемлемость данных рекомендаций, поскольку на стадии начала изготовления или переработки наркотических средств или психотропных веществ невозможно определить, будет ли получен желаемый результат, а если и будет, то каков размер полученных или переработанных наркотиков. В последующем Верховный Суд Российской Федерации был вынужден изменить свою позицию и в постановлении Пленума от 15.06.2006 № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» указал, что ответственность по ч. 1 ст. 228 УК РФ за незаконные изготовление или переработку наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов без цели сбыта как за оконченное преступление наступает с момента получения в крупном размере готовых к использованию и употреблению этих средств или веществ либо в случае повышения их концентрации в препарате путем рафинирования или смешивания.

2. К услугам имущественного характера отнесены действия по освобождению должностного лица от имущественных обязательств. При этом, как указано в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях», момент окончания преступления — *начало выполнения действий, направленных на получение имущественных выгод*, например, с момента уничтожения или возврата долговой расписки, передачи другому лицу имущества в счет исполнения обязательств взяткополучателя, заключения кредитного договора с заведомо заниженной процентной ставкой за пользование им. Все приведенные примеры свидетельствуют не о начале выполнения действий по получению имущественной выгоды, а об их завершенности. В абз. 3 п. 9 Постановления говорится, что получение взятки в виде незаконного предоставления должностному лицу имущественных прав предполагает возникновение у лица юридически закрепленной возможности вступить во владение или распорядиться чужим имуществом как своим собственным, требовать от должника исполнения в его пользу имущественных обязательств и др. Представляется нелогичным при получении взятки

в виде полного или частичного освобождения от имущественных обязательств переносить момент окончания преступления на стадию начала оформления документов до юридического закрепления освобождения от имущественных обязательств.

Таким образом, при необходимости юридического закрепления освобождения от имущественных обязательств получение взятки можно считать окончанным преступлением только после соответствующего юридического оформления.

Третья проблема обусловлена тем, что взятка с согласия должностного лица может быть дана в пользу его близких, в материальном благополучии которых должностное лицо заинтересовано. Представляется, что момент окончания преступления зависит от того, когда получено согласие должностного лица на получение взятки в таком виде. Если сначала близкими должностного лица получена выгода имущественного характера, а затем субъект преступления выразил свое согласие на получение его близкими имущественной выгоды, то моментом окончания преступления будет так или иначе выраженное согласие должностного лица. Если договоренность о получении взятки состоялась до получения близкими должностного лица имущественной выгоды, то моментом окончания преступления будет фактическое получение имущественной выгоды близкими должностного лица.

Четвертая проблема связана с определением момента окончания преступления в условиях проведения оперативно-розыскного мероприятия.

В доктрине уголовного права вопрос о возможности признания получения взятки окончанным преступлением в условиях проведения оперативного эксперимента является дискуссионным.

По мнению Б. В. Волженкина, который исходил из того, что дача и получение взятки являются двуединым преступлением, т. е. совершаются в так называемом необходимом соучастии, получение взятки в условиях имитации взятки нельзя считать окончанным преступлением, поскольку в действительности дача взятки не совершается, а имитируется в ситуации, когда субъект получения взятки в объективных действиях пытается реализовать умысел на совершение преступления¹. Аналогичной позиции придерживаются и другие ученые².

¹ Волженкин Б. В. Служебные преступления : Комментарий законодательства и судебной практики. СПб., 2005. С. 218.

² Российское уголовное право. Особенная часть : учебник / под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай, В. С. Комиссарова, А. И. Рарога. М., 2013. С. 210 ;

Верховный Суд Российской Федерации, с одной стороны, согласился с тем, что дача и получение взятки являются двуединым преступлением, указав на их общий момент окончания, но с другой стороны, признал, что получение взятки следует считать оконченным преступлением и в случае отсутствия события преступления по даче взятки.

Теоретически позиция Верховного Суда Российской Федерации объясняется в определениях по конкретным уголовным делам тем, что объективная сторона указанных преступлений заключается в принятии взятки должностным лицом, поэтому при имевшем место фактическом принятии считается выполненной полностью¹.

Дискуссия о моменте окончания преступления в условиях проведения оперативно-розыскного мероприятия беспредметна без обращения к Федеральному закону от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», в соответствии с которым задачи оперативно-розыскной деятельности заключаются в выявлении, предупреждении, пресечении и раскрытии преступлений, а также в выявлении и установлении лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших (ст. 2). Не допускается осуществление оперативно-розыскной деятельности для достижения целей и решения задач, не предусмотренных данным Федеральным законом (ст. 5).

Авторы комментария к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» достаточно четко раскрывают содержание терминов, используемых при определении задач оперативно-розыскной деятельности.

Выявление преступлений как самостоятельная задача ОРД предполагает установление *фактов совершения латентных преступлений*, информация о которых в правоохранительные органы по официальным каналам не поступает.

Предупредить преступление — значит не допустить его совершение. Задача предупреждения преступлений складывается из двух задач более частного уровня: общей профилактики и индивидуальной профилактики. Общая профилактика состоит в выяв-

Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) [Электронный ресурс] / отв. ред. В. М. Лебедев. 13-е изд., перераб. и доп. М., 2013. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹ Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 27.02.2013 № 34-О13-4 ; Определение Верховного Суда Российской Федерации от 17.11.2011 № 50-О11-47 ; Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 25.11.2010 № 71-О10-27.

лении, устранении или нейтрализации конкретных причин и условий, способствующих совершению преступлений. Индивидуальная профилактика — *в выявлении лиц, замысливающих и подготавливающих противоправные деяния, и склонении их к отказу от преступных намерений.*

Пресечение преступлений означает лишение лица реальной возможности завершить начатое преступление, довести его до конца, недопущение вредных последствий. Решение задачи пресечения преступлений в ОРД, как правило, связано с задержанием лица с поличным в момент приготовления или покушения на противоправное деяние.

Под *раскрытием преступлений* понимается система мер по установлению лиц, совершивших преступления, и обеспечение возможности их привлечения к уголовной ответственности путем сбора информации, имеющей доказательственное значение. Необходимость решения такой задачи возникает в случаях совершения неочевидных преступлений, при которых потерпевшей стороне и правоохранительным органам неизвестна личность виновного лица¹.

При проведении оперативного эксперимента по получению должностным лицом любой имущественной выгоды основанием для проведения оперативно-розыскного мероприятия служит информация о том, что конкретное должностное лицо совершило приготовление к совершению преступления — получению взятки. Следовательно, задачи выявления и раскрытия преступления в данном случае преследоваться не могут: преступление еще не совершено, а лицо известно. Если должностное лицо уже совершило действия по приготовлению к получению взятки, то решение задачи по предупреждению преступления практически исключается. Оперативно-розыскные действия могут проводиться только в целях решения задачи по пресечению получения взятки. Следствием решения этой задачи может быть только фактическое пресечение преступления, а юридическим подтверждением тому — квалификация действий должностного лица как покушение на получение взятки.

Решается ли задача пресечения преступления при проведении оперативного эксперимента по получению взятки? Фактически решается. Но юридически, если эти действия квалифицировать

¹ Вагин О. А., Исиченко А. П., Чечетин А. Е. Комментарий к Федеральному закону от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности». (Постатейный) [Электронный ресурс]. М., 2009. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

как оконченное преступление, то приходится констатировать, что оперативные службы не решали задачу пресечения преступления, а напротив, создали условия для доведения преступления до конца, т. е. нарушили закон. А этот факт, в свою очередь, может послужить основанием для признания доказательств, полученных при проведении оперативного эксперимента, недопустимыми.

Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно указывал на то, что проведение оперативного эксперимента возможно, во-первых, лишь в целях выполнения задач, предусмотренных ст. 2 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», и во-вторых, только при наличии оснований, указанных в его ст. 7; в частности, не допускается проведение оперативно-розыскного мероприятия, если это не связано с выявлением, предупреждением, пресечением и раскрытием преступлений, а также с выявлением и установлением лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших¹.

Все вышеизложенное ставит под сомнение обоснованность квалификации принятия взятки должностным лицом в условиях оперативного эксперимента оконченным преступлением.

А. С. КАРАБЕЛЬНИКОВА,

помощник директора ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент

О СИСТЕМЕ КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ БЕЛАРУСИ И РОССИИ

Республика Беларусь и Российская Федерация на протяжении длительного времени взаимодействуют в разработке унифицированных подходов к борьбе с коррупцией на межгосударственном уровне. Правовую основу сотрудничества составляют Соглашение о сотрудничестве генеральных прокуратур (прокуратур) государств — участников Содружества Независимых Государств в борьбе с коррупцией от 25.04.2007, Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Российской Федерации о повышении эффективности сотрудничества в сфере борьбы с коррупцией от 25.12.2013 и др. Существенное влияние на развитие законодательства Беларуси и России об ответственности за коррупционные преступления оказали Конвенция об

¹ Определения Конституционного Суда Российской Федерации от 27.01.2011 № 56-О-О, от 06.03.2001 № 58-О, от 21.10.2008 № 640-О-О и от 28.05.2009 № 641-О-О.

уголовной ответственности за коррупцию 1999 г. и Конвенция ООН против коррупции 2003 г.

В Законе Республики Беларусь от 15.07.2015 № 305-3 «О борьбе с коррупцией» отсутствует понятие коррупционного преступления, однако в ст.ст. 25 и 37 Закона приводятся перечни правонарушений, создающих условия для коррупции, и коррупционных правонарушений. В 2007 году с учетом понятия коррупции и перечня коррупционных правонарушений, закрепленных в абз. 2 ст. 1 и ст. 21 Закона Республики Беларусь «О борьбе с коррупцией», был разработан перечень коррупционных преступлений. Как отмечает В. М. Хомич, основаниями для отнесения преступления к коррупционным послужили два требования (критерия): 1) преступление должно быть совершено государственным должностным или приравненным к нему лицом (к ним относятся и государственные служащие, которые не являются должностными лицами) с использованием своих служебных полномочий; 2) совершено из корыстной или иной личной заинтересованности¹.

Согласно перечню коррупционных преступлений, утвержденному Постановлением Генеральной прокуратуры Республики Беларусь, КГК Республики Беларусь, ОАЦ при Президенте Республики Беларусь, МВД Республики Беларусь, КГБ Республики Беларусь и СК Республики Беларусь от 27.12.2013 № 43/9/95/571/57/274, к коррупционным относятся преступления, предусмотренные УК Республики Беларусь: хищение путем злоупотребления служебными полномочиями (ст. 210 УК); легализация («отмывание») материальных ценностей, приобретенных преступным путем, совершенная должностным лицом с использованием своих служебных полномочий (чч. 2 и 3 ст. 235 УК); злоупотребление властью или служебными полномочиями из корыстной или иной личной заинтересованности (чч. 2 и 3 ст. 424 УК); бездействие должностного лица из корыстной или иной личной заинтересованности (чч. 2 и 3 ст. 425 УК); превышение власти или служебных полномочий, совершенное из корыстной или иной личной заинтересованности (чч. 2 и 3 ст. 426 УК); незаконное участие в предпринимательской деятельности (ст. 429 УК); получение взятки (ст. 430 УК); дача взятки (ст. 431 УК); посредничество во взяточничестве (ст. 432 УК); злоупотребление

¹ Хомич В. М. О системе коррупционных преступлений в УК Республики Беларусь // Системность в уголовном праве : II Российский конгресс уголовного права, 31 мая—1 июня 2007 г. : материалы / отв. ред. В. С. Комиссаров ; МГУ им. М. В. Ломоносова. М., 2007. С. 465.

властью, превышение власти либо бездействие власти, совершенные из корыстной или иной личной заинтересованности (ст. 455 УК).

Субъектами вышеперечисленных преступлений являются должностные лица (за исключением дачи взятки и посредничества во взяточничестве), т. е. при формировании перечня 2013 года разработчики исходили из более узкого критерия, чем в 2007 году. В связи с этим преступления, предусмотренные ст.ст. 427 и 433 УК Беларуси, не признаются коррупционными согласно действующему перечню. Критерии для выделения коррупционных преступлений в Беларуси аналогичны закрепленным в ст. 3 Соглашения о сотрудничестве генеральных прокуратур (прокуратур) государств — участников Содружества Независимых Государств в борьбе с коррупцией, т. е. коррупционные преступления совершаются должностными лицами с использованием служебных полномочий из корыстной или иной личной заинтересованности.

В Федеральном законе Российской Федерации от 25.12. 2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» отсутствуют понятие и перечень коррупционных преступлений. Однако для формирования статистической отчетности применяется Перечень № 23 преступлений коррупционной направленности, являющийся приложением к Указанию Генеральной прокуратуры Российской Федерации № 744/11 и МВД России № 3 от 31.12. 2014. Преступления коррупционной направленности делятся на преступления, относящиеся к перечню без дополнительных условий; преступления, относящиеся к перечню при наличии определенных условий (этими условиями выступают один или несколько критериев выделения преступлений коррупционной направленности); преступления, которые могут способствовать совершению преступлений коррупционной направленности. Вопрос о соотношении преступлений коррупционной направленности и коррупционных преступлений в законодательстве России не урегулирован.

В Перечне № 23 определены четыре критерия, только при наличии совокупности которых деяние признается преступлением коррупционной направленности: 1) специальный субъект, указанный в ст.ст. 201 и 285 УК РФ; 2) связь деяния со служебным положением субъекта; 3) корыстный мотив; 4) прямой умысел.

В научной литературе и международных актах предлагаются более широкие критерии. В частности, в Соглашении о сотрудничестве генеральных прокуратур (прокуратур) государств — участников Содружества Независимых Государств в борьбе с коррупцией и в научных публикациях в качестве признака коррупци-

онного преступления называется не только корыстный мотив, но и иная личная заинтересованность¹. В статье 3 Соглашения о сотрудничестве генеральных прокуратур (прокуратур) государств — участников Содружества Независимых Государств в борьбе с коррупцией отсутствует указание на совершение преступления с прямым умыслом. Некоторые ученые отмечают, что коррупционные преступления могут совершаться с прямым или косвенным умыслом², либо не уточняют вид умысла³. Несмотря на различие в критериях формирования перечней коррупционных преступлений, коррупционные преступления по законодательству Беларуси признаются таковыми и в России.

Преступлениями коррупционной направленности без дополнительных условий являются преступления, предусмотренные ст.ст. 141.1, 184, 204, п. «а» ч. 2 ст. 226.1, п. «б» ч. 2 ст. 229.1, ст.ст. 289, 290, 291, 291.1 УК РФ. Некоторые из них из-за особенностей конструкции диспозиций статей УК не признаются коррупционными в Беларуси. Например, субъекты подкупа участников и организаторов профессиональных спортивных соревнований и зрелищных коммерческих конкурсов (ст. 253 УК Беларуси) не относятся ни к должностным лицам, ни к иным субъектам коррупционных правонарушений. Если кто-либо из субъектов подкупа является должностным лицом, то ответственность наступает за получение взятки (ст. 430 УК Беларуси).

Коммерческий подкуп (ст. 252 УК Беларуси) не признается коррупционным преступлением в Беларуси, поскольку предполагает получение работником индивидуального предпринимателя или юридического лица, не являющимся должностным лицом, вознаграждения за действия (бездействие) в интересах дающего, а также предоставление такого вознаграждения. Большая часть субъектов коммерческого подкупа не относится к государственным должностным или приравненным к ним лицам, которые за

¹ Максимов С. В. Коррупция. Закон. Ответственность. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2008. С. 19—20 ; Мизерий А. И. Уголовно-правовые и криминологические аспекты борьбы с коррупцией в органах власти : дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2000. С. 29 ; Сичинава И. М. Уголовно-правовые меры противодействия коррупционным преступлениям : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 11.

² Ишимов А. Б. Уголовно-правовые меры противодействия коррупционным преступлениям (сравнительное исследование на материалах Кыргызской Республики и Российской Федерации) : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 87.

³ Максимов С. В. Указ. соч. С. 19—20 ; Савенко И. А. Коррупционные преступления и меры их предупреждения (на материалах Краснодарского края) : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2006. С. 28—29.

получение незаконного вознаграждения подлежат ответственности по ст. 430 или ст. 433 УК Беларуси. Субъектами коммерческого подкупа по ст. 204 УК РФ являются лица, выполняющие управленческие функции в коммерческой или иной организации. В Беларуси они привлекаются к ответственности за получение взятки (ст. 430 УК Беларуси).

Контрабанда, совершенная должностным лицом с использованием служебных полномочий, не является коррупционным преступлением в Беларуси, что не противоречит международным актам, поскольку они не содержат рекомендаций о признании контрабанды коррупционным деянием. Обзор научных публикаций показывает, что только четверть авторов, исследовавших вопрос о системе коррупционных деяний, относит контрабанду к коррупционным преступлениям¹.

В странах СНГ служебный подлог обычно признается коррупционным преступлением. Более половины авторов, предлагавших свои перечни коррупционных преступлений, считают служебный (должностной) подлог коррупционным преступлением². Субъектом служебного подлога, предусмотренного ст. 427 УК Беларуси, является должностное лицо или иное уполномоченное лицо, данное преступление совершается из корыстной или иной личной заинтересованности. Поскольку Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию 1999 г. и Конвенция ООН против коррупции 2003 г. не содержат рекомендаций по криминализации служебного подлога, а Соглашение о сотрудничестве генеральных прокуратур (прокуратур) государств — участников Содружества Независимых Государств в борьбе с коррупцией в качестве субъекта коррупционного преступления называет только должностное лицо, целесообразно включить служебный подлог в перечень коррупционных преступлений Беларуси при условии совершения преступления должностным лицом.

В подп. 3.4—3.6 п. 3 Перечня № 23 в качестве дополнительно условия отнесения деяний к преступлениям коррупционной направленности названо совершение их не только должностным лицом или лицом, выполняющим управленческие функции, но и государственным служащим и служащим органов местного самоуправления. Как отмечалось выше, такая категория лиц не признается субъектом коррупционных преступлений в Беларуси.

¹ Карабельникова А. С. О перечнях коррупционных преступлений // Право в современном белорусском обществе : сб. науч. тр. / НЦЗПИ Респ. Беларусь ; редкол.: В. И. Семенков (гл. ред.) [и др.]. Вып. 9. Минск. С. 528.

² Там же.

Вместе с тем государственные служащие, не являющиеся должностными лицами, могут привлекаться к уголовной ответственности по ст. 433 УК Беларуси за принятие незаконного вознаграждения, которое по содержанию есть разновидность коррупции, но не включено в перечень коррупционных преступлений по двум причинам: 1) критерием для формирования перечня является совершение преступления должностным лицом; 2) не все субъекты принятия незаконного вознаграждения относятся к государственным должностным или приравненным к ним лицам.

Идея установления уголовной ответственности за получение незаконного вознаграждения обсуждалась российскими учеными. Например, Т. Б. Басова считает целесообразным дополнить УК РФ нормой, предусматривающей ответственность за получение незаконного вознаграждения государственным или муниципальным служащим, не являющимся должностным лицом¹. Е. В. Марьина полагает, что соответствующим составом необходимо дополнить не только УК РФ, но и КоАП РФ, тогда уголовная ответственность будет наступать при наличии административной преюдиции².

Таким образом, перечни коррупционных преступлений в Беларуси и России и критерии их формирования различаются. Особенности системы коррупционных преступлений соседнего государства могут стать основой для совершенствования национального законодательства в области уголовной ответственности за коррупционные деяния.

А. В. ПЕТРОВСКИЙ,

*доцент кафедры уголовного права и криминологии
Кубанского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент*

ДОЛЖНОСТНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПО УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ ИСЛАМСКИХ РЕСПУБЛИК АФГАНИСТАН И ПАКИСТАН

Рассматривая должностные преступления по законодательству исламских республик Афганистан и Пакистан, необходимо учитывать культурно-религиозную сторону уголовного запрета. Это

¹ Басова Т. Б. Уголовная ответственность за должностные преступления: проблемы правотворчества и правоприменения в условиях административной реформы Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук. Владивосток, 2005. С. 22, 363.

² Марьина Е. В. Коррупционные преступления: отраслевое и межотраслевое согласование норм : автореф. ... дис. канд. юрид. наук. Самара, 2010. С. 20.

обусловлено наличием в основных законах положения о том, что жители этих стран должны упорядочивать свою жизнь в индивидуальной и коллективной сферах в соответствии с учением и требованиями ислама, изложенными в Священном Коране и Сунне¹. Такая позиция законодателя находит свое отражение в ст. 269 Уголовного кодекса Исламской Республики Афганистан (ИРА), устанавливающей ответственность в виде среднего тюремного заключения для государственного публичного служащего, который обратит в свою собственность государственные деньги, ценные документы, товары или другие изделия. На самом деле это кража, но совершенная при смягчающих обстоятельствах, потому и не называемая в законе кражей и не предполагающая шариатского наказания.

В теории мусульманской государственности принцип справедливости предполагает обеспечение и соблюдение индивидуальных прав, переключаясь с рядом криминологических теорий, отделяющих справедливость от пользы, где справедливость абсолютна, а польза формируется обществом. Теоретически законы в мусульманском государстве должны существовать исключительно для пользы благочестивых людей, и люди должны знать, что они не станут им в тягость и непосильным бременем². Несмотря на то что политические режимы, пришедшие к власти в Афганистане и Пакистане, начали исламизировать уголовное законодательство, влияние английской правовой школы на законодателей Пакистана и европейской школы на законодателей Афганистана остается³. Поэтому должностные преступления в обеих исламских республиках, не относясь к категории «нормированных», т. е. определяемых священными текстами и положениями хадисов, а закон четко оговаривает опасность для государства и общества совершения противоправных деяний государственными публичными служащими. Законодатель Исламской Республики Пакистан (ИРП) в главе 2 Уголовного кодекса подробно раскры-

¹ The Constitution of Afghanistan. January 3, 2004 / Translated by Sayed Shafi Rahel for the Secretariat of the Constitutional Commission [Электронный ресурс]. URL: [\(http://supremecourt.gov.af/fa_\(constitution2004_english241201294958325553325325\)\)](http://supremecourt.gov.af/fa_(constitution2004_english241201294958325553325325)) (дата обращения: 25.09.2015);

The Constitution of the Islamic Republic of Pakistan, 12th April, 1973 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pakistan.org/pakistan/constitution/> (дата обращения: 25.09.2015).

² Байс Б. Дж. Дух мусульманского права : пер. с англ. СПб., 2008. С. 35—36.

³ Rubay Mehdi. The Islamization of the Law in Pakistan, Abingdon, Oxon, UK. 1994. P. 300—301.

вает понятия и специальные термины, используемые в уголовном законе, в частности понятие публичного государственного служащего: к государственным служащим относятся все представители власти, как назначенные, так и выбранные, занимающие должности в федеральном правительстве Пакистана и в правительстве провинции, и получающие вознаграждение от правительства, или заработную плату, или комиссионные за выполнение общественного долга. В подпункте «Условные примеры Уголовного кодекса ИРП», содержащем комментарии Верховного суда, муниципальный работник определяется как государственный публичный служащий. Законодатель ИРА после создания Верховного управления по надзору за служащими и противодействию коррупции в 2008 году и принятия соответствующего закона называет субъектом должностных преступлений публичного служащего, причисляя к публичным служащим лиц, находящихся на службе в государственных, публичных и муниципальных органах управления¹.

Подразделяются публичные служащие на государственных и муниципальных. К первым относятся все офицеры армии, флота и ВВС; судьи; офицеры органов правосудия; присяжные заседатели; государственные эксперты; участники советов храмовых либо кастовых организаций, помогающие суду осуществлять правосудие; служащие пенитенциарных учреждений; любые правительственные служащие, в обязанности которых входит предупреждение правонарушений либо привлечение к ответственности в целях защиты общественного здоровья, безопасности и спокойствия; служащие, обязанностью которых является принятие, получение, хранение или расходование любого имущества в интересах правительства, либо производство любых осмотров, оценка или заключение договоров от имени правительства, либо исполнение процесса сбора доходов, либо расследование, или отчет, или совершение любых имеющих значение действий, влияющих на денежные интересы правительства; служащие, обязанные удостоверить или сохранить любой документ, относящийся к имущественным интересам правительства, либо для предотвращения нарушения любого закона, относящегося к имущественным интересам правительства; служащие, обязанностью которых является принятие, получение, хранение или расходование любого имущества, производство любых обследований, оценка или взимание

¹ Law on Overseeing the Implementation of the Anti-Administrative Corruption Strategy from 2008 September 16 [Электронный ресурс]. URL: // <http://anti-corruption.gov.af/en> (дата обращения: 29.08.2015).

любого тарифа или налога с любой светской общины для общих целей, любой деревни, города или района, или обязанность подтверждать подлинность, или сохранить любой документ для констатации права жителя любого села, города или района; любой человек, который занимает какую-либо должность и наделен полномочиями осуществлять подготовку, публикацию, хранение или пересмотр избирательных списков или проводить выборы или часть выборов. Таким образом, кроме определения законы содержат и перечень публичных служащих, подлежащих ответственности за должностные преступления.

Нормы о должностных преступлениях в Уголовном кодексе ИРП располагаются в главе VI «О преступлениях против государства»: ст. 128 — умышленное содействие должностного лица побегу государственного преступника либо военного преступника; ст. 129 — предоставление возможности побега должностным лицом государственному либо военному преступнику вследствие небрежного исполнения обязанностей; главе IX «О преступлениях, имеющих отношение к публичной службе»: ст. 162 — дача взятки с целью подкупить либо незаконно вознаградить должностное лицо; ст. 163 — дача взятки должностному лицу за выполнение конкретных обязанностей; ст. 165 — получение должностным лицом вещи, имеющей ценностную стоимость, за оставление без рассмотрения либо непроведение разбирательств в интересах лица по административным и коммерческим спорам; ст. 166 — нарушение должностным лицом закона с намерением причинить вред любому лицу; ст. 167 — составление должностным лицом неправильного документа с намерением причинить вред; ст. 168 — незаконное занятие должностным лицом коммерческой деятельностью; ст. 169 — незаконная покупка имущества или участие в установлении цен на имущество должностным лицом; ст. 171 — ношение формы и знаков различия, не соответствующих классному чину, с целью совершить мошенничество; главе IX-A «О преступлениях, относящихся к выборам»: ст. 171-B — взятка, предназначенная для члена избирательной комиссии; ст. 171-C — давление на избирателей членом избирательной комиссии; ст. 171-G — предоставление ложных результатов выборов членами избирательных комиссий.

В Уголовном кодексе ИРА нормы об ответственности за преступные деяния должностных лиц помещены в книге 2 «Фелонии, мисдиминоры, непристойное поведение и наказания за их совершение». Уголовное законодательство Афганистана не содержит названия статей, поэтому далее будут кратко излагаться диспозиции норм. Глава III «Взяточничество»: ст. 254 — дается

определение взятки; ст. 256 — определяется квалифицированной взяткой ее получение за сокрытие преступления; ст. 258 — устанавливается запрет служащему требовать что-нибудь либо вмешиваться в чью-либо деятельность в нарушение служебных обязанностей; ст. 259 — устанавливается ответственность за действия, предусмотренные ст. 258, но совершенные депутатом парламента, провинциального или муниципального совета; ст. 263 — особо квалифицированная взятка, предполагающая максимальную ответственность за наступление тяжких последствий в виде уничтожения, разрушения собственности, а также, что интересно, достижения несправедливости. Глава IV «Растрата, присвоение собственности и предательство»: ст. 268 — присвоение и утаивание имущества должностным лицом; ст. 269 — обращение в пользу должностного лица вверенного имущества; ст. 270 — использование служебных обязанностей в целях получения выгоды; ст. 271 — квалифицированный состав: совершение действий, предусмотренных ст. 270, но служащим, в чьи полномочия входит заключение контракта, контроль поступления налогов либо таможенных платежей; ст. 272 устанавливает ответственность для публичного служащего, который в служебное время занимается личным бизнесом либо согласно контракту с кем-либо выполняет иные обязанности. Нормы о преступных деяниях публичных служащих изложены также в главе V «Неправомерное поведение официальных лиц на публичной службе в отношении отдельного гражданина» и главе VII «Превышение пределов законной власти и посягательство на ее интересы официального государственного служащего».

Проанализировав понятие должностного лица и составы должностных преступлений в уголовном законодательстве Афганистана и Пакистана, мы можем сделать вывод, что законодатель выделил социальную сущность государственного публичного служащего как основу для квалификации. Аналогичные преступные действия должностных лиц коммерческих организаций обладают меньшей опасностью, и статьи, посвященные ответственности за их совершение, помещены в разделах, определяющих экономические составы преступлений. Данная позиция совпадает с мнением Б. В. Волженкина о том, что злоупотребление предоставленными публичными полномочиями должностными лицами более общественно опасно, ибо нарушает нормальную деятельность государственных аппаратов, подрывает авторитет власти, ослабляя ее¹.

¹ Волженкин Б. В. Служебные преступления : Комментарий законодательства и судебной практики. СПб., 2005. С. 8—9.

В. И. ТЮНИН,
*профессор кафедры уголовного права
Санкт-Петербургского университета МВД России,
доктор юридических наук, профессор*

ОПЕРАТИВНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ВЗЯТОЧНИЧЕСТВО

Проведение оперативно-розыскного мероприятия оперативный эксперимент с нарушением нормативных требований имеет два аспекта. Первый аспект связан с правовыми последствиями проведения оперативного эксперимента с нарушениями, влиянием их на судьбу уголовного дела и уголовное преследование подозреваемого и обвиняемого. Второй — с возможностью привлечения к уголовной ответственности лиц, проводивших оперативный эксперимент с нарушением законодательства, по статьям о должностных преступлениях и провокации взятки либо коммерческого подкупа.

Оперативный эксперимент относится к числу оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционное право человека и гражданина на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, передаваемых по сетям электрической и почтовой связи, а также право на неприкосновенность жилища, поэтому допускается на основании судебного решения.

Основанием проведения оперативного эксперимента является имеющаяся информация о противоправной деятельности, полученная до проведения оперативного эксперимента. По делам о взяточничестве, коммерческом подкупе такая информация должна свидетельствовать, что лицо совершает преступление, готовится к совершению преступления, хотя бы на стадии приготовления к нему. Например, взяткодатель выразил желание передать предмет взятки за совершение в его интересах должностным лицом определенных действий, а должностное лицо готово оказать «услугу», используя свои служебные полномочия или положение, за вознаграждение. Проведение оперативного эксперимента без предварительной работы по документированию преступной деятельности лица, в отношении которого проводится оперативный эксперимент, может быть расценено как провокация. При наличии соответствующих признаков такая провокация может быть квалифицирована как преступление, предусмотренное ст. 304 УК РФ «Провокация взятки либо коммерческого подкупа».

Требования о запрете подстрекательства, склонения, побуждения в прямой или косвенной форме кого-либо к совершению про-

тивовправных действий содержатся в законодательстве, например в Федеральном законе от 07.02.2011 № 3 «О полиции». Критерии разграничения правомерного проведения оперативно-розыскного мероприятия и провокации выработаны судебной практикой Верховного и Конституционного Судов Российской Федерации, а также Европейского Суда по правам человека. Провокация исключается, если оперативно-розыскные мероприятия преследуют цель решения задач оперативно-розыскной деятельности, проводятся при наличии законных оснований, умысел объекта (лица) оперативно-розыскных мероприятий сформировался независимо от деятельности сотрудников оперативных подразделений или лиц, оказывающих им содействие в проведении оперативно-розыскных мероприятий¹.

Закон не содержит определения мероприятий, составляющих оперативный эксперимент, поэтому примем за рабочее определение, которое закреплено в ст. 26 Рекомендательного законодательного акта «О борьбе с организованной преступностью», принятого Постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ от 26.11.1996. Согласно ст. 20 данного Рекомендательного законодательного акта оперативный эксперимент представляет собой воспроизведение действий, обстановки, обстоятельств преступного события и совершение необходимых опытных действий в целях пресечения преступления, выявления субъектов, его совершающих, а также проверки и оценки собранных данных о возможности совершения определенных противоправных действий или получения иных данных о криминальной деятельности².

Если речь идет о задержании с поличным, то эта часть оперативного эксперимента осуществляется гласно, как правило, в присутствии понятых, сопровождается получением объяснений от задержанного, демонстрацией ему и другим участникам задержания сделанных в процессе проведения этого мероприятия аудио- и видеозаписей, изъятых предметов и т. д.³

¹ Комментарий к Федеральному закону «О полиции» (постатейный) [Электронный ресурс] / Ю. Е. Аврутин и др. М., 2012. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Нетребва В. А., Овчинский В. С. Понятие оперативного эксперимента // Теория оперативно-розыскной деятельности : учебник / под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского, Г. К. Синилова. М., 2009. С. 373 ; Халиков А. Н. Правовые основы оперативно-розыскной деятельности. М., 2007. С. 167.

³ Карагодин В. Н. Оперативный эксперимент как средство проверки информации о готовящейся передаче взятки // Российский следователь. 2011. № 8. С. 2—5.

По этому поводу А. В. Савинский и В. М. Бакун пишут: «С гражданином, обратившимся с заявлением о вымогательстве у него неким чиновником взятки, устанавливается оперативный контакт. Он снабжается помеченными дензнаками на требуемую сумму, осуществляется негласный контроль беседы (договаривающихся сторон), и после твердой убежденности в том, что действительно происходит вымогательство взятки, оперативные работники осуществляют захват корыстолюбивого чиновника с личным при получении денег. Возбуждается уголовное дело по признакам покушения на получение взятки»¹.

Если должностное лицо само требует, тем более вымогает взятку (в том числе завуалированно), без какого-либо внешнего побуждения совершает конкретные действия, направленные на ее получение, то последующая деятельность оперативных работников по его разоблачению — правомерное оперативно-розыскное мероприятие².

В Уголовном кодексе провокация определяется лишь в связи с преступлением, предусмотренным ст. 304 УК РФ. Важным признаком преступления является отношение потерпевшего к факту дачи ему предмета подкупа или взятки. Закон говорит, что взятка дается, подкуп осуществляется без согласия лица и с определенной целью (привлечения к ответственности либо шантажа). Следовательно, если нет хотя бы одного из указанных признаков, нет уголовно наказуемого деяния.

Процессуальный аспект проведения оперативного эксперимента с нарушениями состоит в том, что полученные сведения не могут быть отнесены к допустимым доказательствам. Верховный Суд Российской Федерации в Кассационном определении от 04.12.2012 № 60-О12-10 по делу Ш. указал на то, что оперативно-розыскные мероприятия (было проведено два мероприятия) проводились по одному законным образом оформленному постановлению, что свидетельствует либо о знании оперативными сотрудниками о наличии одного продолжаемого преступления, либо о незаконности проведения одного из оперативно-розыскных меро-

¹ Бакунин В., Савинский А. Разграничение оперативного эксперимента и провокации взятки // Законность. 2010. № 7. С. 46—49.

² Гармаев Ю. П. Внешнеэкономические преступления, связанные с коррупцией в таможенных органах. Практический комментарий законодательства. [Электронный ресурс] / подготовлен для системы «КонсультантПлюс». Дата публикации: 01.06.2002. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

приятый. Изучив обстоятельства дела, Судебная коллегия приговор в части осуждения Ш. по ч. 3 ст. 290 УК РФ отменила.

Анализ практики рассмотрения уголовных дел в кассационном порядке позволяет заключить, что под провокацией по делам о взяточничестве понимаются действия сотрудников правоохранительных органов и сотрудничающих с ними лиц, под влиянием которых у обвиняемых (подозреваемых) формируется умысел на совершение преступления.

Европейский Суд по правам человека в постановлении по делу «Ваньян (Vanuyan) против Российской Федерации» (Страсбург, 15 декабря 2005 года) сделал обоснованный вывод, что милиция спровоцировала приобретение Ваньяном наркотиков, и что вмешательство милиции и использование полученных вследствие этого доказательств при рассмотрении уголовного дела против заявителя неоправдимо подрывали справедливость судебного разбирательства.

В Постановлении Европейского Суда отмечается: «Не было доказательств того, что до вмешательства О. З. у милиции были основания подозревать заявителя в распространении наркотиков. Простое заявление сотрудников милиции в суде о том, что они располагали информацией о причастности заявителя к распространению наркотиков, которое, судя по всему, не было проверено судом, не может приниматься во внимание. Вмешательство со стороны милиции и использование полученных вследствие этого доказательств при рассмотрении уголовного дела против заявителя неоправдимо подрывало справедливость судебного разбирательства».

Данное решение Европейского Суда по правам человека, пишут В. С. Комиссаров и П. С. Яни, существенно повлияло на практику российского высшего судебного органа, следствием чего стало Определение Верховного Суда Российской Федерации по уголовному делу в отношении М-ва А. В., оправдание которого судом первой инстанции признано законным и обоснованным¹.

Приемы, подпадающие под понятие «провокация», весьма разнообразны и подчас носят завуалированный характер. На наш

¹ Комиссаров В. С., Яни П. С. Провокационно-подстрекательская деятельность в отношении должностного лица как обстоятельство, исключающее ответственность за получение взятки // Законность. 2010. № 9. С. 3—8. См. также: Баев О. Я. Посягательства на доказательственную информацию и доказательства в уголовном судопроизводстве (правовые и криминалистические средства предупреждения, пресечения и нейтрализации последствий: проблемы и возможные решения) [Электронный ресурс] / подготовлен для системы «КонсультантПлюс». Дата публикации: 27.11.2009. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

взгляд, провокация имела место при проведении оперативных мероприятий в отношении О. Полученные при проведении оперативно-розыскных мероприятий доказательства были признаны допустимыми и положены в основу обвинения и осуждения О.

Располагая оперативной информацией о получении главой сельского поселения О. взятки за незаконную регистрацию гр. <...>, старший оперуполномоченный ОРЧ по борьбе с организованной преступностью с целью проверки данной информации под вымышленным именем встретился с О. В ходе встречи он обратился к О. с вопросом о возможности зарегистрировать на территории двух лиц, не имевших регистрации, и получил от нее согласие на регистрацию за денежное вознаграждение, т. е. за взятку. После того как О. осуществила регистрацию двух лиц (один из которых являлся сотрудником ОРЧ) и внесла в официальные документы заведомо ложные сведения о регистрации, ей была передана взятка в виде денег по 5 500 р. за каждого из зарегистрированных лиц, всего 11 000 р.¹

Провокационные действия сотрудников правоохранительных органов, направленные на выявление, пресечение и раскрытие коррупционных преступлений, совершаемых взяточполучателями и взяточдателями, могут содержать в себе признаки преступлений. К их числу относится преступление, предусмотренное ст. 304 УК РФ («Провокация взятки либо коммерческого подкупа»). В специальной литературе, посвященной исследованию данного состава преступления, нет единства в оценке поведения лиц проводящих оперативный эксперимент, как преступления, предусмотренного ст. 304 УК РФ.

Судебная практика применения ст. 304 УК РФ весьма скудна. Одним из примеров является уголовное дело в отношении оперуполномоченных по борьбе с экономическими преступлениями при ГУВД по Воронежской области А. Ди-ва и А. Ду-ва, которые без разрешения руководства, а также без вынесения соответствующего постановления провели в инспекции федеральной налоговой службы по Советскому району г. Воронежа оперативный эксперимент².

¹ Приговор Псковского областного суда от 08.11.2010. Дело № 2-20/2010 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Малый О. И. Воронежским областным судом вынесен первый в России за время действия Уголовного кодекса обвинительный приговор бывшим сотрудникам милиции по делу о провокации взятки [Электронный ресурс] // Праворуб. Пожалуй, самое профессиональное сообщество адвокатов и юристов : сайт.

До принятия постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.07.2013 № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» в литературе приводились разные мнения. Например, утверждалось, что для наличия оконченного состава преступления не имеет значения, приняло ли должностное лицо или лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой или иной организации, предлагаемое имущество или услугу. Если передача состоялась, потерпевший несет ответственность за покушение на получение взятки или денег, имущества при коммерческом подкупе¹.

Профессор Б. В. Волженкин считал, что если ценности вручаются должностному лицу в целях, предусмотренных в ст. 304 УК РФ, их нельзя рассматривать как взятку. «Поэтому ... провокатор несет в этом случае ответственность не за дачу взятки (коммерческий подкуп), а по ст. 304 УК РФ»². Как в случае, если попытка спровоцировать лицо не удалась, так и в том случае, если предмет взятки (подкупа) был принят.

Преступления, предусмотренного ст. 304 УК РФ, не будет в том случае, «когда согласие либо предложение было получено в результате склонения этих лиц к получению ценностей при обстоятельствах, свидетельствующих о том, что без вмешательства сотрудников правоохранительных органов умысел на их получение не возник бы и преступление не было бы совершено»³.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации в Постановлении от 09.06.2013 № 24 разграничивает преступление, указанное в ст. 304 УК РФ, и подстрекательские действия сотрудников правоохранительных органов, направленные на выявление дачи (получения) взятки или коммерческого подкупа.

Отличие между ними проводится по целям, которые преследуются виновными лицами. В первом случае такая цель состоит в том, чтобы искусственно сформировать доказательства совершения преступления или шантаж потерпевшего, а во втором — в

URL: <http://www.prokuratura-vrn.ru/main.php?viewnews=3374&m=14> (дата обращения: 09.10.2015).

¹ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) [Электронный ресурс] / под ред. Г. А. Есакова. Изд. 4-е. М., 2012. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Волженкин Б. В. Служебные преступления : Комментарий законодательства и судебной практики. СПб., 2005. С. 314.

³ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.06.2013 № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве, коммерческом подкупе и иных коррупционных преступлениях».

изобличении лица в получении взятки (денег, ценных бумаг, иного имущества при коммерческом подкупе).

Действия сотрудников правоохранительных органов в таком случае квалифицируются по ст. 304 УК РФ при условии, что провоцируемое лицо до момента передачи взятки (подкупа) не выразило согласия на ее принятие. Даже если провоцируемый принял предмет взятки (подкупа), он не подлежит уголовной ответственности по ст. 290 УК РФ (ст. 204 УК РФ) за отсутствием события преступления (п. 1 ч. 1 ст. 24 УПК РФ).

При подстрекательских же действиях, под влиянием которых лицо согласилось принять взятку (подкуп), ответственность для него не наступает, поскольку в содеянном отсутствует состав преступления (п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ).

Что касается правовой оценки поведения сотрудников правоохранительных органов, спровоцировавших должностное лицо (лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой организации) на получение предмета взятки (подкупа), представляется, что их поведение формально подпадает под действие ст. 285 УК РФ. Такая рекомендация содержалась и в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10.02.2000 № 6 «О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе».

В литературе встречались иные правовые оценки поведения сотрудников органов внутренних дел в подобных случаях. Скажем, профессор Б. В. Волженкин предлагал дополнительно применять ст. 286 УК РФ, поскольку «подобные действия явно выходят за пределы его полномочий и влекут существенное нарушение прав гражданина и интересов государства»¹.

Действующее Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.06.2013 № 24 не содержит рекомендаций по квалификации указанных действий по статьям о должностных преступлениях.

Если встать на позицию профессора Б. В. Волженкина, вполне логичной представляется квалификация действий сотрудников органов внутренних дел по ст. 286 УК РФ по совокупности со ст. 304 УК РФ, если имела место уголовно наказуемая провокация.

В том же случае, когда сотрудники правоохранительных органов совершают подстрекательские действия, направленные на выявление взятки или коммерческого подкупа, их поведение может быть оценено по ст. 285 УК РФ.

¹ Волженкин Б. В. Указ. соч. С. 316.

В. Б. МАЛИНИН,
*заведующий кафедрой уголовного права и криминологии
Межрегионального института экономики и права при МПА ЕврАзЭС,
доктор юридических наук, профессор*

**ПЕРЕДАЧА ЧАСТИ ПРЕМИИ ПОДЧИНЕННЫМИ
НАЧАЛЬНИКАМ КВАЛИФИЦИРОВАНО ПО ч. 4 ст. 160 УК РФ
(на материалах одного дела)**

В последнее время участились случаи передачи части премий подчиненными начальникам. Примером может служить следующее дело.

Главный бухгалтер Главного управления Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий по <...> области (ГУ МЧС России по <...> области) К. привлечен к уголовной ответственности по ч. 4 ст. 160 УК РФ. Он обвиняется в том, что привлек к совершению преступления заместителя начальника ГУ МЧС России по <...> области Д., чтобы тот договорился с начальником ГУ «1 отряд федеральной противопожарной службы по <...> области» (ГУ «1 отряд ФПС по <...> области») Л., начальником ГУ «2 отряд федеральной противопожарной службы по Мурманской области» (ГУ «2 отряд ФПС по <...> области») С., начальником ГУ «Центр управления в кризисных ситуациях Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий по <...> области» (ГУ «ЦУКС ГУ МЧС России по <...> области») А., которые должны были подыскать среди своих подчиненных лиц, которые бы согласились расписываться в платежных ведомостях за якобы полученные денежные средства либо снимать со своих банковских карт начисленные им в качестве премии денежные средства, поступающие на лицевые счета ГУ «2 отряд ФПС по <...> области», ГУ «1 отряд ФПС по <...> области» и ГУ «ЦУКС ГУ МЧС России по <...> области», открытые в УФК по <...> области для целей премирования, и передавать их К.¹

По мнению следствия, в период с 01.12.2009 по 31.12.2010 К. получил таким образом 223 640 104,18 р.²

¹ Из постановления о привлечении в качестве обвиняемого К. от 02.08. 2015.

² Вменена вся сумма полученных всеми сотрудниками денежных средств, выделенных на премии за два года. Сколько оставляли себе рядовые сотрудники, а также Л., С., Д. и другие посредники (всего 119 человек), следствием не установлено.

Нам кажется, вменение ч. 4 ст. 160 УК РФ не выдерживает никакой критики, и не столько с точки зрения доказательства вины К. — это дело суда, сколько с точки зрения теории — отсутствие состава преступления.

Как известно, для наличия состава необходимо установить его элементы: объект, объективную сторону, субъект, субъективную сторону и их признаки¹. Отсутствие хотя бы одного из них означает отсутствие состава, а значит, и отсутствие самого преступления.

Нас в этом деле, в частности, интересуют объект преступления, а точнее, такой его признак, как потерпевший, объективная сторона и субъект. Как было сказано, доказывание субъективной стороны — функция суда².

Итак, кто же является потерпевшим от преступления, т. е. кому причинен ущерб.

Следствием потерпевшим признано ГУ МЧС России по <...> области.

В самом деле, кто может быть признан потерпевшим?

Государство? Но государство в лице Северо-Западного регионального центра МЧС России само выделило указанную сумму премий ГУ МЧС России по <...> области, и ни копейки больше у государства похищено не было.

Да, выделялись огромные средства на денежные премии, но выделял-то их не К., а Северо-Западный региональный центр МЧС России³.

Рядовые сотрудники, отдававшие часть премии своим начальникам? Но они могут выступать в двух ипостасях. Либо они добровольно (как почти все из них говорят — на ремонт помещений) отдавали часть своих премий начальникам отрядов Л., С., начальнику ГУ «ЦУКС ГУ МЧС России по <...> области» А., что законом не запрещено. Либо они знали, что передают деньги «наверх», а значит, являются соучастниками данной схемы хищения денег.

Им никто не угрожал ни увольнением, ни даже выговором. В этом случае деяния были бы квалифицированы по ст. 286 УК РФ «Превышение должностных полномочий», но следствием

¹ Энциклопедия уголовного права. Т. 4. Состав преступления / отв. ред. В. Б. Малинин. 2-е изд. СПб., 2010. С. 23.

² Правда, здесь можно отметить, что доказательство вины К. основывается только на показаниях двух лиц: Д. и А., крайне заинтересованных в том, чтобы виновным был признан лишь бухгалтер. Даже основные участники хищения, начальники отрядов С. и Л., знали об участии в нем К. только со слов Д.

³ Кому их выдавать — определял не он, а начальники отрядов Л., С., начальник ГУ «ЦУКС ГУ МЧС» А.

эта статья предъявлена не была. Их никто не обманывал. В противном случае деяния были бы квалифицированы по ст. 159 УК РФ «Мошенничество», но следствием и эта статья предъявлена не была. Сотрудники отдавали деньги за благоприятное отношение к ним начальства? Почему они тогда не привлечены за дачу взятки?

Рядовые сотрудники, получавшие меньшие премии и не отдававшие их своим начальникам? Но сколько они недополучали, неизвестно, и где заявления о признании их потерпевшими?

Признание ГУ МЧС России по <...> области потерпевшим невозможно с точки зрения гражданско-правового законодательства. Вся сумма премий была распределена между сотрудниками ГУ МЧС России по <...> области и ни один рубль не ушел за пределы Управления. Ну не может Управление подавать иск само на себя. Управление же не абстрактное понятие: оно состоит из сотрудников. Кроме того, отдельными юридическими лицами являются ГУ «1 отряд ФПС по <...> области», ГУ «2 отряд ФПС по <...> области», ГУ «ЦУКС ГУ МЧС России по <...> области».

Так что само ГУ МЧС России по <...> области потерпевшим признать нельзя.

Следовательно, нет такого важного признака состава преступления, как потерпевший, а значит, состава преступления и самого преступления.

В деле прямо указано, что «начисление премий за счет финансовых средств данного учреждения происходило в пределах лимитов бюджетных обязательств на выплату денежного довольствия и заработной платы». Значит, никакого ущерба никому не было причинено!

Нет и объективной стороны.

Объективная сторона ст. 160 УК РФ заключается в присвоении или растрате, т. е. хищении чужого имущества, вверенного виновному.

Под хищением согласно примечанию к ст. 158 УК РФ понимаются совершенные с корыстной целью противоправные безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц, причинившие ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества.

Но были ли изъятие и обращение? Следует обратить внимание, что хищение путем мошенничества отличается от причинения имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием (ст. 165 УК РФ) именно тем, что в последнем случае отсутствуют изъятие и обращение.

Никто, ни Л., ни С., ни А., ни тем более К. никаких денег ни у кого ни изымали. Сотрудники получали премии в основном на

карточки и только потом передавали деньги своим начальникам. Это никак не хищение. А статьи за такие действия в УК нет.

Вменяемая форма хищения (присвоение или растрата) требует тайности. Но все отдававшие часть своей премии прекрасно знали и отдавали ее *добровольно*.

По поводу причиненного ущерба.

К. вменена вся сумма премий сотрудникам, которые передавали часть премий вышестоящим начальникам, — 223 640 104,18 р. за два года.

Но вся сумма «хищения» (223 640 104,18 р.) может быть вменена К. только в том случае, если признать участниками хищения всех сотрудников, получавших премии!

И еще. Следствием даже не определено, какую сумму получили рядовые сотрудники, какую — Л., С., А., Д. и другие участники «хищения». А ведь, как следует из материалов дела, у них был так называемый эксцесс соучастника: одним сотрудникам они оставляли 30 % премий, другим — 25, третьим 20, четвертым — 10. Сколько тогда передавалось К.?

Кроме того, ни одному из указанных лиц денежные средства вверены не были, т. е. не находились у них в наличии¹, а были переданы только потом, после получения премий сотрудниками.

Субъект по ст. 160 УК РФ специальный — лицо, которому имущество вверено. Но разве К. денежные средства были вверены и находились у него в наличии?

Таким образом, в деянии К. отсутствуют необходимые элементы и признаки состава преступления: объект (потерпевший), объективная сторона и субъект, а значит, отсутствует преступление.

С. Л. БАСОВ,

*профессор кафедры государственно-правовых дисциплин
Санкт-Петербургского юридического института (филиала)
Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации,
кандидат юридических наук, доцент*

ВОПРОСЫ УСТАНОВЛЕНИЯ СУБЪЕКТИВНЫХ ПРИЗНАКОВ КОРРУПЦИОННОГО ПРАВОНАРУШЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО ст. 19.28 К^бАП РФ

Согласно ст. 14 Федерального закона от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» в случае, если от имени или в интересах юридического лица осуществляются организация, под-

¹ Как у кладовщика или кассира.

готовка и совершение коррупционных правонарушений или правонарушений, создающих условия для совершения коррупционных правонарушений, к юридическому лицу могут быть применены меры ответственности в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Административная ответственность юридических лиц за коррупцию предусмотрена ст. 19.28 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. Диспозиция этой нормы права предусматривает ответственность юридического лица не только за незаконную передачу, но и предложение или обещание от имени или в интересах юридического лица должностному лицу, лицу, выполняющему управленческие функции в коммерческой или иной организации, иностранному должностному лицу либо должностному лицу публичной международной организации денег, ценных бумаг, иного имущества, а равно незаконное оказание услуг имущественного характера, предоставление имущественных прав за совершение в интересах данного юридического лица действия (бездействие). При этом второй стороной коррупционного правонарушения могут быть должностные лица, лица, выполняющие управленческие функции в коммерческой или иной организации, иностранные должностные лица либо должностные лица публичной международной организации.

Для привлечения юридического лица к административной ответственности необходимо доказать факт совершения им административного правонарушения, установив наличие состава проступка, который включает в себя следующие элементы: объект, объективная сторона, субъект, субъективная сторона.

При квалификации административного правонарушения по ст. 19.28 КоАП РФ наибольшую сложность представляет установление признаков субъекта этого проступка.

1. Субъект данного правонарушения не совпадает с субъектом административной ответственности. Противоправное деяние совершается физическим лицом, а к административной ответственности привлекается юридическое лицо.

Согласно ст. 18 Конвенции Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию 1999 г. (ратифицирована Федеральным законом Российской Федерации от 25.07.2006 № 125-ФЗ) стороны Конвенции принимают такие законодательные и иные меры, которые могут потребоваться для обеспечения того, чтобы юридические лица могли быть привлечены к ответственности в связи с уголовными правонарушениями, заключающимися в активном подкупе, использовании служебного положения в корыст-

ных целях и отмывании денег, совершенными в их интересах каким-либо физическим лицом, действующим в своем личном качестве или в составе органа юридического лица и занимавшим ведущую должность в юридическом лице, в процессе:

выполнения представительских функций от имени юридического лица, или

осуществления права на принятие решений от имени юридического лица, или

осуществления контрольных функций в рамках юридического лица,

а также за участие такого физического лица в вышеупомянутых преступлениях в качестве соучастника или подстрекателя.

Применение мер административного наказания к юридическому лицу по ст. 19.28 КоАП РФ не противоречит также законодательству об административной ответственности, более того, согласно ч. 3 ст. 2.1 КоАП РФ привлечение к административной или уголовной ответственности физического лица не освобождает от административной ответственности за данное правонарушение юридическое лицо. Состав административного правонарушения, предусмотренного ст. 19.28 КоАП РФ, взаимосвязан с составами преступлений, предусмотренных главой 30 УК РФ, что означает следующее: за совершение указанного деяния работником юридического лица это лицо подлежит уголовной ответственности, а юридическое лицо — административной. Поводом к возбуждению уголовного дела и дела об административном правонарушении являются данные об одном событии. Таким образом, ст. 19.28 КоАП РФ предусматривает возможность оказания дополнительного к уголовно-правовому воздействию на работника юридического лица административно-правового принуждения к самому юридическому лицу.

В юридической литературе отмечается, что «физическое лицо, совершившее противоправное деяние, может занимать какую-либо должность в юридическом лице или в органе управления юридического лица, быть его собственником или одним из собственников, иметь личную заинтересованность в делах юридического лица, не будучи формально связанным с ним»¹.

2. Субъектом административной ответственности может быть любое юридическое лицо — как российское, так и иностранное.

¹ Зырянов С. М., Цирин А. М. Административная ответственность за незаконное вознаграждение от имени юридического лица // Журнал российского права. 2015. № 2. С. 82—90.

3. При квалификации противоправного поведения физического лица, передавшего, предлагавшего или обещавшего материальные блага, необходимо установить мотивы его поведения.

Для признания вины юридического лица необходимо доказать, что физическое лицо, совершившее коррупционное преступление, действовало в интересах юридического лица. Таким мотивом может быть: освобождение от обязанностей; приобретение юридическим лицом в результате совершения такого деяния выгод имущественного либо неимущественного характера, в том числе получение прибыли (увеличение размера прибыли); приобретение прав; избежание или уменьшение размера издержек или убытков; уклонение от имущественной или иной предусмотренной законодательством Российской Федерации ответственности.

Представители юридических лиц иногда злоупотребляют правом, пытаясь доказать факт действия физического лица от своего имени и в своем интересе, в то время как в действительности интерес юридического лица имелся.

4. Юридическое лицо подлежит административной ответственности только при установлении его вины.

По мнению российских ученых, в административно-деликтном законодательстве присутствует как субъективное (психологическое), так и объективное (поведенческое) понимание вины юридического лица¹.

Сторонники субъективного (психологического) направления в административном праве вину юридических лиц определяют через вину его коллектива, должностных лиц². При этом вина понимается как отношение организации в лице ее представителей (работников, администрации, должностных лиц и т. д.) к противоправному деянию, совершенному этой организацией³.

Именно такой подход используется в ныне действующей ст. 110 Налогового кодекса Российской Федерации, где говорится о том, что вина организации в совершении налогового правона-

¹ См., напр.: Кирин А. В., Побежимова Н. И. Новой редакции КоАП РФ нужна новая Общая часть // Административное право и процесс. 2014. № 12. С. 7—13 ; Зыкин Б. В., Зыкина Е. В. Некоторые проблемы административной ответственности юридических лиц // Административное право и процесс. 2014. № 3. С. 81—85 ; Козлова Н. В. Правосубъектность юридического лица. М., 2005. 476 с.

² См. об этом: Панов А. Б. Административная ответственность юридических лиц : монография. М., 2013. 192 с.

³ Административное право : учебник / под ред. Ю. М. Козлова, Л. Л. Попова. М., 1999. С. 345.

рушения определяется в зависимости от вины ее должностных лиц либо представителей, действия (бездействие) которых обусловили совершение правонарушения.

В европейском праве (Англия, Франция и др.) также широко распространена доктрина, согласно которой действия большинства служащих руководящего состава корпорации отождествляются с действиями самой корпорации. В Рекомендациях Комитета министров стран — членов Совета Европы по ответственности предприятий — юридических лиц за правонарушения, совершенные в ходе ведения ими хозяйственной деятельности от 20.12.1988 № 88(18) было обращено внимание на то, что в странах общего права проблемы вины физических лиц по отношению к корпоративным единицам не существует: общим правилом является то, что корпорация может нести уголовную ответственность так же, как и физическое лицо. Данное правило основывается на теории о том, что директора или верхний эшелон управления корпорацией юридически являются самой корпорацией, что делает ее ответственной за уголовные правонарушения.

Сторонники объективной (поведенческой) концепции считают вину комплексом негативных элементов, обусловленных дезорганизацией деятельности юридического лица, неприятием им необходимых мер для надлежащего исполнения возложенных на него обязанностей, неприложением требуемых усилий¹ для предупреждения правонарушений и устранения их причин¹, т. е. деяние организации сопоставляется с некой идеальной моделью разумного и добросовестного поведения, существенное отклонение от которого и образует вину юридического лица.

В соответствии с ч. 2 ст. 2.1 КоАП РФ «юридическое лицо признается виновным в совершении административного правонарушения, если будет установлено, что у него имелась возможность для соблюдения правил и норм, за нарушение которых настоящим Кодексом или законами субъекта Российской Федерации предусмотрена административная ответственность, но данным лицом не были предприняты все зависящие от него меры по их соблюдению». Как видно из определения, КоАП РФ фактически воспринял поведенческую концепцию определения вины юридических лиц, когда «вина юридического лица не связана ни с осознанием противоправности, ни с направленностью умысла

¹ Панова И. В. Еще раз о двух тенденциях, разрушающих целостность института административной ответственности [Электронный ресурс] // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2007. № 8. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

должностных лиц органов управления этого лица или индивидуального предпринимателя. Дефиниция вообще не содержит терминов, знакомых нам по уголовному закону, в ней нет уголовно-правового психологизма»¹.

Однако в некоторых случаях официальные органы считают, что «с субъективной стороны правонарушение, предусмотренное ст. 19.28 КоАП РФ, может быть совершено только умышленно»². Такой подход явно противоречит предыдущей точке зрения, высказанной в юридической литературе.

При определении вины юридического лица в совершении коррупционного правонарушения, предусмотренного ст. 19.28 КоАП РФ, на наш взгляд, может применяться комплексное понимание вины юридического лица, включающее объективный и субъективный подходы.

Конституционный Суд Российской Федерации, определяя вину юридического лица, имеет правовую позицию о том, что вина юридического лица «проявляется в виновном действии (бездействии) соответствующих лиц, действующих от имени предприятия»³.

В Гражданском кодексе Российской Федерации закреплено понятие невиновности, при помощи которого надлежит формулировать определение вины как элемента состава гражданского правонарушения. В соответствии с п. 1 ст. 401 ГК РФ «лицо признается невиновным, если при той степени заботливости и осмотрительности, какая от него требовалась по характеру обязательства и условиям оборота, оно приняло все меры для надлежащего исполнения обязательства». В Определении Конституционного Суда Российской Федерации также есть указание

¹ Киселев А. Практика признания вины и применение презумпции невиновности юридического лица при рассмотрении дел об административных правонарушениях [Электронный ресурс] / подготовлен для системы «Консультант-Плюс». Дата публикации: 19.09.2014. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Письмо Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 16.02.2015 № 86-242-2014/Нд4167-15 «Об организации взаимодействия контрольно-надзорных органов, органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, и органов следствия с органами прокуратуры при выявлении признаков правонарушений, предусмотренных статьей 19.28 КоАП РФ, и при расследовании дел об административных правонарушениях указанной категории».

³ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 14.12.2000 № 244-О «По жалобам граждан А. И. Косика и Т. Ш. Кенчхадзе на нарушение их конституционных прав положениями абзаца шестого статьи 6 и абзаца второго части первой статьи 7 Закона Российской Федерации «О применении контрольно-кассовых машин при осуществлении денежных расчетов с населением»».

на то, что юридическое лицо может быть привлечено к административной ответственности лишь при условии наличия возможности для соблюдения соответствующих правил и норм, когда им не были приняты все необходимые, разумные и достаточные меры по их соблюдению¹.

С учетом изложенного юридическое лицо должно привлекаться к административной ответственности за административное правонарушение, если оно не докажет, что при той степени заботливости и осмотрительности, которая требовалась от него действующими нормативными правовыми актами, оно приняло все меры для надлежащего исполнения требований законодательства. При этом юридическое лицо освобождается от административной ответственности, если докажет, что ненадлежащее исполнение требований нормативных правовых актов произошло вследствие непреодолимой силы, т. е. чрезвычайных и непредотвратимых при данных условиях обстоятельств.

При определении виновности юридического лица в совершении административного правонарушения, предусмотренного ст. 19. 28 КоАП РФ, установлению подлежат следующие обстоятельства, являющиеся предметом доказывания:

соблюдало ли юридическое лицо установленные законом правила поведения, предусмотренные Федеральным законом от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», в том числе обязанность организации разрабатывать и принимать меры по предупреждению нарушений в сфере противодействия коррупции, предусмотренные ст. 13.3 Федерального закона «О противодействии коррупции». К бездействию можно отнести также отсутствие разработки и внедрения в практику стандартов и процедур, направленных на обеспечение добросовестной работы организации в сфере противодействия коррупции, в том числе неприятие локальных норм, регулирующих служебное поведение работников организации. На наш взгляд, ссылки юридического лица на так называемый эксцесс исполнителя являются несостоятельными, поскольку, учитывая, что все действия юридического лица опосредованы и выражаются в действиях тех физических лиц, которые в силу закона, трудового договора, учредительных и

¹ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 02.04.2009 № 486-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы закрытого акционерного общества “Орлэкс” на нарушение конституционных прав и свобод пунктом 1 части 1 статьи 19 Федерального закона “О валютном регулировании и валютном контроле” и частью 4 статьи 15.25 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях».

иных документов представляют это лицо в отношениях с третьими лицами и выступают от его имени, принимают решения и осуществляют управление, все действия работника юридического лица рассматриваются как действия этого лица. Правильный подбор и расстановка кадров, допуск к полномочиям, контроль за деятельностью работников — все это также является проявлением разумной осмотрительности лица, направленной на обеспечение его деятельности¹;

была ли у юридического лица реальная возможность при конкретных обстоятельствах соблюсти правила поведения (не было ли каких-либо обстоятельств форс-мажора²);

мотив должностных лиц либо представителей организации, действия (бездействие) которых обусловили совершение коррупционного правонарушения. Лишь принятие всех зависящих от юридического лица мер по недопущению совершения правонарушения, предусмотренного ст. 19.28 КоАП РФ, его сотрудниками означает, что юридическое лицо исчерпало все имеющиеся у него возможности для обеспечения соблюдения соответствующих правил и норм. В этих условиях можно говорить об отсутствии вины юридического лица в соответствии с положениями ст.ст. 2.1, 24.5 КоАП РФ, что исключает возможность его привлечения к административной ответственности.

В. Г. ПАВЛОВ,

*профессор кафедры уголовного права и процесса
Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина,
доктор юридических наук, профессор*

ЕЩЕ РАЗ ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ

Проблема уголовной ответственности юридических лиц является в настоящее время одной из наиболее сложных и дискуссионных как в российском, так и в зарубежном уголовном праве.

¹ Бычковская А. А. Проблемы доказывания вины по делам об административных правонарушениях (в таможенном деле) // Таможенное дело. 2010. № 2. С. 16—20.

² Обстоятельства форс-мажора — это чрезвычайные и непредотвратимые при данных условиях обстоятельства (стихийные явления, военные действия и т. п.). Таковыми признаются пожар, наводнение, землетрясение, ураган, эпидемия, забастовка, военные действия, запрещение экспорта и импорта товаров и другие (Положение о порядке свидетельствования ТПП Российской Федерации обстоятельств форс-мажора, утв. Постановлением Правления Торгово-промышленной палаты Российской Федерации от 30.09.1994 № 28).

Свидетельством данного положения могут служить различные исследования ученых-юристов за последние годы в нашей стране, имевшие важное значение и для работников правоохранительных органов¹.

Интерес к данной проблеме в теории уголовного права возник в России в период подготовки и принятия Уголовного кодекса Российской Федерации 1996 г. Среди ученых появились сторонники законодательного закрепления института уголовной ответственности юридических лиц.

Следует отметить, что интересную мысль по данной проблеме высказывал в свое время профессор Б. В. Волженкин, предлагая различать субъект преступления и субъект уголовной ответственности. Он считал, что преступление может совершить только физическое лицо, обладающее сознанием и волей. Вместе с тем нести уголовную ответственность за преступные деяния могут не только физические, но при определенных условиях и юридические лица².

Не отвергаем данное предложение, однако представляется, что в законодательном порядке необходимо установить подробный перечень условий, при наличии которых юридическое лицо при совершении преступного деяния может быть признано субъектом уголовной ответственности.

Говоря об уголовной ответственности юридических лиц, вместе с тем следует согласиться с утверждением Б. В. Волженкина о том, что вина в отношении рассматриваемых субъектов, как она понимается в российском уголовном праве, все же неприменима³.

Не случайно на практике возникают определенные трудности с определением, когда юридическое лицо может нести уголовную ответственность. При этом сложность разрешения данной проблемы, действительно, обусловлена пониманием вины, характерной для физического лица, которая связана с его психической деятельностью во время совершения преступления. Психи-

¹ Назаренко Г. В., Абашина Л. А. Юридическое лицо как субъект уголовной ответственности: опыт зарубежных государств и перспективы российского законодательства. Орел, 2009. 132 с. ; Бытко Ю. И., Дядькин А. А. Формула уголовной ответственности юридических лиц: история и современность. Саратов, 2012. 400 с. ; Голованова Н. А., Лафитский В. Н., Цирина М. А. Уголовная ответственность юридических лиц в международном и национальном праве : (сравнительно-правовое исследование). М., 2013. 372 с. ; Любавина М. А. Субъект преступления : учеб. пособие. СПб., 2014. 60 с. и др.

² Волженкин Б. В. Уголовная ответственность юридических лиц. СПб., 1998. С. 25—26.

³ Там же. С. 25.

ческую деятельность довольно сложно соотнести с виновностью юридического лица. Поэтому признание уголовной ответственности в российском уголовном законодательстве неразрывно с принципом личной ответственности физического лица.

Проанализировав в 90-е годы законодательство и судебно-следственную практику, Б. В. Волженкин пришел к выводу, что введение ответственности юридических лиц в уголовный закон потребует существенной переработки многих его институтов Общей части уголовного права и некоторых норм уголовного судопроизводства¹.

Соглашаясь с данным выводом Б. В. Волженкина, следует заметить, что, по существу, важнейшие институты российского уголовного права — уголовной ответственности, соучастия, наказания, необходимой обороны и другие — традиционно разрабатывались и совершенствовались в соответствии с основополагающим положением, что субъектом преступления может быть только физическое вменяемое лицо. Да и понятия, которыми оперирует уголовное законодательство (преступление, вменяемость и невменяемость, вина, мотив, цель, приготовление к преступлению, покушение на преступление и т. п.), практически неприменимы к юридическим лицам.

Вышеизложенное позволяет говорить, что проблема уголовной ответственности юридических лиц в российском уголовном праве не потеряла своей актуальности и в настоящее время, а уголовный закон требует постоянного совершенствования. Безусловно, в изучение и разработку данной проблемы внес большой вклад Борис Владимирович Волженкин.

Я. Ю. ВАСИЛЬЕВА,

заведующая кафедрой уголовно-правовых дисциплин

Иркутского юридического института (филиала)

Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации,

кандидат юридических наук, доцент

НАКАЗАНИЕ ЗА ЛЕГАЛИЗАЦИЮ ПРЕСТУПНЫХ ДОХОДОВ В РОССИИ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

1. Нестабильность уголовно-правового регулирования ответственности за легализацию (отмывание) имущества, приобретенного преступным путем, выражается в том, что ст.ст. 174, 174.1 УК РФ уже семь раз за последнее время — в 2001, 2003, 2004,

¹ Там же. С. 26.

2009, 2010, 2011 и 2013 году — подвергались корректировке. Дважды корректировал Верховный Суд Российской Федерации и руководящее Постановление Пленума по данной категории уголовных дел (в 2010 и 2015 году). Вместе с тем уровень законодательной регламентации и правоприменительной практики по рассматриваемым уголовно-правовым нормам до сих пор не может быть признан удовлетворительным.

2. В соответствии с ч. 1 ст. 174 УК РФ за легализацию (отмывание) преступных доходов максимальное наказание, которое может быть назначено, — только штраф в размере ста двадцати тысяч рублей, т. е. безальтернативно. Кроме того, в силу ч. 5 ст. 46 УК РФ «в случае злостного уклонения от уплаты штрафа, назначенного в качестве основного наказания, за исключением случаев назначения штрафа в размере, исчисляемом исходя из величины, кратной стоимости предмета или сумме коммерческого подкупа или взятки, штраф заменяется иным наказанием, за исключением лишения свободы. В случае злостного уклонения от уплаты штрафа в размере, исчисляемом исходя из величины, кратной стоимости предмета или сумме коммерческого подкупа или взятки, назначенного в качестве основного наказания, штраф заменяется наказанием в пределах санкции, предусмотренной соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса. При этом назначенное наказание не может быть условным». За преступления небольшой тяжести в санкции, по нашему мнению, чрезвычайно необходимы альтернативные наказания, поскольку у судов не всегда имеются основания для назначения такого вида наказания, как штраф, размер которого согласно ч. 3 ст. 46 УК РФ определяется судом с учетом тяжести совершенного преступления и имущественного положения осужденного и его семьи, а также с учетом возможности получения осужденным заработной платы или иного дохода. Так, если суд назначает наказание в виде штрафа осужденному, совершившему коррупционное преступление в качестве предикатного преступления по отношению к легализации, то в соответствии с разъяснениями Верховного Суда Российской Федерации, приведенными в п. 36.1 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.07.2013 № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях», определяя его размер и решая вопрос о расщорчке его выплаты, необходимо учитывать не только тяжесть совершенного преступления, но и имущественное положение осужденного и его семьи, а также возможность получения им заработной платы или иного дохода (ч. 3 ст. 46 УК РФ). В этих

целях следует иметь в виду наличие или отсутствие у осужденного основного места работы, размер его заработной платы или иного дохода, возможность трудоустройства, наличие имущества, иждивенцев и т. п.

3. Необходимо установить четкие критерии поведения, признаваемого преступным и влекущим уголовную ответственность за легализацию (отмывание) преступных доходов, путем включения в ч. 1 ст. 174 УК РФ (и ст. 174.1) криминообразующего признака «крупный размер», т. е. установить нижний предел суммы легализуемого имущества. С учетом этого в целях межотраслевой дифференциации совершение легализации в меньшем размере обязательно должно влечь административную ответственность, предусмотренную ст. 15.27 КоАП РФ.

4. Особого внимания требует проблема дифференциации наказуемости легализации с помощью квалифицирующих признаков и вида санкции. В действующей редакции ст.ст. 174 и 174.1 УК РФ система квалифицирующих признаков выглядит следующим образом: в крупном размере (ч. 2 ст.ст. 174, 174.1 УК РФ); группой лиц по предварительному сговору и лицом с использованием своего служебного положения (ч. 3 ст.ст. 174, 174.1 УК РФ); организованной группой и в особо крупном размере (ч. 4 ст.ст. 174, 174.1 УК РФ). Таким образом, преступления, предусмотренные чч. 1, 2 ст. 174, чч. 1, 2 ст. 174.1 УК РФ, относятся к преступлениям небольшой тяжести, предусмотренные ч. 3 ст. 174, ч. 3 ст. 174.1 УК РФ — к преступлениям средней тяжести и преступления, предусмотренные ч. 4 ст. 174, ч. 4 ст. 174.1 УК РФ, относятся к тяжким. При этом во всех санкциях рассматриваемых статей, к сожалению, нет указания на нижний предел наказания. Вопрос о соразмерности наказания представляется весьма непростым, поскольку общественная опасность преступления трудноизмерима. В теории и практике уголовного права общепризнанной мерой общественной опасности преступления выступает соответствующая ей строгость наказания. Эталон же строгости наказания является лишение свободы на определенный срок. Мы солидарны с проф. А. И. Коробеевым, который пишет, что даже в преступлениях невысокой степени опасности следует сохранить определенный порог наказания, с тем чтобы ввести правоприменительную практику в известные рамки. Автор справедливо полагает, что при правильном построении альтернативные санкции должны содержать эквивалентные виды и размеры наказаний и, следовательно, призваны не способствовать расширению судей-

ского усмотрения, а создавать суду более широкие возможности для индивидуализации наказания¹.

А. В. ЗАРУБИН,
*доцент кафедры уголовного права, криминологии
и уголовно-исполнительного права
Санкт-Петербургского юридического института (филиала)
Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации,
кандидат юридических наук, доцент*

ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, ПОСЯГАЮЩИЕ НА ИНТЕРЕСЫ ПРАВОСУДИЯ

Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем либо приобретенных лицом в результате совершения им преступления, является одним из условий, способствующих продолжению преступной деятельности.

Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, позволяет преступникам на внешне законных основаниях использовать прибыль от незаконных операций. Колоссальные объемы капитала, вовлеченного в операции по отмыванию, проникая в законную экономическую деятельность, подрывают ее сбалансированную устойчивость.

Согласно данным ГИАЦ МВД России, в 2014 году по ст.ст. 174 и 174.1 УК РФ зарегистрировано 774 преступления. На фоне общего снижения преступности в стране рост числа зарегистрированных преступлений, квалифицированных по ст.ст. 174 и 174.1 УК РФ, составил 33 %².

Несмотря на вносимые в УК РФ изменения, до настоящего времени не разрешен ряд вопросов, возникающих при применении ст.ст. 174, 174.1 УК РФ правоохранными и судебными органами. Во многом они обусловлены уголовно-правовой природой данных преступлений и особенностями конструкции их составов. В науке уголовного права исследуемые преступления определяются в качестве одной из форм (видов) прикосновенности к преступлению³ — как умышленная преступная деятель-

¹ Российское уголовное право : курс лекций / под ред. А. И. Коробеева. Владивосток, 1999. Т. 1 : Преступление. С. 106—107.

² Министерство внутренних дел Российской Федерации : сайт. URL: <http://mvd.ru/folder/101762/item/2994866> (дата обращения: 01.06.2015).

³ Васильев А. А. Уголовно-правовая характеристика прикосновенности к преступлению : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2009. С. 9 ;

ность, препятствующая реализации уголовной ответственности и иных мер уголовно-правового характера в отношении лица, совершившего основное общественно опасное посягательство.

Общественная опасность основного (предикатного) преступления обуславливает наказуемость за преступления, предусмотренные ст.ст. 174, 174.1 УК РФ. При отсутствии основного состава преступления не будет наступать и уголовная ответственность за легализацию (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем либо приобретенных лицом в результате совершения им преступления.

Например, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила обвинительный приговор и последующие решения судов по ст. 159 УК РФ и в связи с отсутствием состава основного преступления прекратила уголовное дело за отсутствием состава преступления, предусмотренного ст. 174.1 УК РФ¹.

Констатация совершения основного преступления может иметь место только в следующих ситуациях.

1. В случае возбуждения уголовного дела и предъявления обвинения в совершении предикатного преступления.

Так, по приговору Свердловского областного суда С., Ш. и К. наряду с другими преступлениями признаны виновными в совершении финансовых операций и сделок с денежными средствами и иным имуществом, приобретенными в результате совершения ими преступлений.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации не согласилась с выводами суда о наличии в действиях С. состава преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 33, ч. 1 ст. 174.1 УК РФ, а в действиях Ш. и К. — ч. 1 ст. 174.1 УК РФ. Судом установлено, что в результате преступлений, в совершении которых осужденные признаны виновными, они получили 21 тыс. р., которые в тот же день у них были изъяты, а обвинение в совершении осужденными каких-либо иных конкретных преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, в результате которых ими были получены денежные средства или

Волотова Е. О. Прикосновенность к преступлению: понятие, виды, ответственность : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 11 ; Сerezкина К. Н. Прикосновенность к преступлению в уголовном праве России: оптимизация норм и практики их применения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2009. С. 8.

¹ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 04.12.2014 № 21-УД14-3.

иное имущество, им не предъявлялось и их виновность в совершении этих преступлений не установлена¹.

В пункте «б» ч. 2 ст. 6 Страсбургской конвенции об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности 1990 г. при описании признаков основного правонарушения, связанного с отмыванием средств, предусмотрено, что ответственность за легализацию может и не применяться к лицам, совершившим основное правонарушение.

2. При наличии обвинительного приговора суда по предикатному преступлению, устанавливающего преступное происхождение денежных средств или иного имущества.

К такому приговору следует относить также обвинительный приговор по предикатному преступлению, вынесенный судом другого государства. Об этом сказано в п. «а» ч. 2 ст. 6 Страсбургской конвенции об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности 1990 г.: «...не имеет значения, подпадает ли основное правонарушение под уголовную юрисдикцию Стороны».

3. При наличии постановления о прекращении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям по предикатному преступлению.

К таким случаям следует относить прекращение уголовного дела в связи со смертью или неустановлением лица, подлежащего привлечению к уголовной ответственности, а также в случаях, предусмотренных п. 6 ч. 1 ст. 24 УПК РФ (отсутствие соглашения соответствующего органа на привлечение к уголовной ответственности лица с особым правовым статусом).

В зависимости от вида предикатного преступления легализацию (отмывание) денежных средств или иного имущества можно разделить на две группы:

1) «наркотическая» легализация (отмывание) — легализация денежных средств или иного имущества, приобретенных в результате незаконного оборота наркотиков;

2) «экономическая» легализация (отмывание) — легализация денежных средств или иного имущества, приобретенных в результате совершения преступлений экономической и коррупционной направленности.

В соответствии с этим к доходам, приобретенным преступным путем, следует отнести полученные с нарушением действующего

¹ Обзор кассационной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации за второе полугодие 2009 года : утв. постановлением Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 24.03.2010.

уголовного законодательства материальные блага, являющиеся объектами гражданских прав: недвижимые вещи (недвижимое имущество, недвижимость — ч. 1 ст. 130 ГК РФ); движимые вещи, т. е. вещи, не относящиеся к недвижимому имуществу (ч. 2 ст. 130 ГК РФ); услуги, информация, результаты интеллектуальной деятельности, в том числе исключительные права на них (интеллектуальная собственность), приносящие материальную выгоду.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации отмечает, что уголовная ответственность по ст. 174 УК РФ наступает в том случае, если лицу, совершившему финансовые операции и другие сделки, было достоверно известно, что денежные средства или иное имущество приобретены другими лицами преступным путем. То есть лицо должно знать, а не предполагать о преступном происхождении денежных средств или имущества, о конкретных фактах преступной деятельности по их получению.

Знание о преступном характере приобретения имущества не означает того, что лицу, легализующему преступно приобретенное имущество, должны быть достоверно известны все обстоятельства его преступного приобретения.

Так, согласно Определению Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 13.06.2006 № 5-О06-23 за легализацию денежных средств, приобретенных преступным путем, совершенную организованной группой, обоснованно по ч. 3 ст. 174 УК РФ привлечены к ответственности З. и Б. ООО <...>, которое возглавляли З. и Б., работало в режиме «черного банка», т. е. являлось финансово-кредитным учреждением, не имеющим лицензии Банка России. По указанию З. и Б. осуществлялись денежные операции как по безналичному расчету, так и с наличными денежными средствами.

Действия по распоряжению похищенным имуществом охватываются составом преступления, предусматривающим ответственность за хищение. По этой причине укрывательство похищенного имущества без признаков его легализации нельзя квалифицировать по ст.ст. 174, 174.1 УК РФ.

Однако существует и положительная практика признания легализации в таких действиях. Например, директор ОАО <...> М., используя свое служебное положение, путем присвоения похитил 30 тыс. м³ произведенной древесины. В дальнейшем М., оформив похищенную древесину как собственность подконтрольных ему фиктивных предприятий, заключил через посредников договоры поставки с покупателями, которые перечислили денежные средства на счета указанных фиктивных фирм в сумме более 70 млн р. Эти денежные средства поступили в распоряжение М. и были ис-

пользованы им для ведения предпринимательской деятельности ЗАО <...>, находящейся в собственности родственника М.—Г.¹

Таким образом, свойства предикатного преступления имеют решающее значение для уголовно-правовой оценки легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества приобретенных другими лицами преступным путем либо приобретенных лицом в результате совершения им преступления.

В. Н. САФОНОВ,

*доцент кафедры уголовного права Северо-Западного филиала
Российского государственного университета правосудия,
кандидат юридических наук, доцент*

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПО ДИСКРЕЦИОННЫМ ОСНОВАНИЯМ

Институт освобождения от уголовной ответственности в своем развитии прошел некую фазу, когда он нуждался в доказательствах соответствия фундаментальным принципам и задачам уголовного права².

В последние два десятилетия уголовно-правовая доктрина пополнилась содержательными исследованиями в этой области. Институт освобождения от уголовной ответственности вправе не ощущать себя «пасынком» уголовного права: его нормы проработаны исследователями с различных позиций, практика применения стала более определенной, а в наиболее авторитетных трудах его расценивают как альтернативный механизм реакции государства на преступление³.

Свой вклад в развитие этого института внесло и постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.06.2013 № 19 «О применении судами законодательства, ре-

¹ Обвинительное заключение по уголовному делу № 14078110 // Архив СЧ ГСУ при ГУВД Красноярского края за 2005 год.

² Келина С. Г. Теоретические вопросы освобождения от уголовной ответственности. М., 1974. С. 28—31; Аликперов Х. Д. Преступность и компромисс. Баку, 1992. С. 65; Петрухин И. Л. Презумпция невиновности — конституционный принцип советского уголовного процесса // Советское государство и право. 1978. № 12. С. 23; Сухарева Н. Д. Освобождение от уголовной ответственности и охранительная задача уголовного законодательства // Российский следователь. 2005. № 8. С. 33—34.

³ Головкин Л. В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве. СПб., 2002. С. 252.

гламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности».

И все же практическая реализация ряда норм обнаруживает несовершенство законодательного регулирования в этой сфере. В особенности это касается дискреционных оснований применения рассматриваемого института. Пределы усмотрения правоприменителя лежат в основе классификации оснований, регламентирующих освобождение от уголовной ответственности, на дискреционные и императивные.

К дискреционным основаниям, когда освобождение от уголовной ответственности «является правом, а не обязанностью компетентного органа», исследователи относят три общих, предусмотренных ст.ст. 75, 76, 90 УК РФ, и два специальных, предусмотренных ст.ст. 337, 338 УК РФ, основания¹.

Императивные основания освобождения от уголовной ответственности, не допускающие никакого усмотрения со стороны правоприменителя, предусмотрены в двух статьях Общей части УК РФ (ст.ст. 78 и 84 УК РФ) и нормами Особенной части УК РФ, предусматривающими специальные основания освобождения от уголовной ответственности (кроме указанных в ст.ст. 337 и 338 УК РФ).

Анализ дискреционных норм института освобождения от уголовной ответственности позволяет увидеть в них факторы коррупционности, а практика их применения подтверждает это. Приведем лишь некоторые из них.

1. Чрезвычайно широкие пределы усмотрения правоприменителя в материально-правовом отношении.

Например, согласно ч. 1 ст. 76 УК РФ и ст. 25 УПК РФ условиями освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим (сторон) являются: совершение преступления впервые, примирение с потерпевшим и заглаживание вреда, при этом совершенное преступление должно быть небольшой или средней тяжести. Однако не следует забывать, что к преступлениям средней тяжести уголовный закон относит и ряд неосторожных преступлений с санкцией до семи лет лишения свободы (ст.ст. 216, 217.1, 219 УК РФ). А нарушение правил дорожного движения лицом, управляющим транспортным средством в состоянии опьянения, повлекшее по неосторожности смерть двух или более лиц (ч. 6 ст. 264 УК РФ), вообще карается лишением свободы на срок от четырех до девяти лет с лишением

¹ Там же. С. 268.

права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет.

Стоит ли доказывать, что у недобросовестного правоприменителя в подобной ситуации имеется «достойный предмет» для криминального торга.

К сожалению, примеры такого торга встречаются, о чем свидетельствует следственно-судебная практика.

В литературных источниках высказывалось мнение о необходимости ограничения применения данного института при совершении преступлений, повлекших причинение смерти или тяжкого вреда здоровью человека¹. Среди аргументов указывается и на законодательный опыт Республики Казахстан, ст. 67 Уголовного кодекса которой допускает освобождение от уголовной ответственности по основанию примирения с потерпевшим за впервые совершенное преступление небольшой или средней тяжести, не связанное с причинением смерти или тяжкого вреда здоровью человека.

В связи с тем что при неосторожном причинении тяжкого вреда здоровью потерпевший и в уголовно-правовом, и в уголовно-процессуальном смысле, как правило, является одним и тем же лицом, что немаловажно, например, в контексте ст. 76 УК РФ и ст. 25 УПК РФ, а также с учетом приоритета интересов потерпевшего (материальные затраты на лечение и т. п.), на наш взгляд, не следует исключать возможность освобождения от уголовной ответственности виновного и в случае неосторожного причинения тяжкого вреда здоровью человека.

Причинение смерти по неосторожности, другие обстоятельства, повышающие общественную опасность деяния (состояние опьянения при нарушении специальных правил и т. п.), должны исключать освобождение от уголовной ответственности по основанию примирения с потерпевшим.

2. Неоправданно широкие пределы усмотрения правоприменителя в процессуально-правовом отношении.

Еще сравнительно недавно в научной литературе освобождение от уголовной ответственности по дискреционному основанию преимущественно связывалось лишь с правом должностного лица или соответствующего органа на принятие такого решения². По-

¹ Киреева Н. Практические проблемы применения института примирения с потерпевшим // Уголовное право. 2006. № 5. С. 34—36. См. также: Голик Ю. В. Институт примирения с потерпевшим нуждается в совершенствовании // Уголовное право. 2003. № 3. С. 20.

² Головкин Л. В. Указ. соч. С. 268.

следовательное теоретическое и практическое развитие положений и институтов уголовного права и уголовного процесса привело к не столь однозначному выводу. Критикуя сложившуюся практику, при которой правоохранительные органы воздерживаются от прекращения уголовного дела (уголовного преследования) вопреки имеющимся для этого основаниям, исследователи предложили ограничить пределы усмотрения правоприменителя за счет конкретизации положений ст. 76 УК РФ¹. По мнению Л. Н. Лянго, в случае примирения с потерпевшим уголовное дело подлежит прекращению, а потому в тексте закона термины «вправе» и «может» следует заменить словами «обязан» и «подлежит»².

В рамках конкретных уголовных дел, рассмотренных до принятия постановления Пленума от 27.06.2013 № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности», Верховный Суд Российской Федерации исходил из того, что прекращение уголовного дела при установлении предусмотренных оснований является обязанностью суда и каких-либо дополнительных условий, помимо перечисленных в законе, для прекращения уголовного дела не требуется.

Эту позицию Верховный Суд Российской Федерации не только сохранил, но и развил в Постановлении Пленума от 27.06.2013 № 19. В данном Постановлении, в частности, разъясняется, кого следует считать лицом, впервые совершившим преступление (а практика показывает потребность в таком разъяснении), комментируются условия освобождения от уголовной ответственности. Так, в п. 27 Постановления Верховный Суд Российской Федерации указывает, что если суд первой инстанции при наличии оснований, предусмотренных п. 3 ч. 1 ст. 24, ст.ст. 25, 28 и 28.1 УПК РФ, не прекратил уголовное дело и (или) уголовное преследование, то в соответствии со ст. 389.21 УПК РФ суд апелляционной инстанции отменяет приговор или иное решение суда первой инстанции и прекращает уголовное дело и (или) уголовное преследование. При этом суд должен выяснить, не возражает ли осужденный против прекращения уголовного дела и (или) уголовного преследования.

¹ Дикарев И. К вопросу о дискреционных основаниях прекращения уголовного дела (уголовного преследования) // Уголовное право. 2007. № 1. С. 80—83.

² Лянго Л. Н. Проблемы прекращения уголовного дела в связи с примирением с потерпевшим : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2000. С. 16—17.

В целях точного соблюдения требований уголовного и уголовно-процессуального закона, обеспечения единообразной правоприменительной практики, исключения коррупционной составляющей института освобождения от уголовной ответственности п. 27 рассматриваемого Постановления Верховного Суда Российской Федерации следует дополнить положением о том, что суду апелляционной инстанции в таких случаях надлежит обсудить вопрос о вынесении частного постановления (определения) как способе процессуального реагирования на безосновательный отказ в освобождении от уголовной ответственности.

3. Практика освобождения от уголовной ответственности за многообъектные преступления.

В пункте 9 упоминавшегося Постановления Верховный Суд Российской Федерации разъяснил, что при разрешении вопроса об освобождении от уголовной ответственности судам следует учитывать конкретные обстоятельства уголовного дела, включая особенности и число объектов преступного посягательства, их приоритет, наличие свободно выраженного волеизъявления потерпевшего, изменение степени общественной опасности лица, совершившего преступление, после заглаживания вреда и примирения с потерпевшим, личность совершившего преступление, обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание.

Проблемность освобождения от уголовной ответственности за многообъектные преступления объясняется тем, что к потерпевшим часто относится лишь один из нарушаемых объектов и потерпевший не вправе «простить» виновного за нарушение объекта уголовно-правовой охраны, составляющего благо другого индивида, общества, государства.

Мы солидарны с теми исследователями, которые считают, что если нет законодательного запрета на прекращение за примирением сторон дел о двухобъектных преступлениях, то и не имеется оснований для установления каких-либо региональных запретов в этой части¹.

Признавая материально-правовые основания освобождения от уголовной ответственности по дискреционным основаниям с учетом положительного потенциала рассматриваемого института, нельзя не задуматься над процессуальным обеспечением принципов законности и справедливости. Например, то же нарушение

¹ См., напр.: Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2000. № 10. С. 15—16 ; Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2006. № 6. С. 24—25.

правил управления транспортным средством, повлекшее по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью потерпевшего (ч. 1 ст. 264 УК РФ), затрагивает безопасность неопределенно широкого круга лиц. Игнорирование значимости и необходимости учета последнего объекта уголовно-правовой охраны также может быть предметом коррупционного торга.

Ситуацию может разрешить законодательное положение, допускающее освобождение от уголовной ответственности за многообъектные преступления только в судебном заседании при участии не только потерпевшего, но и прокурора. Последний в этом случае обеспечивал бы представительство и охрану объектов уголовно-правовой охраны, выходящих за пределы интересов конкретного потерпевшего.

В данной публикации мы коснулись лишь коррупционности института освобождения от уголовной ответственности по дискреционным основаниям, не затрагивая другие спорные вопросы рассматриваемой проблематики¹.

Д. В. НОВОКШОНОВ,

*заместитель начальника кафедры гражданского права
факультета (командного) Санкт-Петербургского
военного института внутренних войск МВД России,
кандидат юридических наук*

Н. А. ПЕТУХОВ,

*профессор кафедры уголовного процесса
и криминалистики факультета (командного)
Санкт-Петербургского военного института
внутренних войск МВД России,
кандидат юридических наук, профессор*

К ВОПРОСУ ЛАТЕНТНОСТИ НАРУШЕНИЙ, УСТАВНЫХ ПРАВИЛ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ВОЕННОСЛУЖАЩИМИ ПРИ ОТСУТСТВИИ МЕЖДУ НИМИ ОТНОШЕНИЙ ПОДЧИНЕННОСТИ

Неуставные отношения как неформальная система доминантных отношений не являются порождением исключительно воинской среды. Более того, факты существования неуставных отношений первичны именно для гражданского общества и присутствуют в детских домах, профтехучилищах и даже микросреде

¹ См., напр.: Кострова М. Б. Новеллы института освобождения от уголовной ответственности как результат нормотворчества Пленума Верховного Суда РФ // Библиотека уголовного права и криминологии. 2015. № 2(10). С. 70—80.

студентов высших учебных заведений. Большая часть криминальных качеств и навыков военнослужащих — нарушителей уставных правил взаимоотношений, являющихся первопричиной их противоправных деяний, закладывается, формируется и приобретает устойчивость еще до призыва на военную службу. Это свидетельствует о настоятельной необходимости организации предупредительных и профилактических мероприятий в целях минимизации рассматриваемых преступлений, в первую очередь в среде допризывной молодежи, что позволит в итоге более адресно и избирательно бороться с этим явлением в условиях внутренних войск¹.

В настоящее время у практических работников и ученых не вызывает сомнения тот факт, что количество фактически совершенных преступлений больше, чем число зарегистрированных, что характерно и для Вооруженных Сил России, других военных организаций государства. Эту разницу составляет массив латентной преступности.

В юридической литературе можно встретить различные классификации латентной преступности². Применительно к нарушению уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности (ст. 335 УК РФ) данный феномен проявляет себя как в общих, так и в специфических чертах, каждая из которых имеет собственные причины, а следовательно, существуют и специальные меры по ее нейтрализации.

Одной из общих черт латентной преступности, связанной с неуставными отношениями, является ее ступенчатая структура. Фактическая преступность превышает преступность, о которой осведомлены правоохранительные органы, а регистрируемая ими часть преступлений меньше той, которая им известна. Учетная же правоохранительными органами часть преступлений многократно больше количества вынесенных судами по этим делам обвинительных приговоров. В юридической литературе данный феномен получил название «эффект воронки», и его существование в современном правоприменении бесспорно. Однако указанные факты являются всего лишь верхушкой айсберга, своеобразной иллюстрацией разбираемой проблемы. Истинная сущность латентности преступности кроется в фактах, имеющих место значи-

¹ Новокшенов Д. В. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика преступлений против порядка подчиненности и воинских уставных взаимоотношений : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2007. С. 130.

² Лунеев В. В. Преступность XX века. М., 2009. С. 87.

тельно ранее момента привлечения к уголовной ответственности, предания виновного суду.

Если основываться на данных официальной статистики, то вероятность стать жертвой преступления в Вооруженных Силах ниже, чем «на гражданке», примерно в 5—10 раз. Однако опросы бывших военнослужащих, проходивших службу по призыву, в абсолютном большинстве случаев свидетельствуют о наличии в их подразделении неформальной армейской системы, которую обычно называют «дедовщина». Причем, согласно этим же опросам, «дедовщина» проявляла себя не в форме «безобидных» услуг старослужащим, а выражалась в серьезных уголовно наказуемых посягательствах на личность и права потерпевших. По данным С. М. Иншакова, «лишь 25 % опрошенных военнослужащих по призыву ответили, что в их воинской части над новобранцами не издеваются. По данным опроса офицеров ротного звена, эта цифра гораздо ниже — лишь 2 % из них отметили, что их воинская часть свободна от неуставщины»¹. По нашим же данным, эти показатели еще ниже. Практически ни один из опрошенных нами офицеров, имеющих или имевших ранее в своем подчинении личный состав, и ни один из опрошенных «вчерашних» военнослужащих по призыву не ответили, что им не известны факты неуставных отношений в их или соседних подразделениях, имевшие место в период их военной службы. Эта информация подтверждается исследованиями и других криминологов, пришедших к выводу, что латентность неуставных отношений в нашей армии составляет 1:300 (на одно зарегистрированное преступление приходится 300 незарегистрированных)².

Рассматривая данное негативное явление, следует отметить, что нарушение уставных правил взаимоотношений между военнослужащими, как правило, регистрируется лишь тогда, когда органы военного командования (командиры взводов, рот, батальонов и частей) не имеют возможности их скрыть в связи с последствиями этих деяний. Указанное обстоятельство имеет место в следующих ситуациях:

1. Когда в результате избиения потерпевшему причиняются травмы, которые трудно выдать за бытовые или производственные. Например, обширный кровоподтек вряд ли можно объяснить тем, что солдат споткнулся и ударился о дужку своей крова-

¹ Иншаков С. М. Системное воздействие на преступность в Вооруженных Силах России : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1997.

² Эминов В. Е., Мацкевич И. М. Преступность военнослужащих. М., 1999. С. 127.

ти (хотя нередко такие объяснения принимаются командирами как правдивые).

2. Когда самовольно оставивший часть военнослужащий в ходе следствия по уголовному делу, возбужденному в отношении его, дает показания, в которых заявляет о неуставных отношениях как основной причине своего «бегства» из части. Должностные лица военной прокуратуры проверяют эти показания, командование части при этом вынуждено сотрудничать с правоохранительными органами и (в случае подтверждения показаний) признать факт неуставных отношений хотя бы в отношении конкретного лица.

3. Когда в результате неуставных отношений потерпевшему причиняется тяжкий вред здоровью (требующий стационарного лечения, что влечет за собой сообщение об этом медицинским учреждением в правоохранительные органы) или наступает его смерть.

4. В случае наступления событий, воспринимаемых военным командованием как чрезвычайное происшествие. Например, когда доведенный до отчаяния неуставными отношениями военнослужащий пытается покончить жизнь самоубийством или расстреливает своих обидчиков, находясь в карауле.

5. В случаях, когда факты неуставных отношений становятся известны широкой общественности, правозащитным организациям или средствам массовой информации.

6. Когда потерпевший, его семья, другие родственники или знакомые напрямую обращаются с жалобами в органы военной прокуратуры или военные следственные органы.

Данное положение подтверждается тем обстоятельством, что количество зарегистрированных преступлений, квалифицируемых по ч. 1 ст. 335 УК РФ (нарушение уставных правил взаимоотношений при отсутствииотягчающих признаков, связанных, как правило, с вредом здоровью потерпевшего), значительно меньше тех же деяний, имеющих серьезные последствия (чч. 2 и 3 ст. 335 УК РФ).

Раскрывая сущность рассматриваемого явления, нельзя не отметить определенный феномен, связанный с латентностью преступности в войсках. Он состоит в том, что «успешный» процесс сокрытия преступлений не может носить долговременного характера. На уровне больших единиц наблюдения должен существовать определенный предел накопления латентности, своеобразная «критическая масса», которая либо по истечении определенного времени, либо при наличии определенных условий неизбежно «взорвется», образуя скачок зарегистрированной преступности. Факты последних таких «взрывов» в Вооруженных Силах можно констатировать в 1992 и 1995 годах. Именно в эти годы отрабо-

танный механизм сокрытия воинских преступлений (и в первую очередь на почве неуставных отношений) дал сбой.

Причина заключается, в частности, в следующем. Так называемое бумажное сокращение учтенной преступности (один из способов латентизации, выражающийся в манипулировании статистическими показателями и создании «благоприятной» картины преступности и раскрываемости преступлений) не может быть надежным и длительным. Для этого пришлось бы ежемесячно и ежегодно увеличивать долю сокрытия в условиях объективно растущей преступности, что практически невозможно. Однако в промежутках между нарушением «критической массы» латентности большинству органов военного командования и правоохранительным органам это успешно удается¹.

Также необходимо отметить, что в сокрытии преступлений, посягающих на установленный порядок взаимоотношений между военнослужащими, могут принимать участие не только органы военного командования и правоохранительные органы. Не следует забывать и о существенной доле латентности неуставных отношений, существующей по причине того, что потерпевшие и их сослуживцы (потенциальные потерпевшие) сами не обращаются к командованию или органам военной юстиции за помощью. Не последнюю роль здесь играют психологические особенности молодых воинов. У большинства из них еще «на гражданке» формируется, а в армейской среде закрепляется отрицательное отношение к клейму «стукача». К тому же мощнейшим мотивом такого поведения потерпевшего является страх перед возможной расправой, последующей со стороны «старослужащих», и социальным бойкотом со стороны военнослужащих одного с ним призыва. По выборочным данным, подобная мотивация присутствует примерно у 87 % пострадавших от неуставных отношений и не доложивших об этом командованию. Мы придерживаемся точки зрения Д. В. Ривмана, в соответствии с которой виктимологическая профилактика представляет собой целенаправленное специализированное воздействие на лиц с неправомерным или аморальным поведением, а также на факторы, обуславливающие виктимность, связанную с подобным поведением².

Эти же мотивы часто выступают причиной парадоксальной ситуации, ставшей, к сожалению, частым явлением в правоприменительной практике органов военной юстиции. Речь идет об

¹ Криминология : учебник / под ред. А. И. Долговой. М., 2010. С. 100.

² Ривман Д. В. Криминальная виктимология : учеб. пособие. СПб., 2002. С. 304.

отсутствии у потерпевшего заинтересованности в том, чтобы виновные были наказаны. При этом он пользуется всеми доступными ему способами, чтобы освободить своего обидчика от уголовной ответственности. Следовательно приходится в этом случае буквально «вытягивать» из потерпевшего информацию. Очевидно, что если в такой ситуации будет иметь место «круговая порука» сослуживцев потерпевшего и дистанцирование командования от расследования, необходимые доказательства по уголовному делу, скорее всего, собраны не будут, что повлечет его прекращение, а следовательно, увеличение латентности рассматриваемой категории преступлений еще на одну единицу.

С учетом вышеизложенного латентность нарушений уставных правил взаимоотношений между военнослужащими, а также причины и обусловленные причинами меры по нейтрализации латентности рассматриваемых преступлений могут быть структурированы следующим образом.

1. Преступления, известные только лицам, их совершившим. Этот вид латентности применительно к неуставным отношениям встречается крайне редко. Он имеет место в том случае, когда при отсутствии свидетелей неуставные посяательства перерастают в убийство потерпевшего с последующим сокрытием трупа и уничтожением других следов преступления. В этой ситуации, как правило, потерпевший будет объявлен самовольно оставившим часть и к его поиску будут предприняты определенные меры, которые результата не дадут, так как искать будут живого человека. Таким образом, в официальном порядке будет зарегистрировано преступление, которое на самом деле не совершалось (самовольное оставление части или места службы), а реально совершенное (нарушение уставных правил взаимоотношений и убийство) не получит необходимой фиксации.

Причинами такой латентизации являются прежде всего факторы, связанные с недостаточной подготовленностью (кадровой, материально-технической, профессиональной и организационной) должностных лиц военных следственных отделов к расследованию «запутанных» преступлений, а также с возрастающим уровнем профессионализма и организованности преступников, продумывающих преступление до мельчайших подробностей. Среди мер, направленных на нейтрализацию указанных факторов, можно перечислить следующие:

а) достижение оптимальной нагрузки на должностных лиц следствия, при которой они могли бы качественно и всесторонне расследовать уголовные дела различной степени сложности;

б) обеспечение эффективной работы военной полиции, одной из функций которой является противодействие преступности в Вооруженных Силах (ст. 25.1 Федерального закона от 31.05.1996 № 61-ФЗ «Об обороне»);

в) повышение профессиональной подготовки прокурорских работников, улучшение организационно-технических условий деятельности военной прокуратуры и органов дознания;

г) закрепление в военных следственных органах квалифицированных кадров за счет повышения уровня стимулирования их профессиональной деятельности;

д) повышение уровня правового воспитания в войсках.

Вопрос всестороннего повышения качества работы правоохранительных органов достаточно злободневен. Пожалуй, в истории не было такого периода, когда от правоохранительных органов не требовали бы повысить, углубить, усилить и т. д. что-либо в своей деятельности. Однако без осознания необходимости реализации вышеуказанных мер невозможно не только снизить уровень латентизации, но и эффективно бороться с преступностью в Вооруженных Силах России.

2. Преступления, информация о совершении которых известна только преступникам и потерпевшим. Их доля в структуре латентной преступности, связанной с неуставными взаимоотношениями, одна из наиболее значительных.

Детерминировать такую ситуацию могут различные причины. В первую очередь это неправильная оценка потерпевшим события преступления. Проявляется это в том, что потерпевший может не предполагать, что его права нарушены (иногда воины с низким уровнем правового воспитания считают, что различные «мягкие» проявления «дедовщины» — всего лишь армейская традиция и ничего преступного в себе не содержат), или потерпевший лишь частично осознает, что его права нарушены, но ведет себя пассивно из-за нежелания «связываться» с малопривлекательной процедурой сообщения о факте правонарушения. Специалисты оценивают уровень «незаявления» потерпевшими о фактах неуставных отношений в 15 % от общего числа зарегистрированных преступлений. Однако эта цифра вызывает сомнение при детальном анализе проблемы виктимизации военнослужащих по призыву и мотивационной сферы потерпевших¹.

Основными мотивами такого поведения потерпевших являются следующие: неверие в способность правоохранительных органов защитить их от преследования виновных, наличие возможно-

¹ Ривман Д. В. Указ. соч. С. 264.

сти защитить свои интересы в альтернативных уголовному правосудию формах, оценка события как незначительного, различные мотивы личностно-ситуативного характера (опасение мести преступников, недовольства командования, нежелание огласки события), боязнь клейма «стукача» и социального бойкота со стороны сослуживцев.

Мерами по нейтрализации источников латентности рассматриваемого вида являются:

а) повышение уровня правового воспитания военнослужащих по призыву, ликвидация ситуации, при которой военнослужащий не может отличить проступок от преступления;

б) формирование у воинов активной жизненной позиции противодействия преступным проявлениям в воинском коллективе;

в) «развенчание» ореола «правильности» неформальных армейских традиций, привитие военнослужащим навыков уставных форм решения своих проблем;

г) улучшение качества работы командиров и воспитателей воинских подразделений с подчиненными, исключение ситуаций, при которых солдат остался бы без помощи офицеров, один на один со своей проблемой;

д) создание и обеспечение действия «телефонов доверия», по которым каждый из потерпевших мог бы сообщить о факте правонарушения минуя формальные воинские инстанции;

ж) всемерное совершенствование программ защиты свидетелей и потерпевших от постпреступного воздействия со стороны виновных и их товарищей;

з) проведение в частях административных расследований по всем фактам травматизма;

и) ежедневное проведение в подразделениях медицинских (телесных) осмотров военнослужащих по призыву с обязательной отметкой о результатах осмотра в установленных документах;

к) обеспечение конфиденциальности лицу, сообщившему о преступлении.

3. Преступления, известные потерпевшим, преступникам и их сослуживцам. Это наиболее распространенная категория латентных неуставных отношений. В значительной степени этот вид латентности обусловлен распространенностью в войсках посткриминального воздействия, т. е. воздействия преступников на военнослужащих, намеревающихся сообщить о преступлении командованию или в военную прокуратуру. Принадлежность военнослужащих, совершивших преступление, их жертв и очевидцев преступления к одному воинскому подразделению значи-

тельно облегчает применение самых разнообразных форм воздействия на потерпевших и свидетелей.

Основные причины такой латентизации совпадают с причинами предыдущего вида. Добавляются лишь некоторые особенности, к которым можно отнести: бездействие лиц сержантского и рядового состава, входящих в суточный наряд части (при их попустительстве совершаются многие преступления, связанные с насильственными действиями), пассивность сослуживцев, полагающих, что если не вмешиваться, то подобные ситуации обойдут их стороной, поведение свидетелей, связанное с ложным пониманием армейской дружбы. Меры по нейтрализации причин, порождающих латентность этого вида, сходны с предыдущими с учетом указанных особенностей.

4. Еще одним элементом рассматриваемой структуры являются преступления, известные военному командованию, но скрытые от учета, которые можно, в свою очередь, разделить на следующие группы:

а) преступления, не зарегистрированные нигде;

б) преступления, частичная информация о которых зарегистрирована в служебных карточках, записках об аресте, книгах регистрации поступивших на гауптвахту военнослужащих, материалах служебных расследований, регистрационных журналах медицинских учреждений.

Как правило, мотивом таких действий является стремление командира путем «лакировки» положения дел создать видимость благополучия и высокого уровня воинской дисциплины во введенных ему части или подразделении.

Данная категория латентности порождается причинами совсем другого характера по сравнению с рассмотренными выше видами латентности. В первую очередь — это исторические и идеологические причины, связанные с ложно понятыми интересами военной службы. Порочная практика отождествления фактов преступлений с низким уровнем воинской дисциплины в подразделении, взыскания, налагаемые на командиров, «допустивших» преступления, оценка деятельности командиров не по их реальной работе, а по количеству правонарушений и т. д. привели к ситуации, когда командиру сообщать о преступлении в прокуратуру стало крайне невыгодно, и, как следствие этого, к массовому сокрытию командным звеном фактов преступлений. Причем в первую очередь по вполне понятным причинам скрываются именно неуставные отношения¹.

¹ Петухов Н. А. Криминология : терминологический словарь. М., 2011. С. 49.

Помимо историко-идеологических причин следует отметить организационные и правовые причины. Первые связаны с недостатками системы управления, контроля и оценки деятельности командира, с отсутствием эффективного механизма стимулирования его работы по предупреждению, выявлению и пресечению неуставных отношений в подразделении. В настоящее время складывается парадоксальная ситуация: чем больше командир выявит преступлений, тем хуже будет оценена его деятельность в целом.

Причины же правового характера имеют в своей основе недостатки правовой регламентации надлежащей или, наоборот, ненадлежащей деятельности командира в области выявления и пресечения преступлений. Военное и уголовное законодательство оставляют такую деятельность практически без внимания, а если и регламентируют ее, то имеют общий характер, не позволяющий решить проблему правовыми средствами.

Основываясь на вышеизложенных фактах, среди мер по нейтрализации латентности данного вида необходимо выделить следующие:

а) систематическое проведение проверок в целях выявления скрытых от учета преступлений;

б) создание в войсках и эффективное обеспечение системы надлежащего учета обращений (сообщений) военнослужащих о фактах преступлений, которая позволит отслеживать уровень латентности преступности;

в) система оценки состояния правопорядка в воинских частях должна быть пересмотрена таким образом, чтобы она не могла провоцировать командиров к сокрытию правонарушений. Необходимо разработать единую систему объективной оценки состояния воинской дисциплины и правопорядка в войсках, поощряющую активную борьбу командования с преступлениями подчиненных, исключаящую порочную практику привлечения должностных лиц к дисциплинарной ответственности за преступления подчиненных по формальным основаниям;

г) разработка и внедрение в войска системы всемерного поощрения командиров, активно выявляющих преступления и способствующих их раскрытию;

д) ужесточение дисциплинарной и уголовной ответственности должностных лиц, участвующих в сокрытии преступлений или не принимающих необходимых мер пресечения неуставных отношений в тех случаях, когда они осведомлены о таких фактах. Совершенствование правовых основ борьбы с латентной преступностью в войсках. Для этого необходимо поставить и рассмотреть вопрос о целесообразности введения в Уголовный кодекс специ-

альной нормы об уголовной ответственности воинских должностных лиц за сокрытие преступлений.

Изложенное позволяет утверждать, что латентность нарушений уставных правил взаимоотношений военнослужащих имеет специфические особенности (о латентных преступлениях в войсках известно большому количеству лиц, в значительной мере они находят отражение в служебных документах и т. д.) и причины, обусловленные ее структурой. Опасность латентной преступности в армейских условиях крайне высока, так как при явно неполных исходных данных и дефиците объективных показателей борьба с преступностью в Вооруженных Силах малоэффективна. Рассматриваемая проблема обострена также тем обстоятельством, что в настоящее время не имеется четкого представления об уровне латентности преступности того или иного вида. Все имеющиеся оценки этого явления носят приблизительный характер.

И. Л. ЧЕСТНОВ,

*профессор кафедры теории и истории государства и права
Санкт-Петербургского юридического института (филиала)
Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор*

ОБЩЕСТВЕННАЯ ОПАСНОСТЬ ПРЕСТУПЛЕНИЯ: ПОСТКЛАССИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Общественная опасность традиционно трактуется как материальный и сущностный признак преступления. Соглашаясь с тем, что понятие «общественная опасность» принципиально важно для науки уголовное право (и для теории права также применительно к анализу признаков правонарушения), тем не менее нельзя не заметить, что его содержание далеко от аподиктичности. Особо заметна проблематичность дать однозначное определение общественной опасности в ситуации постклассической эпистемологии. Существует ли общественная опасность как некая данность, каков денотат и референт этого понятия, как измерить общественную опасность — вот далеко не полный перечень вопросов, на которые сегодня нет однозначного ответа. Эта неоднозначность обусловлена ситуацией эпистемологической неопределенности, свойственной современной науке, и, как следствие, зависимостью от исходных методологических ориентиров исследователя, плюрализм коих сегодня неизбежен и неустраним.

Не менее сложной является проблема реификации общественной опасности, производимой классическими науками уголовное

право и криминология. Предполагается, что можно четко и однозначно выявить те нарушения общественных отношений, вред от которых с необходимостью квалифицируется как «общественно опасный». Однако сегодня в ситуации социальной неопределенности невозможно дать однозначную оценку любому более или менее сложному социальному явлению или процессу. Это связано с тем, что такая оценка зависит от позиции «наблюдателя» и с разных точек зрения будет если не противоположной, то, по крайней мере, значительно отличающейся. Дать однозначную оценку можно, только если встать на позицию «метанаблюдателя», а претендовать на это может только Бог. Поэтому с позиций одной социальной группы свержение режима М. Каддафи — это «революционная справедливость», а с другой точки зрения — антигосударственное преступление.

В связи с этим следует признать конструируемость, а не объективную заданность «природой вещей» или «мировым разумом» преступности, в том числе общественной опасности.

Ключевым моментом здесь является *оценивание* социальных деяний, явлений и процессов как *опасных, угрожающих обществу*. Социальность существует только через культурно опосредованные ментальные представления, включающие систему оценок, и практики людей. Следовательно, объективность общественной опасности правонарушения — это оценка соответствующих деяний господствующей в социальной иерархии группой, которая выдает такую оценку за общезначимую универсальность. Поэтому *нет правонарушений как таковых и, соответственно, общественной опасности как таковой, а есть деяния и явления, оцениваемые как правонарушения, опасные или угрожающие обществу в контексте данной культуры, с позиций доминирующей социальной группы, определяющей системы ценностей данного социума*.

Кто и как конструирует преступление, категоризирует, классифицирует и квалифицирует социальные деяния и процессы как общественно опасные? Анализ такого процесса как результата борьбы за право навязывать свое представление (установить символическую гегемонию) об общественной опасности предполагает акцентировать внимание на характере политических дискуссий по проблемам общественной безопасности, т. е. почему именно она (эта угроза) оценивается таким образом. Невозможно дать универсальное определение опасности или перечень всех чрезвычайных ситуаций. Важнее исследовать, как и почему некоторые ситуации квалифицируются как чрезвычайные, угрожающие общественной безопасности, и как изменяется их интерпретация со временем. Это — насущная задача современной юридической науки.

МОЛОДЕЖНАЯ СЕКЦИЯ

Т. В. АКСЕНЕНКО,

*аспирант кафедры уголовного права и процесса
Тюменского государственного университета*

«ЛОЖНО ПОНЯТЫЕ ИНТЕРЕСЫ СЛУЖБЫ» В СИСТЕМЕ МОТИВАЦИИ КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Нет сомнений в том, что «мотивация» и «мотив» пронизывают всю жизнь человека, объясняя, а иногда и предопределяя его деятельность. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» определяет коррупцию как злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами, а также совершение указанных действий от имени или в интересах юридического лица.

Из приведенного определения следует, что коррупционные преступления совершаются по мотивам корысти. В. В. Лунеев и Н. Ф. Кузнецова дифференцируют корыстную мотивацию следующим образом:

жажда накопления денег и материальных ценностей, алчность, жадность, стяжательство;

стремление к материальному комфорту и благополучию, приобретению престижных ценностей, к жизни «не хуже других»;

пьянство, стремление к разгульной жизни и другие порочные наклонности, требующие материальных затрат;

ложно понятые интересы службы, карьеристские устремления, желание угодить вышестоящему начальнику, приобрести и поддерживать нужные для службы знакомства и связи;

личная материальная выгода (временная или относительно постоянная), бытовые потребности в дефицитных предметах или материалах, стремление помочь семье и другие побуждения¹.

Как видно, «ложно понятые интересы службы» названные ученые относят к разновидности корыстной мотивации. Вывод, на наш взгляд, достаточно спорный.

Стоит заметить, что разработка «ложно понятых мотивов службы» как мотива совершения обычно осуществляется в рамках исследования системы смягчающих обстоятельств. При этом ложно понятые интересы службы представляют собой мотивы действий должностных лиц, направленных не на достижение целей и задач конкретного внутреннего органа (например, защита прав и свобод граждан и организаций, защита личности от незаконного и необоснованного обвинения и осуждения, ограничения ее прав и свобод и т. п.), а на удовлетворение ведомственных, корпоративных интересов, мотивы личного характера². Так, адвокат, не имея достаточных доказательств непричастности своего подзащитного к совершению того или иного преступления, дает взятку следователю для того, чтобы последний изъясил из материалов дела документы, изобличающие подзащитного. Мотивация такого поведения напрямую связана с одной из задач, стоящей перед адвокатом, — защита прав, свобод и интересов подзащитного. Однако эта цель достигается такими методами, которые ставят под сомнение полученный результат. В то же время такое поведение имеет и иную цель — получение адвокатом вознаграждения за успешно выигранное дело.

Другой достаточно распространенный пример — подкуп сотрудника органов внутренних дел для того, чтобы он вынес заведомо незаконное постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, когда в происшествии в действительности усматриваются признаки состава преступления. Мотивация защитника аналогична его мотивации в предыдущем примере. Многие же сотрудники органов внутренних дел, совершая данное преступление, полагают, что они действуют во благо, поскольку не создают перегрузку себе и коллегам и оставляют возможность для работы по преступлениям, где известны преступники, либо по преступлениям, представляющим повышенную общественную

¹ Лунеев В. В., Кузнецова Н. Ф. Криминология. М., 2004. 340 с.

² Буланов А. Ю. Роль смягчающих обстоятельств при квалификации преступлений и назначении наказания : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 176 с. ; Кирюхин А. Б. Смягчающие обстоятельства в составе преступления : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1994. 24 с.

опасность¹. Однако не следует оставлять без внимания и корыстные мотивы сотрудников, поскольку за совершение своих действий они получали определенные ценности или услуги со стороны защиты.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в системе мотивации коррупционных преступлений, в тех случаях, когда речь идет о «ложно понятых интересах службы», следует говорить о двойной мотивации: не только о корыстной, но и о желании действовать «во благо» — принести пользу своими действиями. С точки же зрения практического уголовно-правового значения этих мотиваций, следует определять в содержании «общего» мотива — «ложно понятые интересы службы» — доминанту мотивационной сферы: если первично стремление «принести пользу своими действиями», то «общий» мотив следует учитывать как обстоятельство, смягчающее наказание; если наоборот (доминирует корыстная мотивация) — это может учитываться при характеристике личности виновного.

Н. И. БЕЗРУКАВАЯ,

*аспирант кафедры прокурорского надзора и участия прокурора
в рассмотрении уголовных, гражданских и арбитражных дел
Санкт-Петербургского юридического института (филиала)
Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации*

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРОКУРОРОМ ПОЛНОМОЧИЙ ПО ПРИВЛЕЧЕНИЮ К АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА СОВЕРШЕНИЕ КОРРУПЦИОННЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ (к вопросу об отнесении административных правонарушений к числу коррупционных)

Противодействие коррупционным проявлениям — одно из приоритетных направлений деятельности органов прокуратуры.

В соответствии со ст. 5 ратифицированной Российской Федерацией Конвенции ООН против коррупции 2003 г. каждое государство-участник разрабатывает и осуществляет или проводит эффективную и скоординированную политику противодействия коррупции, способствующую участию общества и отражающую принципы правопорядка, надлежащего управления публичными делами и публичным имуществом, честности и неподкупности,

¹ Мерзлов Ю. А. Криминологическая характеристика и предупреждение преступлений, совершаемых сотрудниками криминальной милиции : дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 1998. С. 91.

прозрачности и ответственности; стремится периодически проводить оценку соответствующих правовых документов и административных мер с целью определения их адекватности с точки зрения предупреждения коррупции и борьбы с ней.

Национальной стратегией противодействия коррупции определены основные принципы борьбы с коррупцией, среди которых отмечены признание коррупции одной из системных угроз безопасности Российской Федерации, а также использование в противодействии коррупции системы мер, включающей в себя меры по предупреждению коррупции, по уголовному преследованию лиц, совершивших коррупционные преступления, и по минимизации и (или) ликвидации последствий коррупционных деяний, при ведущей роли на современном этапе мер по предупреждению коррупции¹.

Своевременное предупреждение коррупционных правонарушений, выявление и устранение их причин и условий, минимизация и (или) ликвидация последствий коррупционных правонарушений названы важнейшей задачей надзорной деятельности прокуроров в п. 1 приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 29.08.2014 № 454 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии коррупции».

Прокурорам поручено в ходе проводимых проверок принимать надлежащие меры к обеспечению неотвратимости ответственности за совершенное коррупционное правонарушение.

Привлечение виновных лиц к установленной законом административной ответственности является эффективным механизмом противодействия коррупционным проявлениям.

Наряду с этим, как определено Генеральным прокурором России, действенным средством укрепления законности является участие прокурора в производстве по делам об административных правонарушениях².

Являясь ключевым субъектом борьбы с коррупцией, прокурор должен реализовывать весь комплекс предоставленных ему мер, в том числе закрепленных КоАП РФ, в целях предупреждения

¹ Указ Президента Российской Федерации от 13.04.2010 № 460 «О Национальной стратегии противодействия коррупции и Национальном плане противодействия коррупции на 2010—2011 годы».

² Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 19.02.2015 № 78 «Об организации работы по реализации полномочий прокурора в производстве по делам об административных правонарушениях».

коррупционных проявлений и привлечения к ответственности виновных.

Не случайно ст. 28.4 КоАП РФ к исключительной компетенции прокурора отнесено возбуждение дел об административных правонарушениях по ст. 19.28 КоАП РФ «Незаконное вознаграждение от имени юридического лица» и по ст. 19.29 КоАП РФ «Незаконное привлечение к трудовой деятельности либо к выполнению работ или оказанию услуг государственного или муниципального служащего либо бывшего государственного или муниципального служащего», которые, как свидетельствует прокурорская практика, являются наиболее распространенными правонарушениями коррупционной направленности.

На основе анализа рассмотрения судами дел по ст. 19.28 КоАП РФ и по ст. 19.29 КоАП РФ можно оценить в целом работу прокуроров на данном направлении.

Об активной реализации прокурором полномочий в сфере противодействия коррупции путем применения административно-юрисдикционных мер свидетельствуют данные статистической отчетности Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации о работе судов за 2013 и 2014 годы¹.

Так, в 2013 году судами рассмотрено 222 дела об административных правонарушениях, предусмотренных чч. 1—3 ст. 19.28 КоАП РФ, 3 518 дел об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 19.29 КоАП РФ. В 2014 году количество таких дел увеличилось и составило уже 367 и 4 257 дел об административных правонарушениях соответственно.

Меры административной ответственности принимаются прокурорами как в отношении юридических лиц, так и в отношении должностных лиц и граждан.

О недостаточном качестве работы прокуроров на данном направлении свидетельствует количество прекращенных судами дел с освобождением лиц от административной ответственности: в 2013 году по чч. 1—3 ст. 19.28 КоАП РФ прекращено 10 дел, по ст. 19.29 КоАП РФ — 401 дело, в 2014 году: 34 и 362 дела соответственно.

Так, Верховный Суд Российской Федерации оставил в силе постановление Волгоградского областного суда от 19.11.2014 о прекращении производства по делу о привлечении к ответствен-

¹ Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2884> (дата обращения: 17.09.2015).

ности, предусмотренной ст. 19.29 КоАП РФ, за незаконное привлечение к трудовой деятельности государственного служащего.

В удовлетворении требования заместителя Генерального прокурора Российской Федерации об отмене состоявшегося судебного акта отказано, так как в действиях лица, привлеченного к ответственности, отсутствует состав вмененного правонарушения, поскольку должность юрисконсульта в муниципальном учреждении не содержит конфликта интересов с прежней занимаемой должностью на государственной гражданской службе — секретаря судебного заседания районного суда¹.

Нередко затруднения при возбуждении дел об административных правонарушениях вызывает определение объективной стороны правонарушения.

Рассматривая вопрос о наличии основания для возбуждения дела об административном правонарушении, предусмотренном ст. 19.28 КоАП РФ, следует выяснять, имели ли место неправомерные действия, состоящие в передаче, предложении или обещании должностному лицу соответствующего имущества либо оказании услуг имущественного характера, предоставлении имущественных прав за совершение им в интересах определенного юридического лица действия (бездействие), связанного с занимаемым этим должностным лицом служебным положением².

Причинами прекращения указанных дел могут быть не только неправильная квалификация содеянного, недостатки при проведении проверки, оформлении ее результатов, но и некачественная подготовка к участию в процессе рассмотрения судом дел об административных правонарушениях или неучастие в них.

Во избежание фактов прекращения производства по делам об административных правонарушениях в сфере коррупции, возбужденным прокурорами, необходимо, кроме прочего, неукоснительно соблюдать положения ч. 2 ст. 29.7 КоАП РФ, а также пп. 3.3.1 и 3.3.3 Приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 19.02.2015 № 78 и заблаговременно готовиться к рассмотрению дела, активно участвовать в исследовании представляемых доказательств, способствовать принятию судьей, органом, должностным лицом, рассматривающим дело, законного, обоснованного и справедливого решения. По результатам иссле-

¹ Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 12.10.2015 № 16-АД15-7.

² Исламова Э. Р. Актуальные вопросы привлечения юридических лиц к административной ответственности по ст. 19.28 КоАП РФ // КриминалистЪ. 2014. № 2(15). С. 72—76.

дования представленных доказательств давать мотивированное заключение по делу.

Поскольку в силу положений ст. 28.4 КоАП РФ прокуроры могут возбудить дело о любом административном правонарушении, в рамках деятельности по пресечению коррупционных проявлений ими также возбуждаются дела по иным статьям КоАП РФ, что, исходя только лишь из статистических данных, затрудняет возможность анализа достаточности и полноты принимаемых прокурорами мер административной ответственности на данном направлении.

Так, дела об административных правонарушениях по ст. 14.35 КоАП РФ «Нарушение законодательства о государственном кадастровом учете недвижимого имущества и кадастровой деятельности», возбуждаемые также исключительно прокурором, нередко относят к числу дел о коррупционных правонарушениях. В 2013 году судами рассмотрено 207 таких дел, в 2014 году — 625¹, однако выделить из них дела, связанные с коррупционными проявлениями, возможно только путем исследования материалов каждого из них.

Законодательство Российской Федерации не дает понятия административного правонарушения коррупционной направленности и не определяет круг правонарушений, предусмотренных КоАП РФ, которые могут быть отнесены к числу коррупционных. Соответствующая глава в КоАП РФ отсутствует, также отсутствует подзаконный нормативный правовой акт, закрепляющий критерии такого разграничения административных правонарушений.

Некая определенность в вопросе отнесения правонарушений к числу коррупционных прослеживается лишь при анализе ст.ст. 19.28 и 19.29 КоАП РФ, которые были введены в КоАП РФ в связи с ратификацией Российской Федерации Конвенции ООН против коррупции 2003 г. и принятием Федерального закона от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции».

Другие составы административных правонарушений, на наш взгляд, нельзя однозначно относить к категории коррупционных уже ввиду отсутствия такого определения в законе, а также по той причине, что в зависимости от совокупности элементов состава правонарушения и обстоятельств его совершения признаки коррупционности могут появляться и исчезать.

¹ Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2884/> (дата обращения: 17.09.2015).

Учеными предпринимаются попытки выделить, или сгруппировать, правонарушения, отличающиеся наличием коррупционных признаков.

С. К. Илий, например, полагает, что в КоАП РФ можно выделить ряд правонарушений, относящихся к коррупционным. К таковым он относит 11 составов:

ст. 5.16 «Подкуп избирателей участников референдума либо осуществление в период избирательной кампании, кампании референдума благотворительной деятельности с нарушением законодательства о выборах и референдумах»;

ст. 5.18 «Незаконное использование денежных средств при финансировании избирательной кампании кандидата, избирательного объединения, деятельности инициативной группы по проведению референдума, иной группы участников референдума»;

ст. 5.19 «Использование незаконной материальной поддержки при финансировании избирательной кампании, кампании референдума»;

ст. 5.20 «Незаконное финансирование избирательной кампании, кампании референдума, оказание запрещенной законом материальной поддержки, связанные с проведением выборов, референдума выполнение работ, оказание услуг, реализация товаров бесплатно или по необоснованно заниженным (завышенным) расценкам»;

ст. 5.45 «Использование преимуществ должностного или служебного положения в период избирательной кампании, кампании референдума»;

ст. 14.9 «Ограничение конкуренции органами власти, органами местного самоуправления»;

ст. 14.35 «Нарушение законодательства о государственном кадастровом учете недвижимого имущества и кадастровой деятельности»;

ст. 15.14 «Нецелевое использование бюджетных средств и средств государственных внебюджетных фондов»;

ст. 15.21 «Использование служебной информации на рынке ценных бумаг»;

ст. 19.28 «Незаконное вознаграждение от имени юридического лица»;

ст. 19.29 «Незаконное привлечение к трудовой деятельности государственного служащего (бывшего государственного служащего)»¹.

¹ Илий С. К. Административные правонарушения коррупционной направленности // Административное и муниципальное право. 2015. № 5. С. 460—468.

Очевидно, что при определенных обстоятельствах какое-то из перечисленных правонарушений может иметь признаки коррупционности, но, безусловно, не во всех случаях.

В то же время заслуживает внимания мнение С. К. Илий о том, что для поиска коррупционных составов в КоАП РФ необходимо исходить из наличия элементов подкупа, использования служебного положения, нарушения норм, установленных для обеспечения законности порядка государственного управления и в числе прочего — в целях предупреждения коррупции.

С учетом такой позиции можно выделить множество составов правонарушений, относящихся к коррупционным. Но есть ли в этом смысл?

Обоснованной представляется точка зрения Е. И. Спектор¹, согласно которой выделение самостоятельных составов коррупционных правонарушений для каждой сферы деятельности и объединение имеющихся составов правонарушений в самостоятельные «коррупционные» перечни или главы отраслевых кодексов невозможно ввиду разнородности родового объекта коррупционных правонарушений (собственность, экономическая деятельность, государственная власть, военная служба и т. п.).

В связи с предпринимаемым упорядочиванием может возникнуть опасность необоснованного расширения понятия коррупционного правонарушения. Кроме того, такое искусственное расширение опасно тем, что оно сможет заполнить статистику незначительными делами, создавая иллюзию успешной коррупционной борьбы².

С точки зрения организации и планирования прокурорской деятельности, определение перечня составов административных правонарушений коррупционного характера имело бы положительное значение, в частности для распределения должностных обязанностей между сотрудниками, для организации участия в рассмотрении дел об административных правонарушениях коррупционной направленности и др.

Представляется, что назрела необходимость легально закрепить, как минимум, критерии отнесения административных правонарушений к категории коррупционных, поскольку такая опре-

¹ Спектор Е. И. Коррупционные правонарушения: проблемные вопросы юридической квалификации // Журнал российского права. 2015. № 8. С. 40—46.

² Кульгин В. В. О возможности оптимизации антикоррупционного законодательства // Проблемы формирования и реализации антикоррупционной и антикриминальной политики : сб. по материалам Шестой сессии Дальневосточной криминологической школы. Владивосток, 2009. С. 14.

деленность позволит формировать объективную отчетность о результатах деятельности прокуроров на данном направлении, что, в свою очередь, даст возможность выявить степень влияния применяемых ими мер административной ответственности на состояние законности в сфере борьбы с коррупцией.

Е. И. БЕСПАЛОВА,

*аспирант кафедры прокурорского надзора и участия прокурора
в рассмотрении уголовных, гражданских и арбитражных дел
Санкт-Петербургского юридического института (филиала)
Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации*

ОСОБЕННОСТИ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Одним из эффективных средств противодействия коррупционным проявлениям является проведение антикоррупционной экспертизы проектов нормативных правовых актов и самих актов органами прокуратуры Российской Федерации.

Проводя антикоррупционную экспертизу в соответствии с Методикой проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов, утвержденной Постановлением Правительства Российской Федерации от 26.02.2010 № 96, прокурор имеет возможность выявить коррупциогенные факторы в целях недопущения нарушения прав граждан в будущем.

М. С. Бахтина выделяет отличительные черты антикоррупционной экспертизы, проводимой органами прокуратуры, к которым, в том числе, относит обязанность разработчика реагировать на требования прокурора (отказ от рекомендаций, сделанных в результате антикоррупционной экспертизы, проводимой Минюстом России и независимыми экспертами, не влечет для разработчиков никаких юридических последствий); независимость органов прокуратуры (ведомственная антикоррупционная экспертиза не исключает субъективного подхода в процессе нормотворческой деятельности, тогда как прокурорскому работнику, проводящему такую экспертизу, целесообразней делать объективные выводы), которые могут сыграть немаловажную роль в предупреждении коррупционных проявлений¹.

¹ Бахтина М. С. К вопросу о принципах проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов // Административное и муниципальное право. 2015. № 1. С. 108.

Учитывая, что перед прокурором стоит задача оценить нормативные правовые акты и их проекты на предмет их коррупционности в различных сферах жизнедеятельности, органам прокуратуры целесообразно руководствоваться заключениями, полученными в результате работы привлекаемых специалистов в рамках ч. 1 ст. 22 Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации».

Так, прокуратурой Санкт-Петербурга при проведении проверки положений постановления Правительства Санкт-Петербурга от 29.12.2014 № 1294 «О порядке внесения платы за пользование на платной основе парковками (парковочными местами), расположенными на автомобильных дорогах общего пользования регионального значения в Санкт-Петербурге» на соответствие действующему законодательству были привлечены специалисты Комитета по здравоохранению Санкт-Петербурга.

Проверкой установлено, что п. 1.4 Постановления утверждено Положение о парковочном разрешении инвалида.

Согласно п. 1.2 Положения правом на обращение за парковочным разрешением инвалида имеют инвалиды I и II группы, законные представители ребенка-инвалида, а также иные лица, перевозящие инвалидов или детей-инвалидов, в случае когда инвалид имеет противопоказания к управлению автотранспортным средством.

Приказом Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 28.09.2010 № 831н утвержден единый образец медицинской справки о допуске к управлению транспортными средствами.

Пунктом 2.2 Положения установлено, что с заявлением о внесении в реестр парковочных разрешений инвалидов одновременно предоставляется медицинское заключение о наличии у инвалида (у иных лиц, перевозящих инвалидов I и II группы) противопоказаний к управлению транспортным средством.

Таким образом, получение названного заключения лицами, перевозящими инвалидов I и II группы, противоречит требованиям Федеральных законов от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» и от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» в связи с тем, что влечет разглашение врачебной тайны и распространение персональных данных граждан, имеющих инвалидность.

Кроме того, п. 2.2 Положения произвольно ограничивает права инвалидов I и II группы, не имеющих противопоказаний к

управлению транспортным средством (имеющих водительское удостоверение и не лишенных права на управление транспортным средством), на выбор способа их передвижения, в том числе посредством перевозки транспортным средством, принадлежащим иным лицам, поскольку для реализации названного права требуется вышеупомянутое заключение.

При этом действующим законодательством единый образец медицинского заключения о наличии у инвалида (иных лиц, перевозящих инвалидов I и II группы) противопоказаний к управлению транспортным средством и механизм его получения не определены, что подтверждено заключением Комитета по здравоохранению Санкт-Петербургу и является коррупциогенным фактором, поскольку устанавливает завышенные требования для реализации права — установление неопределенных, трудновыполнимых и обременительных требований к гражданам.

По результатам проверки прокуратурой Санкт-Петербурга 16 сентября 2015 г. губернатору города на Постановление принесен протест, который рассмотрен и удовлетворен, требование об истребовании вышеуказанного заключения из Постановления исключено.

Однако практику привлечения прокурорами специалистов либо экспертов к исследованию нормативных правовых актов и их проектов не разделяет М. В. Гребенюк, который полагает, что объективность их деятельности вызывает сомнение¹.

Существует проблема, заключающаяся в отсутствии в действующем законодательстве процессуального механизма рассмотрения исковых заявлений прокурора об оспаривании нормативных правовых актов по признаку их коррупциогенности. По мнению А. Ю. Гулягина, на практике далеко не всегда можно обосновать необходимость исключения коррупциогенных факторов через их прямое противоречие действующему законодательству, что осложняет механизм защиты прав конкретных субъектов и, как следствие, ослабляет возможность влияния на криминогенную ситуацию в России².

¹ Гребенюк М. В. Реализация законодательства о независимой антикоррупционной экспертизе и опыт работы интернет-портала «Независимая антикоррупционная экспертиза» // Реализация законодательства о независимой антикоррупционной экспертизе: проблемы и перспективы : первая Всероссийская науч.-практ. конф. : сб. материалов. М., 2012. С. 49.

² Гулягин А. Ю. Проблемные вопросы и практика осуществления антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов органами

Таким образом, несмотря на имеющиеся пробелы в законодательстве в части проведения антикоррупционной экспертизы проектов нормативных правовых актов и самих актов и несовершенство механизма ее проведения, можно сделать вывод о незаменимости такой экспертизы, проводимой органами прокуратуры, и необходимости в реализации ее главной функции — предупреждение совершения преступлений коррупционной направленности.

Г. В. ПОПОВА,
*аспирант кафедры уголовного права и процесса
Тюменского государственного университета*

«ОБЫЧНАЯ БЛАГОДАРНОСТЬ» КАК СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЙ ФЕНОМЕН

Устоявшиеся в обществе правила поведения, которые вошли в привычку в результате воспитания или многократного повторения, принято считать обычаями или обычными нормами. Исходя из этого дачу-получение взятки можно признать историческим способом обычной благодарности, видом платы за различные действия и общее покровительство.

Обычай давать и брать взятки появился в России давно; определить, в какой период развития нашего государства возник такой способ решения личных вопросов, практически невозможно. В России, как и во всем мире, в общественном сознании прочно закрепился принцип «благодарить» за помощь. Даже простая передача коробки конфет — это способ выражения признательности. С позиции современного уголовного права он не является преступным. Сам факт существования такого благодарения говорит о том, что в социуме это явление принято считать обычным и абсолютно нормальным. Мы можем проследить это в известных каждому выражениях: «Не подмажешь — не поедешь», «Пчелка и та взятку берет». Не теряют своей актуальности и фразы, которые используются в повседневной жизни и могут расцениваться как просьба дачи взятки: «Спасибо на хлеб не намажешь (в карман не положишь)» и т. п.

С развитием общества менялись способы благодарности. В древности люди приносили жертву богам, чтобы задобрить боже-

ство, с просьбой о хорошем урожае, позже «благодарить» стали правителей — князей, царей, чиновников различных уровней и т. д. Менялась и форма подкупа — съестное, скот, крепостные, деньги, услуги, но стоит признать, что от этого само социально-правовое значение взятки как служебного преступления не меняется.

Борьба с взяточничеством — давняя проблема нашего государства и неразрывно связана со всеми периодами истории. Упоминание о взятке в современном ее понимании, или, как указывается в текстах источников, «посуле», содержится в Двинской уставной грамоте 1397—1398 гг. Большая часть историков права полагает, что понятие посула начинает употребляться в смысле взятки начиная с Псковской судной грамоты 1397 г.¹ В Новгородской судной грамоте и Судебнике Царя Ивана IV текст начинается и оканчивается ополчением законодателя против неправосудия и посулов². Наиболее полно ответственность за взяточничество стала регулироваться в XIX веке. Получение взятки тогда именовалось «мздоимством» и «лихоимством» (последнее считалось наиболее тяжким видом взяточничества). Глава 6 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных (в редакции 1885 г.) так и называлась: «О мздоимстве и лихоимстве». Мздоимство есть принятие должностным лицом взятки, добровольно предложенной, в виде вознаграждения за оказание служащим служебной услуги, не выходящей за границы его полномочий. Наказание — от денежного взыскания до отрешения от должности. Значительно строже карается (до арестантских отделений) лихоимство, т. е. принятие служащим вознаграждения за действия, нарушающие служебные обязанности. Самой тяжелой степенью лихоимства признается вымогательство — вынуждение взятки самим служащим³.

Из вышеизложенного следует, что борьба с взяточничеством в России имеет давнюю историю, и в этой связи возможен вывод о том, что какие бы правовые меры государство не принимало, положительных результатов противостояние не дает. Проблема видится в том, что взяточничество — это социально-правовое явление, обычай, укоренившийся в сознании общества, и потому

¹ Псковская судная грамота 1397—1467 гг. // Российское законодательство X—XX веков / под ред. В. Л. Янина. М., 1984. Т. 2. С. 87—124.

² Бернер А. Ф. Учебник немецкого уголовного права (Часть общая). С примечаниями, приложениями и дополнениями по истории русского права и законодательству положительному Н. Неклюдова. СПб., 1867. Т. 1. С. 251.

³ Уголовное право из курса правоведения по Народной энциклопедии. СПб., 1911. Полутом 1 : Общественно-юридические науки. С. 85.

должны быть разработаны соответствующие способы изменения общественного восприятия этого вопроса.

Так как взятка, как и любой обычай, это повторение одних и тех же действий, следовательно, существует некий «порядок» просьбы взятки и ее получения. Первоначально — это встреча потенциального получателя взятки и лица, готового передать вознаграждение. Затем следуют договоренность о «благодарности» (взятке), передача предмета взятки и соответствующие действия получателя взятки. Создание правовых механизмов, которые нарушают этот порядок, изменит и отношение общества к такому виду принятой благодарности. Таким может быть законодательное установление принципов отсутствия личной подачи заявлений в государственные органы, когда прием обращений осуществляется в электронной форме или через специальные центры. Лицо, принимающее просьбу, не обладает специальными полномочиями, а механически передает заявление должностному лицу. Могут быть использованы различные механизмы проверки деятельности чиновника, работа которого должна быть максимально прозрачной, ведь обществом коррупционные действия осуждаются и порицаются.

Напрашивается вывод о том, что изменение общественных привычек невозможно без правовых вмешательств и обычаев благодарности может быть изменен путем введения различных ограничений, которые ставят барьеры и ломают привычный порядок таких действий.

А. В. САВЧЕНКОВ,

аспирант кафедры уголовного права Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена

ПЕРСПЕКТИВЫ ИМПЛЕМЕНТАЦИИ В УГОЛОВНЫЙ КОДЕКС СТАТЬИ КОНВЕНЦИИ ООН ПРОТИВ КОРРУПЦИИ «НЕЗАКОННОЕ ОБОГАЩЕНИЕ»

Коррупция в современной России стала одной из главных проблем для установления успешного социального и правового государства, формирования гражданского общества и уменьшения социально-экономического неравенства. Государственные служащие все чаще пользуются пороками российского общественного сознания, в котором прочно укрепилась мысль, что «любую проблему можно решить за деньги». Нормы международного права могут стать важным и эффективным инструментом в разрешении многих проблем, связанных с коррупцией в нашем государстве.

В последнее время участились случаи коррупционного произвола среди высокопоставленных лиц. Ярким примером тому служит дело Е. Васильевой и бывшего министра обороны А. Сердюкова.

В связи с этим встает вопрос о необходимости ужесточения ответственности высокопоставленных должностных лиц за различные деяния коррупционной направленности. И важным аспектом является проблема введения в УК России статьи «Незаконное обогащение», которая содержится в Конвенции ООН против коррупции 2003 г. (ст. 20).

Напомним содержание данной статьи: «При условии соблюдения своей конституции и основополагающих принципов своей правовой системы каждое Государство-участник рассматривает возможность принятия таких законодательных и других мер, какие могут потребоваться, с тем чтобы признать в качестве уголовно наказуемого деяния, когда оно совершается умышленно, незаконное обогащение, то есть значительное увеличение активов публичного должностного лица, превышающее его законные доходы, которое оно не может разумным образом обосновать»¹. Суть этого положения заключается в том, что именно неблагонадежный чиновник должен доказать, что его законные доходы равны его активам. Основным аргументом противников этого нововведения является то, что это нарушает положение ст. 49 Конституции Российской Федерации, согласно которой «обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность».

Однако Россия 8 марта 2006 года ратифицировала Конвенцию ООН против коррупции без каких-либо изъятий², а лишь с некоторыми заявлениями, из которых следует, что Россия не обладает юрисдикцией в отношении деяния, предусмотренного ст. 20 данной Конвенции. Эти заявления отнюдь не исключают необходимости введения статьи, поскольку ст. 65 той же Конвенции гласит, что «каждое Государство-участник принимает, в соответствии с основополагающими принципами своего внутреннего законодательства, необходимые меры, включая законодательные и административные меры, для обеспечения осуществления своих обязательств согласно настоящей Конвенции». Кроме того, в части второй той же статьи указывается: «...каждое Государство-участник может принимать более строгие или суровые меры, чем

¹ URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/corruption.shtml (дата обращения: 14.03.2015).

² Федеральный закон от 08.03.2006 № 40-ФЗ «О ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции».

меры, предусмотренные настоящей Конвенцией, для предупреждения коррупции и борьбы с ней». Таким образом, России ничего не мешает ввести данный состав в УК.

Отметим, что антикоррупционное законодательство все же развивается в благоприятном направлении. В частности, положительным моментом является принятие Федерального закона от 03.12.2012 № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам», в котором заключены правовые основы установления контроля за расходами лиц на государственных должностях. В нем установлен точный перечень лиц и указано четкое основание для такого контроля. «Основанием для принятия решения об осуществлении контроля за расходами лица, замещающего (занимающего) одну из должностей, указанных в пункте 1 части 1 статьи 2 настоящего Федерального закона, а также за расходами его супруги (супруга) и несовершеннолетних детей является достаточная информация о том, что данным лицом, его супругой (супругом) и (или) несовершеннолетними детьми совершена сделка по приобретению земельного участка, другого объекта недвижимости, транспортного средства, ценных бумаг, акций (долей участия, паев в уставных (складочных) капиталах организаций) на сумму, превышающую общий доход данного лица и его супруги (супруга) за три последних года, предшествующих совершению сделки». Но это далеко не аналог ст. 20 Конвенции ООН против коррупции, максимум, что грозит недобросовестному чиновнику, так это увольнение и отстранение от службы в государственных органах.

Приведем один из ярких примеров коррупции. Прежде всего необходимо упомянуть те случаи, которые имели место в связи с подготовкой и проведением зимней Олимпиады в Сочи. По данным исследования Фонда борьбы с коррупцией А. Навального, эксперты выявили, что реальные затраты на проведение Игр составили полтора триллиона рублей вместо предполагаемых 214 миллиардов. Кроме того, постройка ряда спортивных объектов обошлась дороже, чем ряд аналогов за рубежом, в большинстве случаев отсутствовали конкурсы на выбор подрядчиков, а сами подрядчики в итоге оказались в большинстве своем связаны с госслужащими¹.

¹ Энциклопедия трат Сочи 2014 [Электронный ресурс]. URL: <http://sochi.fbk.info/ru/> (дата обращения: 14.03.2015).

Отметим, что аналоги ст. 20 Конвенции ООН против коррупции содержатся в законодательстве других стран, а именно Гонконга, Бельгии, Литвы, Франции. Все эти страны входят в топ-50 стран по рейтингу восприятия коррупции, а Россия, имеющая свой «особый» путь, занимает в том же рейтинге 136-е место по итогам 2014 года, наряду с Ираном, Камеруном, Кыргызстаном, Нигерией¹.

В России уже были некоторые инициативы относительно введения статьи «Незаконное обогащение» в УК. В сентябре 2011 года с законопроектом выступили депутаты от партии КПРФ А. Д. Куликов, С. П. Обухов, Н. А. Останина, В. Ф. Рашкин, а затем в сентябре 2014 года голосование на сайте Российской общественной инициативы инициировал известный политический деятель А. Навальный. Все эти начинания так и не получили положительного ответа от властных уполномоченных органов.

Ключевой причиной игнорирования имплементации является отсутствие политической воли. Понятно, что данное нововведение будет работать против многих высокопоставленных чиновников, прочно связанных с самыми высшими эшелонами власти. Российская традиция «выгораживать своих» до сих пор живет и процветает в умах политической элиты России. Пока вместо действительно важных и нужных мер по противодействию коррупции законодатель предпочитает дробить состав мошенничества, вводить статью за оскорбление чувств верующих, вводить запрет на курение и мат в кино, запрет на усыновление американцами российских детей, никаких положительных сдвигов к построению гражданского общества ждать не приходится.

Сделаем вывод, что введение в УК РФ статьи «Незаконное обогащение» в условиях коррупции практически на всех уровнях власти, незаконности и безнаказанности чиновничьего аппарата является объективной и неизбежной необходимостью. Кроме того, государству необходимо предпринимать меры по успешной интеграции в мировое и прежде всего европейское сообщество. Только имплементация данной нормы поможет существенно снизить властный произвол чиновников, которые забыли, что их функцией является помощь гражданам, а не разграбление государственного бюджета.

¹ URL: <http://www.transparency.org/cpi2014/infographic> (дата обращения: 14.03.2015).

К. А. ЧУКЛИНОВ,

*аспирант кафедры прокурорского надзора и участия прокурора
в рассмотрении уголовных, гражданских и арбитражных дел
Санкт-Петербургского юридического института (филиала)
Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации*

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПРЕСТУПНОСТИ СРЕДСТВАМИ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ НАЛОГОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Соблюдение законности в сфере налогообложения традиционно является предметом особого внимания Генеральной прокуратуры Российской Федерации. В целях активизации и совершенствования практики прокурорского надзора в данной сфере Генеральным прокурором Российской Федерации издан приказ «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о налогах и сборах» от 09.06.2009 № 193, в соответствии с которым прокуроры субъектов Российской Федерации, прокуроры городов и районов должны осуществлять постоянный мониторинг в сфере налоговых правоотношений и информационное взаимодействие с органами государственной власти, правоохранительными и контролирующими органами, обеспечить предупредительный характер прокурорского надзора за исполнением налогового законодательства.

Своевременное выявление причин налоговых правонарушений и условий, способствующих их совершению, их анализ и принятие мер к устранению, а также упреждающая деятельность не только позволяют экономить значительные средства, но и способствуют пополнению федерального бюджета.

Перед прокурорами, осуществляющими надзор за исполнением налогового законодательства, стоят задачи по своевременному выявлению, предупреждению и пресечению налоговых правонарушений; принятию мер к возмещению ущерба, причиненного налоговыми правонарушениями; принципиальному и жесткому реагированию на бездействие должностных лиц кредитных организаций, органов государственной власти и местного самоуправления.

В инспекции федеральной налоговой службы (ИФНС) поступают обширные сведения: о зарегистрированных организациях и предпринимателях; о проведенных инспекцией проверках, выявленных нарушениях и принятых мерах; о взыскании с юридических лиц и предпринимателей штрафов и недоимок; о предъявленных исках по признанию сделок недействительными, о ликвидации организаций; бухгалтерские балансы, сведения о доходах физических лиц,

сведения об имуществе организаций и граждан, отчеты о прибылях и убытках, налоговые декларации и многое другое.

Умелое использование этих сведений позволяет органам прокуратуры эффективно противодействовать уклонению от уплаты налогов, коррупции, рейдерству и терроризму.

Сведения налоговой службы должны сопоставляться с информацией, полученной из других источников, о наличии у государственного служащего имущества (недвижимости, ценных бумагах, автомобилей и т. д.), а также со сведениями о законных источниках дохода, указанных в налоговых декларациях.

На основании данной информации возможно проведение более детальной проверки с целью установления источников незаконного обогащения должностных лиц с привлечением правоохранительных органов, осуществляющих ОРД.

Осуществляя прокурорский надзор за исполнением налогового законодательства, необходимо организовать постоянное поступление сведений о юридических лицах, имеющих признаки фирм-однодневок (имеющих одни и те же адреса или учредителя, страдающего наркотической, алкогольной зависимостью либо зарегистрированного в другом регионе Российской Федерации, и т. д.), поскольку такие организации применяются при рейдерских захватах.

В целях противодействия рейдерским захватам и для своевременного выявления преступных посягательств такого рода органы прокуратуры, иные правоохранительные органы могут организовать направление в налоговые органы сведений о готовящихся или совершенных противоправных деяниях, с тем чтобы последние оперативно информировали о поступлении для государственной регистрации документов определенных юридических лиц. В свою очередь, органы прокуратуры могут осуществлять общенадзорные проверки (по имеющейся информации о правонарушении) при регистрации вновь образуемого юридического лица (с получением объяснений от представителя данного юридического лица, учредителя и т. д.). По результатам такой проверки на основании п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ выносится постановление о направлении материалов в следственный орган для рассмотрения вопроса об уголовном преследовании либо применяются иные меры прокурорского реагирования.

Что касается следственных органов, то, получив такую информацию от налоговых органов, они могут своевременно осуществить выемку документов с целью предотвращения совершения преступления указанным способом и оперативно, «по горячим следам» произвести иные следственные действия.

В ходе проведения комплексных профилактических мероприятий по пресечению деятельности граждан и организаций по присвоению денежных средств в результате неуплаты налогов прокурорами устанавливается, что за счет средств, полученных преступным путем, осуществляется оказание финансовой помощи террористам. Уклонение от уплаты налогов позволяет злоумышленникам выводить средства в теневую экономику и использовать их для финансирования незаконных вооруженных формирований.

Процесс осуществления прокурорского надзора за исполнением законодательства органами контроля предполагает надлежащую организацию информационно-аналитической работы и должен опираться на надежную, полную и точную информацию о допущенных правонарушениях, требующих вмешательства прокурора. Информированность прокурора о нарушениях закона является важнейшим условием эффективности и своевременности принимаемых им мер.

Важно, чтобы сведения поступали своевременно. Это требует разработки соответствующего механизма их получения и такого взаимодействия с контролирующими и правоохранительными органами, чтобы они систематически направляли в прокуратуру статистические и отчетные данные за определенный период.

Следует использовать имеющуюся информацию для прогнозирования развития ситуации в определенном направлении, что необходимо для последующего планирования профилактической работы.

Поступившие в органы прокуратуры сведения о нарушении налогового законодательства должны анализироваться по нескольким направлениям: оценка состояния законности в сфере налогообложения на подведомственной территории; исполнение контролирующими органами законодательства, направленного на предупреждение налоговых преступлений; определение и выделение наиболее проблемных аспектов, требующих активизации прокурорского надзора; изучение материалов, характеризующих исполнение налогового законодательства каждым из объектов надзорной деятельности, и судебной практики по делам о налоговых преступлениях; выявление причин, влияющих на собираемость налогов; анализ сведений, характеризующих состояние прокурорского надзора на данном направлении.

Поступающие данные следует оценивать в сравнении с ранее накопленной информацией, обобщать их и делать выводы для использования в надзорной деятельности, как при планировании

работы, так и для определения приоритетных направлений надзора и проведения прокурорских проверок.

Получаемые отчетные данные различных контролирующих органов по одному и тому же показателю за один и тот же период следует сопоставлять между собой, лучше это делать с участием специалиста. В большинстве случаев имеют место расхождения, причем нередко весьма существенные.

Органы прокуратуры, осуществляя от имени государства надзор за исполнением законов, должны строить свою деятельность в соответствии с теми задачами, которые ставит государство на конкретном этапе развития для достижения определенных целей. Прокуроры, выбирая приоритетные направления надзорной деятельности, должны ориентироваться и на те изменения и дополнения налогового законодательства, которые имеют целью, например, противодействие коррупции, сдерживание преступности террористической направленности, развитие определенных отраслей промышленности и недопущение рейдерских захватов.

Таким образом, возможность предупреждения преступности средствами прокурорского надзора за исполнением налогового законодательства обуславливает взаимосвязь данного направления надзора с иными видами прокурорской деятельности и ведет к повышению их качества.

А. В. АВЕРЬЯНОВА,

*студентка Санкт-Петербургского юридического института (филиала)
Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации*

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПОСРЕДНИЧЕСТВА ВО ВЗЯТОЧНИЧЕСТВЕ

Коррупция в наши дни признается транснациональной угрозой безопасности государств и выходит за рамки их внутренних границ, поэтому противодействие ей осуществляется как на национальном, внутригосударственном уровне, так и на международной арене. Россия учитывает последовательный позитивный опыт законодательства Европы по данному вопросу, закрепленный в ряде международных документов, таких, например, как Декларация ООН о борьбе с коррупцией и взяточничеством в международных коммерческих операциях 1996 г., Резолюция Комитета министров Совета Европы от 06.11.1997 № (97)24 «О двадцати принципах борьбы с коррупцией», Конвенция Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию 1999 г., Конвенция

ООН против коррупции 2003 г. и др., а также берет на себя обязательства по противодействию коррупции. В том числе в рамках этих обязательств вносятся изменения в национальное законодательство¹.

Так, Федеральным законом от 04.05.2011 № 97-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия коррупции» Уголовный кодекс Российской Федерации дополнен ст. 291.1 «Посредничество во взяточничестве». Вместе с тем законодатель не выделяет виды такого посредничества, что послужило бы на пользу правоприменителю. В доктрине криминалистики и уголовного права попытались исправить это и условно выделили следующие типы посредников: «мнимый посредник» (мошенник), «реальный посредник», «посредник, присваивающий часть взятки (либо всю взятку)»². Поскольку мошенничество реально не относится к посредничеству во взяточничестве, остановимся на последних двух типах.

Необходимо заметить, что посредничество, подпадающее под санкцию ст. 291.1 УК РФ, и посредничество, закрепленное в Общей части Уголовного кодекса, различны. В статье 291.1 УК РФ посредником признается лицо, не только фактически передавшее предмет взятки, но и *любым иным* способом способствовавшее ее передаче. То есть перечень действий, которые потенциально могут быть признаны посредничеством, ничем не ограничен. Понятие посредника законодатель не закрепляет.

Реальный посредник, или просто посредник, это лицо, способствовавшее передаче взятки или заключению соглашения о ней. Здесь уместно провести аналогию с посредничеством, закрепленным в Общей части УК РФ, т. е. разделить посредничество на физическое и интеллектуальное.

Квалификация физического посредничества, т. е. фактической передачи предмета взятки, вызывает ряд сложностей как в теории уголовного права, так и на практике.

Одной из таких сложностей является определение момента окончания физического посредничества. Единства мнений по этому поводу нет. Отдельные авторы полагают, что квалификация

¹ Основы противодействия коррупции / под ред. И. И. Рогова, К. А. Мами, С. Ф. Бычковой. Алматы, 2004. С. 104.

² Степаненко Р. А. Понятие, признаки и криминалистическая классификация преступлений, связанных с посредничеством во взяточничестве // Российский следователь. 2015. № 6. С. 8.

ция посредничества во взяточничестве не зависит от квалификации действий взяткодателя и взяткополучателя¹. С данным утверждением сложно согласиться.

Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.07.2013 № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» (п. 10) гласит, что посредничество во взяточничестве в виде непосредственной передачи взятки считается оконченным с момента принятия должностным лицом либо лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, хотя бы части передаваемых ему ценностей (например, с момента передачи их лично должностному лицу, зачисления с согласия должностного лица на счет, владельцем которого оно является). При этом не имеет значения, получило ли указанное лицо реальную возможность пользоваться или распоряжаться переданными ему ценностями по своему усмотрению.

В пункте 13 указанного Постановления закреплено, что получение или дача взятки, в том числе через посредника, а равно получение либо передача незаконного вознаграждения при коммерческом подкупе, если указанные действия осуществлялись в условиях оперативно-розыскного мероприятия, должны квалифицироваться как оконченное преступление вне зависимости от того, были ли ценности изъяты сразу после их принятия должностным лицом либо лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации. Учеными также отмечается, что посредник в данном случае все равно остается посредником².

Вызывает дискуссии в доктрине и определенные сложности на практике вопрос о квалификации действий посредника, когда в роли взяткополучателя выступает участник ОРМ, при условии, что ОРМ проводится для выявления самого посредника. В данной ситуации возникает проблема определения момента принятия взятки. П. С. Яни справедливо замечает, что содеянное следует признать оконченным посредничеством во взяточничестве, применяя соответствующее правило квалификации³.

¹ Чашин К. Криминализация посредничества во взяточничестве: поиск оптимальной модели // Уголовное право. 2013. № 6. С. 33.

² Волженкин Б. В. Служебные преступления : Комментарий законодательства и судебной практики. СПб., 2005. С. 184.

³ Яни П. С. Новые вопросы квалификации взяточничества // Законность. 2014. № 10. С. 33 ; Его же. Физическое посредничество во взяточничестве // Законность. 2014. № 11. С. 43.

Интеллектуальное посредничество также иногда затруднительно для уголовно-правовой оценки. Так, законодательно не установлен перечень действий, которые составляют интеллектуальное посредничество, хотя, как указывают ученые, при подготовке проектов соответствующего постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации он обсуждался. Так, предлагалось формами интеллектуального посредничества закрепить предоставление в долг денежных средств или иного имущества, заведомо предназначавшихся для передачи в качестве взятки, организация переговоров и участие должностного лица и владельца ценностей или представляемых им лиц в переговорах о передаче взятки, склонение лица к получению либо передаче взятки и т. п.

Также необходимо отметить, что «если склоняемое к даче либо получению взятки лицо отказалось участвовать в преступлении в указанном качестве, то и посредничество в любой из его форм места не имело ни как оконченный состав, ни даже как покушение на данное преступление, поскольку лицу, стремящемуся выполнить состав интеллектуального посредничества, так и не удалось способствовать ни взяткодателю, ни взяткополучателю (в силу отказа склоняемых лиц стать таковыми) в достижении либо тем более реализации соглашения между ними о получении и даче взятки»¹.

В доктрине нет единства мнений и по вопросу возможности существования неоконченного состава интеллектуального посредничества, высказываются мнения как «за»², так и «против»³.

Вопрос о посреднике, присваивающем часть взятки либо всю взятку, также получил слабое отражение в научных исследованиях ученых. Вместе с тем данной вопрос имеет некоторые проблемы. Одной из них является отграничение данной формы посредничества от хищения чужого имущества путем присвоения.

По вопросу отграничения посредничества от присвоения единство мнений ученых отсутствует. Так, А. В. Грошев полагает, что «поскольку в этом случае умысел на завладение предназначенными для передачи в качестве взятки ценностями возник после их получения, лицо виновно в хищении чужого имущества путем присвоения. С гражданско-правовой точки зрения в этом

¹ Яни П. С. Интеллектуальное посредничество во взяточничестве: начало и окончание // Законность. 2014. № 12. С. 25.

² Ткачев И. Проблемы реализации уголовной ответственности за посредничество во взяточничестве // Уголовное право. 2012. № 2. С. 68.

³ Яни П. С. Интеллектуальное посредничество... С. 27.

случае имущество «вверяется» собственником мнимому посреднику для подкупа должностного лица»¹.

П. С. Яни высказывает контраргументы, с которыми сложно не согласиться: имущество считается наделенным статусом вверенного лицу, его затем похитившему, лишь в случае, когда оно «находилось в правомерном владении либо ведении этого лица, которое в силу должностного или иного служебного положения, договора либо специального поручения осуществляло полномочия по распоряжению, управлению, доставке, пользованию или хранению в отношении чужого имущества»². Однако очевидно, что переданные посреднику ценности нельзя признать находившимися в его правомерном владении либо ведении — они ему переданы для совершения преступления.

Несмотря на то что указанные проблемы квалификации посредничества во взяточничестве в той или иной мере освещались и продолжают освещаться учеными в области уголовного права и иных наук криминального цикла, имеющих теоретических рекомендаций, рекомендаций, выразившихся в форме постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.07.2013 № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях», не всегда достаточно для эффективного предварительного расследования и, как следствие, вынесения справедливого, законного и обоснованного приговора. Таким образом, данные проблемные вопросы нуждаются в дальнейшем осмыслении.

А. М. АХМЕТШИНА,

*студентка Санкт-Петербургского института (филиала)
Всероссийского государственного университета юстиции
Российской Федерации*

НЕЦЕЛЕВОЕ РАСХОДОВАНИЕ БЮДЖЕТНЫХ СРЕДСТВ: УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Одной из актуальных проблем для России стало такое явление, как нецелевое расходование бюджетных средств.

Ответственность за это преступление предусмотрена ст. 285.1 УК РФ. До принятия данной статьи можно было привлечь зло-

¹ Грошев А. В. Мнимое посредничество во взяточничестве: вопросы квалификации // Российский следователь. 2012. № 23. С. 37.

² Яни П.С. Квалификация «самовознаграждения» посредника во взяточничестве // Законность. 2015. № 1. С. 22.

умышленника по ст. 285 «Злоупотребление должностными полномочиями».

Состав нецелевого расходования бюджетных средств является формальным и не указывает на характер мотива совершенного преступления. Субъектом преступления здесь является должностное лицо — получатель бюджетных средств, и его действия по расходованию средств не соответствуют цели и условиям, предусмотренным утвержденными бюджетом, бюджетной росписью, сметой доходов и расходов и др. Нецелевое расходование может произойти и в виде использования средств, полученных в качестве субсидий или субвенций. При этом средства расходуются на цели, не предусмотренные условиями их предоставления.

В соответствии с примечанием к ст. 285.1 УК РФ крупным размером признается сумма бюджетных средств более 1,5 млн р., а особо крупным размером — 7,5 млн р.

Если сумма менее 1,5 млн р., то данное деяние будет признаваться административным правонарушением и ответственность будет наступать по КоАП РФ.

Хотелось бы обратить внимание также на некоторые вопросы, возникающие при квалификации рассматриваемого преступления.

Первая особенность — это бланкетность диспозиции ст. 285.1 УК РФ. При квалификации правоприменитель должен использовать не только норму Уголовного кодекса Российской Федерации, но и соответствующую норму бюджетного законодательства.

Вторая особенность — это отграничение от однородных и смежных составов преступлений.

Нецелевое расходование бюджетных средств прежде всего необходимо отграничивать от хищения бюджетных ассигнований. В том случае, когда предметом хищения становятся бюджетные средства, содеянное, как правило, квалифицируется по ст. 159 УК РФ как мошенничество либо по ст. 160 УК РФ как присвоение или растрата¹.

Проблема в разграничении нецелевого расходования бюджетных средств и хищения бюджетных средств в форме мошенничества, присвоения или растраты возникает не всегда, а в случаях, когда субъектом хищения является должностное лицо и при этом оно обладает полномочиями по расходованию бюджетных ассигнований. Другими словами, смежными будут особо квалифици-

¹ Мазун В. А. Нецелевое расходование бюджетных средств и средств государственных внебюджетных фондов: проблемы квалификации // Советник юриста. 2012. № 6. С. 157—163.

рованные составы мошенничества, присвоения или растраты, выделенные по субъекту (ч. 3 ст. 159, ч. 3 ст. 160 УК РФ).

Сложнее различить составы нецелевого расходования бюджетных средств и злоупотребления должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ). Злоупотребление должностными полномочиями выражается в использовании должностным лицом служебных полномочий вопреки интересам службы, если преступление совершено из корыстной или иной личной заинтересованности, а также произошло существенное нарушение прав и законных интересов граждан либо организаций или охраняемых законом интересов общества или государства.

Есть мнение, что нормы ст.ст. 285 и 285.1 УК РФ находятся в состоянии конкуренции, причем общей является норма о злоупотреблении должностными полномочиями, а специальной — о нецелевом расходовании бюджетных средств.

Однако вывод о конкуренции норм не всегда совпадает с действительностью¹.

По данным статистики за 2013 год, представленным в отчете Счетной палаты Российской Федерации, 3,9 млрд р. использовались нецелевыми способами. Среди причин Счетная палата называла неурегулированность законодательства, нехватку времени для экспертизы нормативных актов.

Конечно же, возникает вопрос о борьбе с данной проблемой.

Приведем пример положительного решения данной проблемы относительно инновационного центра «Сколково».

В 2013 году Генеральная прокуратура Российской Федерации проверила «Сколково» на предмет нецелевого использования бюджетных средств. Было установлено, что определенная сумма была потрачена нецелым способом². В начале декабря 2013 года Правительством Российской Федерации было принято постановление, касающееся правил предоставления субсидий Центру. Денежные средства теперь выделяются на квартал и по заявке Фонда. Заключается договор между Минфином и «Сколково», который должен быть подписан в течение 20 рабочих дней после вступления в силу закона о федеральном бюджете. Договором оформляется субсидия. Деньги выделяются Фонду на определен-

¹ Там же.

² RG.RU : интернет-портал «Российской газеты». URL: // <http://www.rg.ru/> (дата обращения: 20.10.2015).

ные цели, а Минфин и Росфиннадзор контролируют, соблюдает ли Фонд договор¹.

На наш взгляд, выделение денег с привязкой их к целям и заключение договора вполне оправданно, поскольку это позволяет контролировать расходование средств.

Есть мнение юристов, что в целях повышения эффективности борьбы с исследуемым преступлением нужно серьезно понизить размер бюджетных средств, используемых нецелевым образом: крупный размер уменьшить до 250 тыс. р., а особо крупный — до одного миллиона рублей².

Мы считаем, что усложнение состава не приведет к желаемому результату. Возможно, стоит ввести более жесткий контроль надзорных органов за расходованием получателями бюджетных сумм.

К. А. БОДРИЦКИЙ,

*студент СПб ГБОУ СПО «Политехнический колледж
городского хозяйства»*

ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ (российский и зарубежный опыт)

Одна из глобальных политико-правовых задач, стоящих перед Россией в настоящее время, — эффективное противодействие коррупционным преступлениям. Президент Российской Федерации в послании Федеральному Собранию Российской Федерации 2009 года отметил, что коррупция выступает в качестве одного из главных барьеров на пути развития современного общества³. С этим трудно не согласиться, ведь высокий уровень коррупции в сфере управления не только является причиной недоверия общества к государству, но также подрывает экономическую и политическую стабильность в стране⁴.

¹ Центр промышленных инноваций : [сайт]. URL: // <http://www.cii.spb.ru/> (дата обращения: 20.10.2015).

² Дробышева Л. В. Проблема нецелевого расходования бюджетных средств (Электронный ресурс) // URL: <http://cyberleninka.ru> (дата обращения: 20.10.2015).

³ Послание Президента Российской Федерации Д. А. Медведева Федеральному Собранию Российской Федерации от 12 ноября 2009 г. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

⁴ Астаин В. В. Антикоррупционная политика России. Криминологический аспект : монография. М., 2014. 255 с.

Оценка антикоррупционного законодательства определяет актуальность данной проблемы.

Для усовершенствования антикоррупционного законодательства необходимо криминализировать общественно опасные и имеющие достаточно широкую распространенность деяния, что предполагает установление в соответствии с международно-правовыми стандартами уголовной ответственности за общественно опасные деяния, ранее не признаваемые таковыми, создание квалифицированных составов преступлений с учетом новых признаков, отягчающих ответственность. Результатом криминализации, как правило, является конструирование новых специальных составов преступлений, а также распространение коррупционных признаков на некоторые другие (нередко смежные) составы преступлений, которые при наличии определенных характерных элементов приобретают свойства коррупционного преступления.

Совершенствование уголовной политики в сфере противодействия коррупции и эффективная борьба с коррупционными преступлениями невозможны без восстановления в УК РФ такого вида наказания, как конфискация имущества, который был исключен из Кодекса в 2003 году и затем восстановлен в УК РФ в качестве иной меры уголовно-правового характера.

Здесь следует обратиться к вопросам антикоррупционной политики России и выделить некоторые факты, которые в последнее время являются предметом дискуссии на разных уровнях. В частности, это вопрос о конфискации имущества за ряд преступлений, в том числе коррупционных.

Конфискация предполагает принудительное безвозмездное изъятие и обращение в собственность государства имущества осужденного на основании обвинительного приговора суда и существует в качестве иной меры уголовно-правового характера. Ранее конфискация могла применяться как дополнительный вид наказания за тяжкие и особо тяжкие преступления, совершенные из корыстных побуждений.

Тем не менее в связи со сложившейся правовой традицией данный вопрос понимается в более широком плане, а именно: конфискация всего имущества осужденного, а не только предмета преступления и доходов от его совершения.

По данному вопросу существуют две позиции. Сторонники первой предполагают, что подобная мера может нарушить имущественные права членов семьи осужденного, а также исходят из того, что иногда сложно отделать имущество преступника от имущества третьих лиц, особенно если субъектом является предприниматель.

Сторонники второй позиции исходят из принципа сострадания не к осужденному, а к потерпевшим либо государственным интересам¹. В определенном смысле данная позиция является более справедливой, соответствует принципам уголовного права, но затрагивает имущественные интересы не только осужденного, но и других лиц.

Данная мера наказания была бы справедливой и адекватной за совершение далеко не всех экономических и коррупционных преступлений, а только наиболее тяжких из них.

При исследовании проблем коррупции и борьбы с ней не стоит забывать об опыте юридической компаративистики, в частности в сфере уголовного права. Это необходимо для изучения международного опыта борьбы с данным явлением.

При исследовании иностранного опыта борьбы с коррупцией особое внимание следует уделить таким странам, как США, Швеция², Сингапур и др. В то же время все государства, столкнувшиеся с коррумпированностью в органах власти, исходили из следующего³:

1) доведение уровня жизни государственных чиновников до благоприятной отметки, использование различных мер социальной поддержки⁴;

2) особое место в борьбе с коррупцией уделялось основным институтам гражданского общества, таким как СМИ;

3) были созданы специализированные антикоррупционные правоохранительные органы.

Метод социальной и иной поддержки служащих со стороны государства использовался в странах с низким уровнем экономического развития, слабой экономикой. Однако подобная мера должна быть актуальна и для России, несмотря на более высокие темпы экономического роста. В данном случае речь идет не о государственных служащих государственного аппарата, системы правосудия и т. д., а, скорее, о таких социально незащищенных слоях работников бюджетной сферы, как медицинские и научно-преподавательские кадры. Ведь как раз именно они не имеют такого широкого социально-

¹ URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=365193#> (дата обращения: 17.09.2015).

² Волков А. Швеция: социально-экономическая модель. М., 1991. 194 с.

³ Стефанишин С. С. Предупреждение коррупционных преступлений в зарубежных странах : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2005. 22 с.

⁴ Бочарников И. В. Зарубежный опыт противодействия коррупции // Государственная власть и местное самоуправление. 2008. № 9. С. 16—23.

го пакета, как вышеупомянутые лица, что при бюджетных зарплатах ставит многих из них на грань выживания.

Немаловажную роль в борьбе с коррупцией играют независимые СМИ. Следует отметить, что приведенные способы борьбы с коррупцией являются эффективными в любых сферах деятельности, а не только в государственном секторе. Так, наиболее значима роль СМИ, когда речь идет о коррупционных преступлениях в политической сфере. Яркие примеры можно найти в истории США, когда именно пресса становилась причиной краха коррупционных схем. Вообще же в США выделяются и другие элементы гражданского общества, необходимые для борьбы с коррупцией. Так, в стране действует более 1,4 млн неправительственных организаций¹. Следует полагать, что в столь большой стране, как Россия, где правоохранительные органы порой не справляются с возложенными на них обязанностями, необходим развитый общественный контроль.

В настоящее время большая часть преступлений коррупционной направленности расследуется Следственным комитетом Российской Федерации и специальными подразделениями МВД. Учитывая международный опыт, напрашивается вывод о необходимости создания специализированной структуры по борьбе с коррупционными преступлениями в составе федеральных органов исполнительной власти, т. е. создание новой федеральной службы. Данный подход является правильным, так как многие органы, занимающиеся борьбой с коррупцией, не только взаимосвязаны, что мешает беспристрастному осуществлению их деятельности, но и порой создают правовые коллизии по вопросам расследования тех или иных преступлений.

Таким образом, можно говорить о необходимости сочетания внутреннего опыта борьбы с коррупционной преступностью и иностранного. Данный факт отражает некоторую схожесть природы уголовного права России и других государств. Это также необходимо учитывать при борьбе с международной преступностью, в том числе в сфере экономики.

¹ Борьба с налоговой и коррупционной преступностью. Вопросы теории и практики : монография / под ред. П. И. Иванова. М., 2014. 383 с.

Е. Д. БОЛОТОВА,
*студентка Академии Генеральной прокуратуры
Российской Федерации*

ОТЕЧЕСТВЕННОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ КОРРУПЦИИ И ПРАКТИКА ЕГО ПРИМЕНЕНИЯ: КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Проблема борьбы с коррупцией является на сегодняшний день острой для нашего общества, и она все больше усугубляется в условиях экономического кризиса, когда так важно обеспечить социальную стабильность. Именно поэтому борьба с коррупцией сегодня является приоритетной задачей, определенной Президентом и Правительством Российской Федерации.

В России не только подтверждено сотрудничество в международной борьбе против коррупции (о чем свидетельствуют Федеральный закон от 08.03.2006 № 40-ФЗ «О ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции» и Федеральный закон от 25.07.2006 № 125-ФЗ «О ратификации Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию»), но и приняты соответствующие законы (например, Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», Федеральный закон от 17.07.2009 № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов», Федеральный закон от 03.12.2012 № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» и др.), Указы Президента Российской Федерации (например, Указ Президента Российской Федерации от 19.05.2008 № 815 «О мерах по противодействию коррупции», Указ Президента Российской Федерации от 11.04.2014 № 226 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2014—2015 годы» и др.) и иные нормативные правовые акты по вопросам противодействия коррупции.

Коррупционные преступления, безусловно, относятся к одной из самых общественно опасных категорий преступлений, поэтому изучением методов борьбы с ними занимается не только законодатель, но и науки уголовно-правового цикла. Неоценимый вклад в изучение преступлений коррупционной направленности принадлежит криминологии.

В науке криминологии изучение преступности, ее состояния, динамики и структуры, особенностей и различий отдельных видов преступлений, выявление причин и условий преступности — это первоначальные этапы криминологического исследования

для последующего анализа личности преступника и организации борьбы с преступностью. Криминологическая характеристика отдельных видов преступности, в том числе коррупционных преступлений, включает в себя следующие элементы: 1) состояние, динамика, удельный вес, структура, уровень латентности и т. д. рассматриваемого вида преступности и ее отдельных групп; 2) причины и условия, способствующие совершению преступлений; 3) криминологическая характеристика личности преступника; 4) меры предупреждения и профилактики преступлений.

Согласно государственной статистической отчетности, в последние годы наблюдается тенденция снижения числа зарегистрированных коррупционных преступлений: по итогам 2014 года количество выявленных общественно опасных деяний коррупционной направленности сократилось на 24 % (с 42 506 до 32 203), в первом полугодии 2015 года зарегистрировано 20 319 преступлений данной категории, что на 4 % меньше показателя аналогичного периода прошлого года¹.

При сокращении общего числа зарегистрированных преступлений указанной категории произошло изменение в структуре коррупционной преступности: в текущем году было вскрыто больше фактов взяточничества (на 9,4 %), особенно совершенного организованными преступными группами (в 2,7 раза), в крупном (на 49,1 %) и особо крупном (на 78,4 %) размерах, возросли суммы выявленных взяток (на 89,5 %), увеличился размер установленного ущерба, причиненного зарегистрированными коррупционными преступлениями (на 18,2 %), сократилось число дополнительных эпизодов преступлений данной категории (на 12,4 %), при этом установлено больше лиц, совершивших такие деяния (на 2,8 %).

Все чаще за последние полтора года к уголовной ответственности стали привлекаться высокопоставленные чиновники, дела о таких преступлениях обретают все больший общественный резонанс.

Например, в 2015 году за совершение выявленного Главной военной прокуратурой преступления, предусмотренного п. «в» ч. 5. ст. 290 УК РФ, к пяти годам лишения свободы приговорен главнокомандующий сухопутными войсками, который тем же

¹ Министерство внутренних дел Российской Федерации : офиц. сайт. URL: https://mvd.ru/upload/site1/document_file/Nh0T72zxh5.pdf (дата обращения: 11.09.2015).

приговором суда лишен воинского звания генерал-полковник и трех орденов¹.

Помимо сокращения числа зарегистрированных преступлений можно отметить повышение качества расследования уголовных дел (78 % которых окончено следователями Следственного комитета Российской Федерации), о чем свидетельствует рост количества дел, направленных в суд (на 9,3 % в 2015 году), увеличение числа обвиняемых по направленным в суд делам (на 8,7 %), сокращение числа оправдательных приговоров (на 17,9 %), уголовных дел, возвращенных следователям прокурором (на 4,2 %) и судом (на 1,3 %). Практика прокурорского надзора также констатирует повышение уровня законности при рассмотрении и разрешении органами дознания и предварительного следствия сообщений о коррупционных преступлениях.

Указанные показатели в основном достигнуты благодаря слаженной работе правоохранительных органов: взаимное информирование, планирование, проведение совместных мероприятий, направленных на противодействие коррупции. Одним из итогов проведенной совместной работы в первом полугодии 2015 года стало увеличение почти в три раза (с 342 до 942) количества обвинительных приговоров, постановленных с применением конфискации имущества (ст. 104.1 УК РФ).

Тем не менее принятые меры нельзя назвать исчерпывающими, поскольку уровень коррупционной преступности в России продолжает оставаться высоким, а возникающие в практической деятельности проблемы требуют корректировки работы правоохранительных органов.

В значительной степени подверженными коррупции остаются сферы земельных правоотношений, расходования бюджетных средств, заключения и исполнения контрактов на поставку товаров, выполнение работ и оказание услуг для государственных и муниципальных нужд, разрешительных процедур, контрольно-ревизионной и правоохранительной деятельности.

Негативной тенденцией последних лет является существенный рост фактов дачи взятки (ст. 291 УК РФ) при уменьшении либо незначительной динамике количества преступлений, связанных с получением взятки (ст. 290 УК РФ). Особую тревогу вызывает то

¹ RG.RU : интернет-портал «Российской газеты». URL: <http://www.rg.ru/2015/08/14/chirkin-site.html> (дата обращения: 11.09.2015).

обстоятельство, что регистрация значительного массива взяточничества преимущественно происходит за счет дополнительных эпизодов преступных посягательств одних и тех же лиц. Об этом свидетельствует почти двукратный разрыв между количеством зарегистрированных случаев взяточничества (8 221) и числом лиц, привлеченных к ответственности (4 594).

Иначе ситуация складывается по уголовным делам о служебном подлоге, где показатель совершенных преступлений превышает число лиц, привлеченных за них к ответственности, почти в пять раз (в первом полугодии 2015 года выявлено 409 лиц, совершивших 1 926 таких деяний).

По данным прокуроров субъектов Российской Федерации, в 2014 году лишь порядка 130 коррупционных преступлений (0,4 %) совершены лицами, занимающими государственные должности субъектов Российской Федерации, около 2,3 % деяний данной категории совершены главами муниципальных образований. В то же время медицинские работники, учителя и лица, не являющиеся субъектами должностных преступлений, совершили 49,5 % от общего числа коррупционных деяний¹. В текущем году данная тенденция усилилась.

Ущерб, причиненный в текущем году коррупционными преступлениями, исчисляется в 22,2 млрд р. При этом в результате работы правоохранительных органов добровольно погашена сумма в 1,6 млрд р., изъято имущества на 5 млрд р., арестовано — на 9,7 млрд р.

По данным прокуроров, в ряде регионов отмечается формальный подход к работе по обнаружению имущества, принадлежащего подозреваемым и обвиняемым, за счет которого могло быть обеспечено исполнение имущественных взысканий, имеются нарекания относительно своевременности принятия обеспечительных мер в виде ареста имущества. Выявляются нарушения требований ст. 160.1 УПК РФ.

Выяснение материального положения обвиняемого также является одним из ключевых условий возможности применения к виновным такого вида наказания, как штраф.

Одной из мер по улучшению сложившейся ситуации может стать подготовка изменений в законодательство об оперативно-розыскной деятельности в части закрепления в качестве самостоятельной задачи оперативно-розыскной деятельности установление имущества, на которое может быть наложен арест, и

¹ Портал правовой статистики / Генеральная прокуратура Российской Федерации. URL: <http://crimstat.ru> (дата обращения: 11.09.2015).

закрепление возможности использования результатов такой деятельности следственными органами.

С учетом задач, поставленных Президентом Российской Федерации в Национальном плане противодействия коррупции, организация деятельности правоохранительных органов и межведомственное взаимодействие нуждаются в дальнейшем совершенствовании в целях повышения результативности работы в области противодействия коррупции.

Ю. В. БУЛИНА,

*студентка Новгородского государственного университета
им. Ярослава Мудрого*

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Чаще всего приходится слышать о криминологической характеристике преступлений, особенно коррупционной направленности. А конкретно о том, что они являются высоколатентными, т. е. трудно раскрываемыми. Это зависит прежде всего от особенностей их совершения и субъектного состава. Из средств массовой информации и других источников большинство людей знают о таких преступлениях и о том, что за них предусмотрена уголовная ответственность как за преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления. Наука криминалистика многое пытается объяснить про коррупционные преступления: их причины, условия и, самое главное, методы борьбы с ними.

Не случайно мы начали именно с криминологической оценки преступлений коррупционной направленности, поскольку это более привычно и понятно, нежели рассмотрение данного вопроса с точки зрения криминалистики. В простом понимании криминалистика изучает следы на месте происшествия, исследует другие вещественные доказательства, в том числе орудия совершения преступления. Но какие же остаются следы от коррупционных преступлений. Поскольку следы на месте происшествия — это немые свидетели, а коррупционные преступления очень легко скрыть, то, может быть, эти свидетели так и останутся немymi и не заговорят? Поэтому бытует мнение, что криминалистам по данным уголовным делам делать нечего.

Все перечисленные факторы крайне осложняют выявление, раскрытие и расследование деятельности, связанной с коррупци-

ей. Несмотря на применение преступниками различных способов совершения, сокрытия следов преступления, всегда возможно обнаружить следы совершаемых ими противоправных действий (бездействия). Различают материально фиксированные следы (деньги, ценные предметы, управленческие, бухгалтерские и регистрационные документы, лицевые счета вкладчика, протоколы заседаний, квитанции, товарные ярлыки, фотографии, а также следы, образовавшиеся в результате контактного взаимодействия с предметом взятки, следы химического и биологического происхождения) и идеальные (сведения, полученные от сослуживцев должностного лица и других участников коррупции, членов их семей, случайных свидетелей)¹.

Особое значение имеет место совершения преступления, но не всегда понятно, как его определить, ведь коррупционные действия могут носить протяженный характер (не только по Российской Федерации, но и в других государствах). Место совершения рассматриваемых деяний дифференцируется по социальному назначению. Обычно это служебные кабинеты чиновников. Некоторые преступления такого рода совершаются в учреждениях по предоставлению различных услуг: заведениях по обслуживанию населения, производственных предприятиях и иных.

Если говорят о месте совершения преступления, обычно речь идет и о времени его совершения. Время совершения коррупционных преступлений не определено четкой датой, эти преступления, исходя из их специфики, продолжительные².

Коррупционные преступления тщательнейшим образом скрываются. Это обусловлено прежде всего тем, что субъектами являются должностные лица, которые имеют необходимость и возможность для их сокрытия, и очень часто преступления коррупционной направленности являются групповыми, где кому-либо отведена роль по сокрытию следов. Сокрытие преступлений представляет определенную сложность для криминалистов.

В итоге получается, что результаты криминалистических исследований являются большим пластом данных, которые позволяют расследовать качественно и вовремя коррупционные преступления. Проблемы, безусловно, есть, но их нужно решать, в том числе и на законодательном уровне. Есть необходимость в

¹ Попов И. А. Криминалистическая и криминологическая характеристика взяточничества и других проявлений коррупции // Проблемы расследования коррупционных преступлений. М., 1999. С. 90—103.

² Яблоков Н. П. Криминалистика : учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2005. С. 429—431.

более независимых криминалистических экспертизах документов, которые могут содержать информацию о преступной деятельности; необходимо разрабатывать своеобразную криминалистическую практику касательно места и времени совершения коррупционного преступления.

В. Р. ВОЛКОВ,

*студент Иркутского юридического института (филиала)
Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации*

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОШИБКИ ПРИ КВАЛИФИКАЦИИ КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

При квалификации преступлений коррупционной направленности в судебной практике встречаются случаи неправильной правовой оценки содеянного. Ошибки возникают как вследствие неполного исследования доказательств, так и ввиду неточного соотнесения фактических обстоятельств дела с диспозицией соответствующей статьи УК РФ. Это, в свою очередь, влечет нарушение прав виновного лица и осуждение невиновных, а в ряде случаев — непривлечение виновных к справедливой ответственности.

Одной из известных проблем, существенно влияющих на принятие правильного решения при выборе уголовно-правовой нормы, является осложнение деятельности виновного заблуждением относительно важных сторон содеянного. В центре внимания при квалификации большинства преступлений коррупционной направленности находится специальный субъект — должностное лицо либо лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой или иной организации. Уяснение их признаков — непростая задача, и при ее решении неоднократно допускали ошибки опытные правоприменители: следователи, прокуроры, судьи. Достаточно ознакомиться с обзорами судебной практики и научными публикациями по вопросам квалификации служебных преступлений.

Но как следует квалифицировать содеянное, если в признаках должностного лица не разбирается обыватель, не имеющий необходимого образования, когда он полагает, что передает взятку или предмет коммерческого подкупа? Например, гражданин А. передает своему знакомому подполковнику полиции гражданину Б. — начальнику подразделения по борьбе с экономическими преступлениями города энска — денежные средства, чтобы тот как офицер полиции решил вопрос о возвращении автомобиля гражданина А со штрафстоянки.

Можем ли мы говорить о том, что действия гражданина А. будут квалифицированы по ст. 291 УК РФ как дача взятки должностному лицу? На первый взгляд — безусловно. Однако сложность ситуации состоит в том, что запрашиваемые, ожидаемые от подполковника Б. действия не входят в его служебные полномочия и он в силу должностного положения не может способствовать указанным действиям. А ведь набор условий, за которые передается взятка, является неременным требованием для вменения ст. 291 УК РФ. Иными словами, если взятка передается не за совершение действий (бездействие), которые входят в служебные полномочия должностного лица (которому взятку передают), и не за то, чтобы оно в силу должностного положения способствовало совершению таких действий, входящих в круг полномочий другого должностного лица, и не за общее покровительство или попустительство по службе, значит, данный подкуп не является передачей взятки.

С формальной точки зрения получается, что нет всех необходимых признаков состава преступления (сочетания признаков объективной стороны и специального субъекта), а потому нет и уголовной ответственности. Какие варианты решения предлагают нам уголовный закон и доктрина? Очевидно, здесь мы сталкиваемся с проявлением уголовно-правовой ошибки и вопросами ее влияния на квалификацию преступления.

В доктрине уголовного права имеются различные определения ошибки. Например, Л. И. Коптякова понимает под ошибкой заблуждение лица относительно фактических и юридических признаков содеянного¹. Другая группа ученых, в числе которых профессор А. В. Наумов, трактуют ее как неправильное представление лица о действительном юридическом или фактическом характере совершенного им действия или бездействия и его последствий². Третьи определяют ее как неправильную оценку лицом, совершающим преступление, своего поведения, фактических обстоятельств содеянного, последствий, условий противоправности и т. д.³ По мнению четвертых, ошибка — это заблуждение лица относительно объективных и субъективных признаков обще-

¹ Коптякова Л. И. Понятие ошибок в советском уголовном праве и их классификация // Проблемы права, социалистической государственности и социального управления : межвуз. сб. науч. тр. Свердловск, 1978. Вып. 73. С. 105—106.

² Наумов А. В. Российское уголовное право : курс лекций. М., 2004. Т. 1. С. 248.

³ Курс уголовного права / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. М., 2002. Т. 1. С. 218.

ственно опасного деяния, которые характеризуют это деяние как преступление¹. И наконец, пятые определяют ошибку как заблуждение лица относительно характера и степени общественной опасности совершаемого деяния и его уголовной противоправности². По нашему мнению, под ошибкой следует понимать заблуждение лица относительно фактических обстоятельств и (или) юридических свойств совершенного деяния.

подавляющее большинство правоведов, рассматривая учение об ошибке, выделяют ошибку в факте (*error facti*) и ошибку в праве (*error juris*). Юридической ошибкой является заблуждение лица относительно юридической сущности и юридических последствий совершаемого деяния³. Фактическая же ошибка (*error facti*) — это заблуждение лица относительно фактических обстоятельств, являющихся объективными признаками состава данного преступления и определяющих характер преступления и степень его общественной опасности⁴. Иначе говоря, всегда, когда обнаруживается какое-то несоответствие между представлением о содеянном и реальностью, между тем, что фактически произошло, и тем, как это отразилось в сознании субъекта, имеет место так называемая фактическая ошибка⁵.

В теории уголовного права выделяют следующие виды фактических ошибок: ошибка в объекте, ошибка в оценке общественно опасного деяния, ошибка в предмете посягательства, ошибка в характере деяния, ошибка в развитии причинной связи, ошибка в способе совершения деяния, ошибка в обстоятельствах, характеризующих время, место, условия совершения деяния.

Фактическая ошибка, как правило, изменяет квалификацию, хотя и не всегда. При этом наиболее распространены четыре возможных варианта квалификации:

1) совершенное деяние квалифицируется как покушение и по совокупности — неосторожное преступление;

2) совершенное деяние квалифицируется только как покушение на преступление;

¹ Гилязов Ф. Г. Особенности вины и значение ошибки в уголовном праве. Уфа, 1993. С. 20.

² Якушин В. А. Проблемы субъективного вменения в уголовном праве : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1998. С. 243—244.

³ Полный курс уголовного права / под ред. А. И. Коробеева. СПб., 2008. Т. 1. С. 498.

⁴ Там же. С. 498.

⁵ Уголовное право России. Общая часть : учебник / под ред. Н. М. Кропачева, Б. В. Волженкина, В. В. Орехова. СПб., 2006. С. 496.

3) совершенное деяние квалифицируется как простое, если лицо не знало о квалифицирующих обстоятельствах;

4) состав является квалифицированным, если лицо считало, что квалифицирующие обстоятельства есть, тогда как их на самом деле нет.

Таким образом, основные различия между фактической и юридической ошибкой заключаются в следующем: фактическая ошибка имеет место только в отношении обстоятельств, являющихся объективными признаками соответствующего состава преступления, тогда как юридическая ошибка имеет место только в отношении правовых свойств совершенного деяния, в то время как с фактической стороны все выполнено, поставленные цели достигнуты выбранными средствами. Поэтому при фактической ошибке, когда планы дают сбой ввиду заблуждения лица относительно фактических обстоятельств, правовая квалификация решается с учетом субъективного представления лица о том, что им содеяно, и причиненного в действительности вреда. При юридической ошибке оценка содеянному дается законодателем.

Мы рассмотрели понятие и виды уголовно-правовой ошибки, определили ее влияние на квалификацию преступления и с новыми полученными знаниями сможем определить вид ошибки и правильно дать квалификацию совершенному деянию, обратившись к условиям вышеизложенной задачи.

Из условий задачи видно, что допущена фактическая ошибка. Соответственно, мы не можем квалифицировать содеянное как получение взятки, поскольку субъектом уголовной ответственности в данном случае является должностное лицо, не все признаки которого наличествуют, исходя из условий задачи. Наша позиция, как и позиция большинства правоведов, сводится к единому знаменателю, а именно, что действия гражданина А., с учетом его представления о том, что подполковник Б. сможет решить его вопрос, подлежат квалификации по ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 291 УК РФ, поскольку дискуссионным остается вопрос о двойной квалификации за фактически содеянное и за вред, причиненный в действительности.

Тем не менее, несмотря на такую квалификацию содеянного, можем ли мы говорить о покушении на дачу взятки за совершение заведомо незаконных действий по ч. 3 ст. 291 УК РФ, ведь в полномочия подполковника Б. не входили запрашиваемые действия? Очевидно, что можем. К тому же, если гражданин А. осознавал, что подполковник Б. не сможет решить его вопрос, осознавал ли он, что он просит его совершить незаконные действия? По мнению профессора Б. В. Волженкина, допущенная ошибка

приводит к единственно возможной уголовно-правовой оценке ситуации как покушение на дачу взятки за совершение должностным лицом незаконных действий¹.

Изначально нужно определиться, понимал ли взяткодатель (гражданин А.), что подполковник Б. — в его же представлении — будет выходить за рамки дозволенного и использовать служебное положение вопреки законным интересам службы. Если нет, то нет и квалифицирующего признака. Если да, то есть этот квалифицирующий признак, но в рамках покушения. Иначе говоря, если взяткодатель осознает, что он передает денежные средства за совершение заведомо незаконных действий, то квалификация будет по ч. 3 ст. 30, ч. 3 ст. 291 УК РФ.

В заключение стоит отметить, что институт уголовно-правовой ошибки достаточно специфичен и интересен для изучения, поскольку его наличие обеспечивает не только защиту прав и свобод человека и гражданина, но и защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод.

Мы полагаем, что в законе необходимо закрепить норму, которая бы устанавливала правила квалификации содеянного при заблуждении лица в обстоятельствах совершенного им деяния, а затем дать официальное толкование этой нормы в соответствующем постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

А. М. ГАЛЕВА,

*студентка Северо-Западного филиала
Российского государственного университета правосудия*

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ЗАКОННЫХ И НЕЗАКОННЫХ ДЕЙСТВИЙ ДОЛЖНОСТНОГО ЛИЦА ПРИ КВАЛИФИКАЦИИ ДЕЯНИЯ (чч. 1 и 3 ст. 290 УК РФ)

Получение взятки является одним из самых опасных видов преступлений против государственной службы и ее интересов и службы в органах местного самоуправления. Ввиду этого особенно значимый характер приобретает надлежащая квалификация данного деяния.

На практике нередко встает вопрос о том, какие действия должностного лица охватываются составом ч. 1 ст. 290 УК РФ, а

¹ Волженкин Б. В. Служебные преступления : Комментарий законодательства и судебной практики. СПб., 2005. С. 212.

какие следует признавать незаконными, т. е. подпадающими под санкцию ч. 3 ст. 290 УК РФ.

Так, перед судьей одного из судов общей юрисдикции Архангельской области встал вопрос определения критериев разграничения указанных норм. Государственный обвинитель в апелляционном представлении (как и в обвинительном заключении) настаивал на квалификации деяния как получение взятки за незаконные действия должностного лица и ужесточении наказания. Опровергая доводы обвинения, суд первой инстанции квалифицировал деяние как получение должностным лицом взятки через посредника в виде денег за осуществление действий в пользу взяткодателя, входящих в его служебные полномочия. Суд апелляционной инстанции оставил приговор без изменений.

Для решения вопроса определения критерия разграничения ч. 1 и ч. 3 ст. 290 УК РФ было изучено 19 приговоров судов общей юрисдикции, практика Верховного и Конституционного Судов Российской Федерации, комментарии к Уголовному кодексу Российской Федерации, доктрина уголовного права по поставленной проблеме.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации в п. 6 постановления от 09.07.2013 № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» разъяснил, что следует понимать под незаконными действиями (бездействием), за совершение которых должностное лицо получило взятку. Однако указанное Постановление не дает четкого критерия разграничения законных и незаконных действий должностного лица, отдавая такую дискрецию правоприменителю: органам следствия и суда. Кроме того, ввиду того, что уголовное законодательство и разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации закрепляют лишь общие начала применения норм УК РФ, сформировать на их основе перечень действий должностного лица, за которые он получил взятку, подпадающих под понятие «незаконные», не представляется возможным.

Так как же ограничивать незаконные действия (бездействие) должностного лица от действий (бездействия), входящих в его служебные полномочия?

Анализ приговоров, вынесенных судами общей юрисдикции в разных регионах России в отношении должностных лиц за получение взятки, показал, что суды при вынесении решений руководствуются тем, что по смыслу уголовного закона под законными действиями (бездействием) следует понимать те действия (бездействие), которые должностное лицо правомочно совершать

в силу своих служебных полномочий и которые формально соответствуют требованиям законодательства¹. Таким образом, получение вознаграждения за выполнение действий, предусмотренных нормативным актом, регулирующим права и обязанности лица как работника того или иного учреждения, должностной инструкцией или трудовым договором, независимо от обстоятельств дела должно квалифицироваться по ч. 1 ст. 290 УК РФ.

Отсюда вытекает первый критерий разграничения — формальный. Он является приоритетным при применении ст. 290 УК РФ и в большинстве случаев является достаточным.

Так, по делу, рассмотренному одним из районных судов Московской области, был вынесен обвинительный приговор в отношении сотрудника УГИБДД УМВД России за получение взятки за предоставление гражданину государственных регистрационных знаков на автомобиль с одинаковыми цифрами. Органом предварительного расследования эти действия квалифицированы по ч. 3 ст. 290 УК РФ как получение должностным лицом лично взятки в виде денег за незаконные действия. Так как такие действия входили в предусмотренные должностной инструкцией, утвержденной начальником УГИБДД УМВД России, полномочия должностного лица, его действия, вопреки доводам стороны обвинения, были квалифицированы по ч. 1 ст. 290 УК РФ.

Тем не менее на практике нередко встречается ситуация, когда действия должностного лица хотя формально не подпадают под его должностной регламент, однако в силу определенных обстоятельств могут квалифицироваться правоприменителем как законные. В этом случае для правильной квалификации деяния необходимо учитывать не только должностной регламент лица, но и сложившиеся практику в данном учреждении, внедоговорные отношения между должностным лицом и третьими лицами, иные обстоятельства.

Как указывалось в ранее приведенном примере, должностное лицо осуществило действия, которые напрямую не были закреплены в его должностной инструкции, но выполнялись им в силу сложившихся отношений в учреждении.

Наряду с формальным критерием применим второй способ отграничения незаконных действий (бездействия) должностного лица от тех, что входят в его служебные полномочия, — функциональный. Он позволяет более полно рассматривать картину пре-

¹ Ленинградский районный суд г. Калининграда : сайт. URL: http://leningradsky.kln.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=1&did=776 (дата обращения: 27.10.2015).

ступления и, как следствие, более точно квалифицировать деяние должностного лица не только на основании его служебных полномочий, но и с учетом условий и факторов осуществления таких действий.

В целом такой подход отвечает требованиям современного уголовного законодательства. С другой стороны, расширительное толкование действий (бездействия) должностного лица, за которые оно получило взятку, может привести к неправильной квалификации преступления и излишнему вменению, как это показало изучение приговоров судов общей юрисдикции.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что ни уголовное законодательство, ни рекомендации Пленума Верховного Суда Российской Федерации, ни доктрина уголовного права не дают конкретного перечня действий, которые следует понимать как незаконные. Кроме того, доктрина уголовного права, широко освещая проблему квалификации преступлений коррупционной направленности, не сформулировала четкого мнения о том, какими критериями разграничения чч. 1 и 3 ст. 290 УК РФ следует руководствоваться.

Проведенное исследование показало, что существует два критерия разграничения незаконных действий (бездействия) должностного лица и законных, входящих в его служебные полномочия, за которые оно получило взятку: формальный и функциональный, применение которых зависит от обстоятельств дела.

Представляется, что только комплексное использование данных критериев позволит следственным органам и судам всесторонне и полно исследовать деяние и приведет к снижению количества квалификационных ошибок.

И. А. ЖАРКИХ,

*студентка Иркутского юридического института (филиала)
Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации*

К ВОПРОСУ О МОМЕНТЕ ЮРИДИЧЕСКОГО ОКОНЧАНИЯ ДАЧИ И ПОЛУЧЕНИЯ ВЗЯТКИ

Важным вопросом в доктрине уголовного права и правоприменительной практике является разграничение оконченного и неоконченного преступления, поскольку это непосредственным образом влияет на размер наказания. Сложности возникают, в первую очередь, из-за особенностей объективной стороны преступлений, предусмотренных ст.ст. 290 и 291 УК РФ.

Условно можно выделить три проблемные ситуации, при которых правоприменителем допускаются ошибки в разграничении оконченного и неоконченного состава: во-первых, при квалификации действий лица, лишь предъявившего требование о передаче взятки и согласовывавшего ее размер; во-вторых, при квалификации получения взятки с участием посредника; и, наконец, при квалификации получения взятки в рамках проводимого оперативно-розыскного мероприятия.

Обратим внимание на ситуацию, при которой должностное лицо предъявляет требование о передаче взятки, выражает намерение получить ее, оговаривает условия передачи или размер взятки, однако фактически взятка ему еще не передана.

Приговором Кунцевского районного суда г. Москвы от 11.03.2009 Ж. осужден по ч. 3 ст. 30, ч. 2 ст. 290 УК РФ. Ж., являясь должностным лицом, потребовал от ИП Л. передачи ему 100 тыс. р. взамен непривлечения его к ответственности по факту реализации несертифицированных мобильных телефонов. В процессе согласования с Л. размера денежных средств Ж. был задержан сотрудниками ОСБ УВД по ЗАО г. Москвы.

Президиум Московского городского суда, изменяя приговор, указал, что Ж. высказал лишь требование о передаче ему взятки в сумме 100 тыс. р., оговорив условия их передачи, и не стал брать 40 тыс. р., предложенных Л., посчитав эту сумму слишком маленькой, т. е. не предпринял никаких конкретных действий, непосредственно направленных на получение взятки, а только создал условия для совершения преступления. При таких обстоятельствах действия Ж. подлежат переквалификации на ч. 1 ст. 30, ч. 2 ст. 290 УК РФ как приготовление к получению взятки должностным лицом¹.

В данном случае налицо ошибка суда первой инстанции в квалификации содеянного. Пленум Верховного Суда Российской Федерации в п.14 постановления от 09.07.2013 № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» разъяснил, что *обещание или предложение передать либо принять незаконное вознаграждение за совершение действий (бездействие) по службе необходимо рассматривать как умышленное создание условий для совершения соответствующих коррупционных преступлений*. Если при этом иные действия, направленные на реализацию обещания или предложения, лица не смогли совершить по не зависящим от них обстоятель-

¹ URL: <http://www.lawmix.ru/obsh/21805> (дата обращения: 23.09.2015).

ствам, содеянное следует квалифицировать как приготовление к даче взятки или к получению взятки.

Значительно чаще допускаются ошибки при квалификации фактов взяточничества, когда предмет преступления передается должностному лицу через посредника, действующего в его интересах.

Так, по приговору Волгоградского областного суда от 22.02.2012 Х. осужден по п. «в» ч. 5 ст. 290 УК РФ. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации приговор изменила, переквалифицировав действия Х. на ч. 3 ст. 30, п. «в» ч. 5 ст. 290 УК РФ, и указала следующее.

Х., являясь должностным лицом, предложил директору ЗАО Д. выплатить ему 420 тыс. р. за успешное решение вопросов. Часть данной суммы была передана работавшим вместе с Х. лицам, остальные деньги Д. обещал передать позже. Однако действия Х. были пресечены правоохранительными органами.

Было установлено, что пакет, где находились деньги, был передан М., положившему пакет в свою машину, из которой впоследствии он был перенесен в машину Х., где и был изъят оперативными сотрудниками. Отсюда следует, что фактически Х. деньги получены не были¹.

В специальной литературе имеются иные точки зрения по вопросу квалификации подобных случаев. Например, И. А. Клепицкий и В. И. Резанов полагают, что получение взятки должно считаться оконченным уже с момента передачи взятки посреднику².

В то же время Б. В. Волженкин отмечал, что принятие предмета взятки посредником не образует еще окончанного состава получения взятки, так как не исключена возможность, что посредник по каким-либо причинам предмет взятки не вручит (например, присвоит его) или взяткополучатель в последний момент откажется принять взятку³.

В науке уголовное право долгое время продолжается дискуссия относительно того, как следует квалифицировать действия должностного лица, принявшего взятку в результате оперативно-розыскного мероприятия.

¹ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 16.05.2012 № 16-О12-19.

² Клепицкий И. А., Резанов В. И. Получение взятки в уголовном праве России : Комментарий законодательства. М., 2001. С. 28.

³ Волженкин Б. В. Служебные преступления : Комментарий законодательства и судебной практики. СПб., 2005. С. 184.

По мнению некоторых ученых, получение взятки в ходе оперативного эксперимента следует квалифицировать как покушение на получение взятки, поскольку в действительности дача взятки не совершается, а имитируется в ситуации, когда субъект получения взятки в объективных действиях пытается реализовать умысел на совершение преступления¹.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации в п. 13 Постановления от 09.07.2013 № 24 разъяснил, что такие действия должны квалифицироваться как оконченное преступление независимо от того, были ли ценности изъяты сразу после их принятия должностным лицом.

Такой подход Верховного Суда Российской Федерации не совсем понятен. Полагаем, следует согласиться с мнением Б. В. Волженкина, что к моменту проведения оперативного эксперимента в виде передачи ценностей должностному лицу последнее совершило только покушение на совершение этого преступления. Оперативный эксперимент не может проводиться для того, чтобы неоконченное преступление было продолжено до момента его окончания, что, естественно, повлечет усиление ответственности должностного лица².

Однако и в условиях, когда Пленум Верховного Суда Российской Федерации занял бесспорную правовую позицию, суды неверно толкуют существующую редакцию пункта 13 Постановления Пленума от 09.07.2013 № 24. Этот пункт гласит, что получение взятки квалифицируется как оконченное преступление вне зависимости от того, были ли ценности изъяты сразу после их принятия должностным лицом. Как это ни удивительно, данную рекомендацию суды трактуют буквально, вырывая из контекста. В результате действия лица квалифицируются как оконченное получение взятки, в то время как преступление объективно не было доведено до конца по не зависящим от виновного лица при-

¹ См., напр.: Волженкин Б. В. Указ. соч. С. 186 ; Любавина М. А. Комментарий к постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе» от 10 февраля 2000 г. № 6 / под ред. А. Н. Попова. СПб., 2012. С. 35—36 ; Уголовное право России. Особенная часть. В 2 т. Т. 2. Преступления против общественной безопасности и общественного порядка. Преступления против государственной власти. Преступления против военной службы. Преступления против мира и безопасности человечества : учебник для академического бакалавриата / под ред. О. С. Капинус. М., 2015. С. 349.

² Волженкин Б. В. Указ. соч. С. 230.

чинам, в частности, когда взятка фактически передана не была, хотя и в процессе осуществления оперативного эксперимента.

Так, Синарским районным судом г. Каменска-Уральского Свердловской области Е. был осужден по ч. 2 ст. 290 УК РФ. Е. и А., инспекторы ДПС, остановили автомобиль. Выявив у водителя Б. признаки алкогольного опьянения, предложили ему пройти медицинское освидетельствование. Б. предложил инспекторам ДПС деньги и попросил отсрочить время их передачи, передав им золотое кольцо-печатку как гарантию последующей передачи денег и назначив встречу для обмена кольца на деньги. При этом А. и Е. попросили их знакомого В. обменять кольцо на деньги. В., получив от Б. деньги, передал ему кольцо, после чего с деньгами скрылся от преследования сотрудников УСБ ГУВД по Свердловской области.

Изменяя приговор, Президиум Свердловского областного суда указал, что в качестве предмета взятки установлены денежные средства. При этом В., получив от Б. деньги, уехал, на ходу выбросив в окно автомобиля деньги. Таким образом, А. и Е. не получили даже часть суммы взятки, поэтому содеянное ими должно квалифицироваться как покушение на получение взятки¹.

Безусловно, такое буквальное толкование судами положений Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации не выдерживает критики. Содержание диспозиции ст. 290 УК РФ и разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации относительно объективной стороны рассматриваемого преступления являются общим правилом и не могут быть дезавуированы фактом проведения оперативно-розыскного мероприятия.

В судебной практике, помимо рассматриваемых нами ошибок квалификации преступлений, предусмотренных ст. 290 УК РФ, возникают случаи неправильной квалификации дачи взятки при отказе должностного лица в ее принятии².

Так, по приговору Азнакаевского городского суда Республики Татарстан от 31.08.2010 М. признан виновным в даче взятки со-

¹ Постановление Президиума Свердловского областного суда от 25.04.2012 [Электронный ресурс] // РосПравосудие : база судебных решений. URL : <https://rospravosudie.com/court-sverdlovskij-oblastnoj-sud-sverdlovskaya-oblast-s/act-106405676/> (дата обращения: 23.09.2015).

² См., напр.: Постановление Президиума Ростовского областного суда от 22.11.2012 [Электронный ресурс] // РосПравосудие : база судебных решений. URL: <https://rospravosudie.com/court-rostovskij-oblastnoj-sud-rostovskaya-oblast-s/act-107154264/> (22.09.2015).

труднику ГИБДД за возврат ранее изъятых у него водительского удостоверения.

Президиум Верховного Суда Республики Татарстан, изменяя приговор суда, указал, что сотрудник ГИБДД принять взятку отказался и денежные средства в виде взятки были переданы в ходе оперативного эксперимента.

Действия М. были преквалифицированы на ч. 3 ст. 30, ч. 2 ст. 291 УК РФ¹.

Таким образом, правильная квалификация дачи и получения взятки зависит как от толкования объективной стороны содеянного, так и от тщательного установления деталей преступления. При оценке деяния необходимо, в первую очередь, руководствоваться уголовным законом, а также основополагающими разъяснениями Пленума Верховного Суда Российской Федерации. Вместе с тем, по нашему мнению, существует немало недостатков в правоприменительной практике, связанных с установлением момента окончания получения и дачи взятки, в связи с чем необходимо дать более подробные разъяснения судам относительно стадий совершения получения и дачи взятки.

Д. А. ЖУЙКОВА,

*студентка Санкт-Петербургского юридического института (филиала)
Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации*

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

В настоящее время проблема противодействия коррупции особенно актуальна в связи с ежегодным увеличением уровня коррумпированности общества в мировом пространстве. Данная проблема требует конструктивных и незамедлительных решений. Однако до сих пор не удается государствам найти действенные способы, которые сокращали бы уровень коррупции в обществе. В связи с этим, на наш взгляд, можно выделить ряд вопросов, которые необходимо решить при поиске оптимальных путей противодействия коррупции, а также ряд проблемных моментов, связанных с ответственностью за коррупционные правонарушения.

¹ Постановление Президиума Верховного Суда Республики Татарстан от 23.03.2011 г. по делу № 44-у-136 [Электронный ресурс] // РосПравосудие : база судебных решений. URL : <https://rospravosudie.com/court-verhovnyj-sud-respubliki-tatarstan-respublika-tatarstan-s/act-103753090/> (дата обращения: 22.09.2015).

В российском законодательстве не определено понятие коррупционного преступления, соответственно нет признаков, которые создавали бы ясное представление о нем. В то же время нормы о коррупционных правонарушениях содержат различные нормативно-правовые акты: Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», Уголовный кодекс Российской Федерации, Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях. Наибольшее число норм зафиксировано в УК РФ, поэтому представляется целесообразным выделение аналогичного вида преступлений.

В приложении к Указанию Генеральной прокуратуры Российской Федерации № 744/11, Министерства внутренних дел Российской Федерации № 3 от 31.12.2014¹ уже определен перечень преступлений коррупционной направленности (Перечень № 23). Этот документ является внутриведомственным, но он применяется данными органами по отношению к другим государственным органам и должностным лицам. Разумным шагом в решении рассматриваемой проблемы будет закрепление перечня преступлений коррупционной направленности на федеральном уровне, что придаст большую значимость данному виду правонарушения. В этом случае будет упрощена процедура определения признаков коррупционного преступления, а сам термин пониматься в четко очерченном нормой законодательства смысле².

Под коррупционным преступлением можно понимать общественно опасное деяние, предусмотренное Уголовным кодексом Российской Федерации, посягающее на авторитет и законные интересы государственной власти, государственной, муниципальной и иной службы и выражающееся в противоправном извлечении лицом каких-либо благ или преимуществ для себя или других лиц либо в предоставлении благ или преимуществ из корыстной или иной личной заинтересованности³.

Исходя из данного определения, а также из вышеназванного Указания Генеральной прокуратуры Российской Федерации и Ми-

¹ Указание Генеральной прокуратуры Российской Федерации № 744/11, Министерства внутренних дел Российской Федерации от 31.12.2014 № 3 «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности».

² Мусаелян М. Ф. Совершенствование уголовной политики в сфере противодействия коррупции в Российской Федерации [Электронный ресурс] // Center Bereg : юридический портал. URL: <http://www/CenterBereg> (дата обращения: 12.09.2015).

³ Там же.

нистерства внутренних дел Российской Федерации, можно выделить ряд основных признаков коррупционного преступления:

1) субъектом коррупционного преступления являются должностные лица, указанные в примечаниях к ст. 285 УК РФ, лица, выполняющие управленческие функции в коммерческой или иной организации, действующие от имени и в интересах юридического лица, а также в некоммерческой организации, не являющейся государственным органом, органом местного самоуправления, государственным или муниципальным учреждением, указанные в примечаниях к ст. 201 УК РФ;

2) общественно опасное деяние субъекта данного преступления направлено на законные интересы государственной власти, государственной, муниципальной и иной службы;

3) преступление совершается только с прямым умыслом;

4) своими деяниями лицо извлекает какие-либо блага или имущества для себя, имеет место быть личная заинтересованность.

Одним из дискуссионных аспектов данного вида правонарушения является его субъектный состав. Субъектом коррупционного преступления является исключительно физическое лицо. Некоторые юристы считают, что необходимо установить уголовную ответственность для юридических лиц, но в настоящих условиях это неприменимо к нашему УК РФ, поскольку введение подобного института создаст серьезные трудности в правоприменительной практике и потребует пересмотра ряда норм УК РФ. Сейчас установлена административная ответственность юридических лиц за коррупционные правонарушения (ст. 19.28 КоАП РФ «Незаконное вознаграждение от имени юридического лица»). Кроме того, ратифицированная Российской Федерацией Конвенция ООН против коррупции 2003 г. содержит оговорку относительно ее ст. 26, в которой речь идет об ответственности юридических лиц.

Российская Федерация не ратифицировала ст. 20 данной Конвенции, поскольку она противоречит ст. 49 Конституции Российской Федерации и основополагающему принципу презумпции невиновности, а также отсутствует аналогичная статья в УК РФ.

Введение нормы об ответственности за коррупционные преступления необходимо не для признания их распространенным противоправным общественно опасным явлением и определения основания уголовной ответственности, а для того, чтобы принять меры для их минимизации и противодействия. Поэтому наряду с закреплением такого института в УК РФ необходимо устранить проблемы в практике правоприменения и усилить ответствен-

ность за подобные преступления правоохранительных органов, прокуратуры, судов с целью обеспечения общественной безопасности, законности и правопорядка, соответствующих направлениям деятельности данных органов, а также с целью восстановления доверия граждан к правоохранительной системе.

Больше всего коррупционных преступлений, по данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации, совершается в сфере реализации государственных и региональных программ, проведения торгов, а также контрольно-ревизионной и правоохранительной деятельности. Кроме того, в связи с продуктовым эмбарго, введенным Россией в 2014 году, факты коррупции выявлены среди чиновников Федеральной таможенной службы и Роспотребнадзора¹.

В марте 2015 года Всероссийским центром изучения общественного мнения был проведен опрос граждан Российской Федерации о состоянии коррупции в наиболее значимых сферах жизнедеятельности российского общества. Результаты опроса представлены на инфографике «Борьба с коррупцией: миссия выполняема?». Лидерами по разгулу коррупции, по мнению граждан Российской Федерации, являются ГИБДД (25 %) и местная власть (34 %)².

Статистика 2013 года свидетельствует о том, что среди чиновников, привлеченных к уголовной ответственности за преступления коррупционной направленности, примерно 1/3 составляют сотрудники МВД и следственных органов. По экспертным оценкам, примерно 20 % дел в судах разрешается коррупционным путем³. Предпосылкой к этому можно считать злоупотребление судами конституционным принципом независимости судей. Нельзя забывать, что он является важнейшей гарантией права граждан на

¹ О состоянии законности и правопорядка в 2014 году и о проделанной работе по их укреплению [Электронный ресурс] : доклад Генерального прокурора Российской Федерации на заседании Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. URL: http://genproc.gov.ru/smi/interview_and_appearances/appearances/723904/ (дата обращения: 10.09.2015).

² Борьба с коррупцией: миссия выполняема? [Электронный ресурс]. URL: <http://infographics.wciom.ru/theme-archive/politics/internal-policy/corruption/article/borba-s-korrupciei-missija-vypolnima.html> (дата обращения: 12.09.2015).

³ Гравина А. А. Противодействие коррупции в деятельности полиции и суда: опыт российского и зарубежного регулирования // Журнал российского права. 2013. № 5. С. 79.

судебную защиту, гарантией беспристрастности суда, через которую единственно возможно вынесение справедливого решения¹.

Говоря об эффективности нынешней ответственности за коррупционные преступления, следует обратить внимание на то, что ущерб от коррупции ежегодно растет, следовательно, для данного вида преступлений недостаточно мер, закрепленных в действующем законодательстве. В связи с этим проблему нужно решать путем установления более жестких рамок (мер наказания), а также путем повышения правовой культуры граждан.

В заключение отметим, что при закреплении коррупционного преступления в УК РФ необходимо конкретизировать состав данного вида преступления в полной мере, включая субъектов, виды преступления и ответственность. Урегулировав эти вопросы и установив меры ответственности, соответствующие степени и характеру общественной опасности преступления, которые заставят должностных лиц задуматься о том, надо ли совершать подобное преступление, можно говорить о повышении эффективности уголовного законодательства в данной сфере.

Наиболее важным аспектом является искоренение причин совершения коррупционных преступлений различными средствами. Однако претворить это в жизнь практически невозможно, следовательно, необходимо обратить внимание на меры предотвращения и пресечения данного вида правонарушения. При совершенствовании уголовного антикоррупционного законодательства необходимо опираться на международный опыт и судебно-следственную практику, выработать единый подход к определению коррупционного преступления и его признаков, а также устранить препятствия, возникающие при реализации антикоррупционного законодательства в правоприменительной деятельности.

В. Ц. ИДАМЖАПОВ,

*студент Института юстиции Уральского государственного
юридического университета*

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРОВОКАЦИИ ВЗЯТКИ

В последнее время особую актуальность приобретает вопрос провокации преступлений. Чаще всего это связано с провокацией получения взятки. Почти по каждому уголовному делу о взяточ-

¹ Макарова О. В. Конституционные гарантии правового положения судей // Журнал российского права. 2013. № 9. С. 17—23.

ничестве, утверждает А. А. Илюшин, возникает вопрос о провокации со стороны оперативных служб, о чем чаще всего заявляет пойманный с поличным корыстолюбивый чиновник¹. Вообще провокация взятки является разновидностью подстрекательства к даче или получению взятки, однако в силу различных уголовно-правовых последствий совершаемых провокации и подстрекательства к даче или получению взятки следует разграничивать данные составы преступлений. Для того чтобы верно квалифицировать содеянное сотрудниками оперативных служб и отграничить провокацию взятки от подстрекательской деятельности оперативников, необходимо разобраться в признаках преступления, предусмотренного ст. 304 УК РФ.

Объективная сторона данного состава преступления выражена в действиях, направленных на попытку передачи предмета взятки или коммерческого подкупа должностному лицу либо лицу, выполняющему управленческие функции в коммерческой или иной организации. Деяние, по разъяснению Пленума Верховного Суда Российской Федерации, считается оконченным с момента передачи имущества либо оказания услуг имущественного характера без ведома должностного лица или лица, выполняющего управленческие функции в коммерческой или иной организации, либо вопреки их отказу принять незаконное вознаграждение². В соответствии с диспозицией ст. 304 УК РФ лицо, пытавшееся передать предмет преступления, привлекается к уголовной ответственности: а) при наличии цели искусственного создания доказательств совершения преступления либо шантажа; б) при отсутствии согласия на принятие материальных ценностей или услуг имущественного характера либо отказе принять предмет взятки или коммерческого подкупа.

Для разграничения провокации взятки и подстрекательских действий сотрудников правоохранительных служб следует обратиться к постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.07.2013 № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях». По мнению Пленума Верховного Суда Российской Федерации, подстрекательские действия совершаются в нарушение требований ст. 5 Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об опера-

¹ Илюшин А. А. Оценка доказательств, полученных в результате ОРМ при выявлении взяточничества // Законность. 2013. № 7. С. 61.

² Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.07.2013 № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях».

тивно-розыскной деятельности» и состоят в передаче взятки или предмета коммерческого подкупа с согласия или по предложению должностного лица либо лица, выполняющего управленческие функции в коммерческой или иной организации, когда такое согласие либо предложение было получено в результате склонения этих лиц к получению ценностей при обстоятельствах, свидетельствующих о том, что без вмешательства сотрудников правоохранительных органов умысел на их получение не возник бы и преступление не было бы совершено. Данные положения соответствуют и практике Европейского Суда по правам человека¹. Провокация же взятки совершается без согласия должностного лица или лица, выполняющего управленческие функции в коммерческой или иной организации, либо вопреки их отказу принять незаконное вознаграждение. Провокацию взятки и подстрекательские действия оперативных служб объединяет отсутствие уголовной ответственности должностного лица или лица, выполняющего управленческие функции в коммерческой или иной организации.

Заслуживает внимания обсуждаемый в юридической литературе вопрос корректности содержания определения провокации взятки как «попытки передачи...». По верному замечанию Б. В. Волженкина, определение провокации взятки как «попытки передачи» совсем не означает отсутствие состава преступления, предусмотренного ст. 304 УК РФ, если провокация удалась и передача предмета провокации состоялась². Благодаря такому описанию преступления, с точки зрения Б. В. Волженкина, законодатель просто переносит на более раннюю стадию момент окончания преступления, не связывая, таким образом, состав провокации взятки с той или иной реакцией провоцируемого лица. Оконченным составом, по мнению ученого, можно считать и случаи совершения провокации, при которых должностное лицо либо лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой или иной организации, отказалось принять предмет преступления. Однако заметим, что если передача предмета преступления состоялась, то возможны следующие значимые с позиций уголовного права последствия: в первом случае, если передача благ состоялась ввиду согласия самого должностного лица или лица, осуществляющего управленческие или иные функции в коммер-

¹ Постановление ЕСПЧ от 05.02.2008 по делу «Раманаускас против Литвы».

² Волженкин Б. В. Допустима ли провокация как метод борьбы с коррупцией // Российская юстиция. 2001. № 5. С. 43.

ческой организации, то исключается квалификация по ст. 304 УК РФ (поскольку, исходя из смысла закона, выраженное чиновником согласие на получение предмета преступления и его последующее принятие полностью исключают возможность достижения лицом, передающим соответствующие ценности, предоставляющим услуги, цели искусственного создания доказательств совершения преступления или шантажа); во втором случае, если передача благ состоялась по замыслу провокатора и при этом без согласия и ведома провоцируемого лица либо несмотря на его отказ, то виновные должны нести уголовную ответственность по ст. 304 УК РФ. Кроме того, в упомянутом Постановлении Пленум Верховного Суда Российской Федерации исходит из того, что провокация взятки окончена с момента передачи соответствующих благ, а не с «попытки передачи», как разъяснял Пленум Верховного Суда Российской Федерации в 2000 году¹.

На наш взгляд, стоит обратить внимание на конструкцию статьи 304 УК РФ и ее логическое содержание. Следует выразить солидарность с П. С. Яни в том, что провокатор не должен предлагать принять взятку: «... ведь его целью является опорочивание человека, не являющегося взяточником, во всяком случае, не требующего в этом случае взятку и не соглашающегося ее принять»². В случае если провокатор предложил должностному лицу принять взятку, рассчитывая при этом на его согласие и дальнейшую возможность его задержания, то провоцирующее лицо не может иметь цели искусственного создания доказательств (потому что в данном случае «искусственные» доказательства соответствуют действительным), а действия должностного лица квалифицируются как покушение на получение взятки. Также совершенно справедливой представляется мысль о том, что само достижение целей искусственного создания доказательств совершения преступления либо шантажа в состав преступления не входит. И так как признаком преступления является лишь «стремление к цели, но не ее достижение», то преступление считается оконченным до получения должностным лицом имущества в обладание (до окончания исполнения имущественной услуги)³. Поэтому представляется не совсем удачной формулировка «попытка передачи»,

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10.02.2000 № 6 «О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе».

² Яни П. С. Провокация взятки // Законы России: опыт, анализ, практика. 2007. № 1. С. 95.

³ Там же.

более корректным по смысловому значению является оборот «имитация дачи взятки», под которой нужно понимать акт технической передачи предмета преступления (например, тайное подбрасывание денег, зачисление втайне от должностного лица денежных средств на открытый на его имя счет).

Более того, по нашему мнению, произошло «размывание» смысла из-за неудачной формулировки наименования и диспозиции ст. 304 УК РФ: в сущности, то, что мы имеем в указанной статье, есть имитация дачи взятки или коммерческого подкупа, а не провокация, поскольку значение слова «провокация» состоит в действиях, направленных на получение ответной желаемой и предсказуемой реакции. Такая реакция вызывается лишь подстрекательскими действиями оперативных сотрудников: согласие или предложение должностного лица либо лица, выполняющего управленческие функции в коммерческой или иной организации, получают только в результате склонения этих лиц к получению соответствующих ценностей. Провокация же по ст. 304 УК РФ совершается без согласия чиновников, т. е. никакой требуемой, желаемой и предсказуемой реакции оперативники не получают.

Таким образом, можно заключить, что наименование и содержание ст. 304 УК РФ нуждаются в переосмыслении и более качественном законодательном урегулировании в силу того, что содержание статьи не соответствует ее названию. Представляется более логичным наименование ст. 304 УК РФ «Имитация дачи взятки или коммерческого подкупа», а провокацией следует называть подстрекательские провокационные действия оперативных сотрудников, направленные на возбуждение желания у чиновников получить оговоренные ценности.

А. А. КИРПИКОВА, А. Г. КАШХЧЯН

*студенты Волго-Вятского института (филиала)
Московского государственного юридического университета
им. О. Е. Кутафина*

К ВОПРОСУ О РЕАЛИЗАЦИИ МЕР ПО АНТИКОРРУПЦИОННОЙ УСТОЙЧИВОСТИ СУДЕЙ

Коррупция — проблема всего общества, и она как раковая опухоль поражает все новые и новые сферы общественной и государственной деятельности, тем самым подрывая авторитет власти в глазах населения. Наибольшую опасность представляет коррупция в судебной системе, поскольку право на судебную защиту является одним из постулатов Конституции Российской

Федерации и затрагивает жизнь каждого члена социума. Не случайно ряд конституционных положений посвящен именно гарантиям независимости судей. В этой связи целесообразно задаться вопросом: доверяет ли общество судебной власти?

Если обратиться к социологическим данным, то еще в 2005 году при исследовании вопроса о коррупции в судах 49 % опрошенных указали на ее наличие. При этом 22 % граждан, давая такой ответ, сослались на собственный опыт присутствия в судах, а 2 % — на личное участие в таких поступках¹. И в последующие годы подобные исследования подтвердили наличие коррупции в судах. Так, социологический опрос, проведенный в 2007 году по инициативе Верховного Суда Российской Федерации, выявил следующую картину: 22 % опрошенных убеждены в коррумпированности судов, 42 % считают, что судьи берут, но не у всех².

Законодателем были приняты соответствующие меры. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» закрепил основные принципы противодействия коррупции, а также организационно-правовые основы предупреждения и борьбы с ней. Так, согласно п. 9 ст. 7 указанного Федерального закона одним из основных направлений деятельности государственных органов по повышению эффективности противодействия коррупции является неукоснительное соблюдение принципов независимости судей и невмешательства в судебную деятельность.

Пункт 2.1 ст. 6 Федерального закона от 25.12.2008 № 273-ФЗ в качестве одной из мер по профилактике коррупции закрепил рассмотрение в федеральных органах государственной власти, органах государственной власти субъектов Российской Федерации, органах местного самоуправления, других органах, организациях, наделенных федеральным законом отдельными государственными или иными публичными полномочиями, не реже одного раза в квартал вопросов правоприменительной практики по результатам вступивших в законную силу решений судов, арбитражных судов о признании недействительными ненормативных правовых актов, незаконными решений и действий (бездействия) указанных органов, организаций и их должностных лиц в целях выработки и

¹ Отчет по итогам реализации проекта «Социологическое исследование по изучению отношения граждан Российской Федерации к деятельности органов судебной власти». М., 2005. С. 30, 83, 84.

² Российская газета. 2007. 26 апр.

принятия мер по предупреждению и устранению причин выявленных нарушений.

Как видно из приведенных норм, о понятии «антикоррупционная устойчивость» не говорится ни слова. Между тем мнение граждан не изменилось. Согласно исследованию Фонда «Общественное мнение», проведенному в 2013 года, россияне не доверяют судам: 67 % опрошенных уверены, что большинство судей берут взятки, лишь 12 % называли их честными и неподкупными, а 21 % затруднились ответить¹.

Из этих данных можно сделать вывод о том, что в отечественной судебной системе существует проблема доверия граждан к выносимым судами решениям и деятельности судов в целом.

Одной из основных причин данной проблемы, на наш взгляд, является неустойчивость к коррупционному давлению судебного корпуса. Федеральный судья в отставке Сергей Пашин считает, что в судах давно следовало навести порядок. «Проблема слишком глубоко проникла в эту систему, — продолжает он. — А равнодушие в судах достигло высшей степени»². Ему вторит председатель Конституционного Суда Российской Федерации Валерий Зорькин: «Исследования показывают, что суды весьма уязвимы для коррупционной атаки со стороны бизнеса. Мздоимство в судах стало одним из самых мощных коррупционных рынков в России. Судебная коррупция встроена в различные коррупционные сети, действующие на разных уровнях власти, например, в сети по развалу уголовных дел и по перехвату чужого бизнеса»³.

Однако случаев осуждения по этой категории дел практически нет: в 2012 году зарегистрировано 49 513 (в 2011 году — 40 407, + 22,5 %) преступлений коррупционной направленности. Следственными органами Следственного комитета Российской Федерации за совершение коррупционных преступлений привлечено к уголовной ответственности 7 433 лица, из них два судьи⁴. За кор-

¹ URL: <http://fom.ru> (дата обращения: 12.09.2015).

² Антикоррупционный журнал : электрон. журнал. 2014. URL: <http://askjournal.ru/materialy/item/prezident-rf-predlagaet-borotsya-s-korruptciej-v-sudah> (дата обращения: 13.09.2015).

³ Суды выясняют отношения [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dni.ru/news/polit/2004/10/28/51818.html> (дата обращения: 13.09.2015).

⁴ Статистические и аналитические материалы о состоянии работы по выявлению коррупционных преступлений, следствия и прокурорского надзора за уголовно-процессуальной деятельностью правоохранительных органов в сфере борьбы с коррупцией в 2012 г. [Электронный ресурс] // Генеральная прокуратура Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <http://genproc.gov.ru/anticor/doks/document-81540/> (дата обращения: 14.09.2015).

рупционные преступления, а именно за получение взятки, осуждено четыре бывших судьи и за вынесение заведомо неправосудного приговора также четыре бывших судьи судов общей юрисдикции¹. Подобное несоответствие между данными официальной статистики и данными, полученными в ходе социологических исследований, приводит к выводу, что цифры официальной статистики не отражают реальную ситуацию в судах, а данный вид преступности относится к категории латентных.

Разработчики Федеральной целевой программы развития судебной системы России на 2013—2020 годы приняли решение больше не проводить опросы граждан, доверяют ли они судам или нет; социологам предстоит лишь выяснить, сколько граждан считают организацию работы судов неудовлетворительной и сколькоим недостает информации о деятельности судов².

Вопросы антикоррупционной устойчивости судей широко исследуется как в юриспруденции, так и в психологии. Под антикоррупционной устойчивостью следует понимать системное свойство личности, проявляющееся в способности противостоять коррупционному давлению и осуществлять выбор между криминальным и законопослушным поведением в пользу последнего³.

Для формирования антикоррупционной устойчивости необходимы минимизация таких психологических качеств, как цинизм, меркантильность, фрустрация, и наличие у личности таких качеств, как высоконравственность, дисциплинированность, объективность, самоконтроль. Но для этого следует создать соответствующие благоприятные антикоррупционные условия, а именно: совершенствовать законодательство, которое содержит достаточное количество так называемых коррупционных норм.

В научной литературе отмечается, что отсутствие последовательной правовой политики, слабое планирование законодательной деятельности, ее бессистемность приводят к тому, что правовые акты изобилуют коллизиями, пробелами, содержат «коррупционные нормы», а также не соответствуют правилам юридиче-

¹ Барщевский М. Рассудим честно. Тысячи раскрытых дел по коррупции не совпадают с судебной статистикой // Российская газета—Неделя. 2013. 21 февр.

² Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 03.12.2014 (дата обращения: 14.09.2015).

³ Ванновская О. В. Личностные детерминанты коррупционного поведения // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. 2009. № 102. С. 323—328.

ской техники¹. Помимо этого, нечеткость или двусмысленность норм, дублирование или чрезмерная вариативность предписаний провоцируют коррупционные риски в самых разных сферах, поскольку создают поле для произвола со стороны правоприменителей. Предлагается постоянно добиваться строгого соблюдения правил юридической техники, усиливать экспертное сопровождение законодательного процесса и расширять поле для общественной дискуссии по ключевым законопроектам².

На коррупционную устойчивость в судебном аппарате могут влиять различные факторы и формы давления на судей со стороны государственных органов, вышестоящих судебных органов. Сюда можно отнести и организационные факторы, например систему распределения дел между судьями, организационно-управленческие вопросы. Кроме того, необоснованно большой диапазон ряда статей Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации устанавливает широкое, но не всегда, на наш взгляд, необходимое судебское усмотрение. Например, ст. 290 УК РФ в качестве санкции предусматривает штраф в размере от десятикратной до пятидесятикратной суммы взятки. Юридическая ответственность судей имеет прямое влияние на антикоррупционную устойчивость, однако институт дисциплинарной ответственности содержит неурегулированные пробелы. Проблема в том, что председатель суда одновременно с полномочиями по выдвижению дисциплинарных обвинений имеет право их безмотивного отзыва, а также отсутствует законодательно закреплённая обязанность квалификационной коллегии судей рассмотреть выдвинутое обвинение по существу во всех случаях. Уголовная ответственность в порядке главы 52 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации также содержит пробелы и противоречия.

Казалось бы, решение данной проблемы уже существует на законодательном уровне. Так, в апреле 2014 года вступил в силу Указ Президента Российской Федерации от 11.04.2014 № 226 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2014—2015 годы». Но данный Указ не находит своего практического применения в отношении судей. Стоит заметить, что в Национальном плане противодействия коррупции на 2014—2015 годы содержится предложение, адресованное Верховному Суду Рос-

¹ Черепанова Е. В. Обеспечение планирования правового мониторинга // Журнал российского права. 2013. № 4. С. 59—64.

² Цирин А. М., Черепанова Е. В., Тулинова О. А. Современные стандарты и технологии противодействия коррупции // Журнал российского права. 2014. № 7. С. 143—171.

сийской Федерации и Судебному департаменту при Верховном Суде Российской Федерации, создать подразделения, координирующие мероприятия по противодействию коррупционным правонарушениям в судебском корпусе и аппаратах судов.

Утвержденный Президентом Национальный план противодействия коррупции является уже четвертым подобным документом. Первый Национальный план противодействия коррупции был утвержден в бытность Президента Дмитрия Медведева в июле 2008 года и рассчитан на 2008 и 2009 годы. За ним последовали Национальные планы на 2010—2011 и 2012—2013 годы. Представляется, что очередной План имеет рекомендательное значение, в силу чего не может быть реализован.

Полагаем, что подзаконного регулирования недостаточно, выходом из данной ситуации могло бы послужить принятие федерального закона о противодействии коррупции в судах, в котором должны найти свое воплощение основные положения Указа Президента Российской Федерации. Механизм реализации противодействия коррупции должен развиваться через увеличение контроля над решениями судебных органов и ужесточение наказания в отношении судей на основе принципов прозрачности и эффективности, также возможно увеличение дел, рассматриваемых с участием присяжных заседателей. Кроме того, для формирования антикоррупционной устойчивости судебного корпуса необходимо действовать системно, поэтому помимо создания благоприятных антикоррупционных условий считаем, что в качестве эксперимента следует разработать методику оценки антикоррупционной устойчивости для отбора кандидатов на должность судьи, включая психологические тесты. Также целесообразно законодательно закрепить обязательное тестирование кандидатов на полиграфе.

С учетом независимости судебной власти и ее значимого положения в борьбе с коррупцией требуется в первую очередь уменьшение коррупции в судебной системе без ущерба принципу независимости судебных органов. Необходимо принимать меры по укреплению честности и неподкупности судей и работников судебной системы, недопущению любого постороннего давления как возможности для коррупции среди них.

В. Н. КИЧКИНЕВ,

*студент Санкт-Петербургского юридического института (филиала)
Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации*

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ КВАЛИФИКАЦИИ ПО ст. 177 УК РФ «ЗЛОСТНОЕ УКЛОНЕНИЕ ОТ ПОГАШЕНИЯ КРЕДИТОРСКОЙ ЗАДОЛЖЕННОСТИ»

Злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности, ответственность за которое предусмотрена ст. 177 УК РФ, помещенной в разделе, посвященном преступлениям в сфере экономики, является разновидностью коррупционных преступлений.

Актуальность исследования коррупционных преступлений состоит в том, что данные преступления, хотя и относятся к экономическим, на самом деле наносят вред всему обществу, так как они затрудняют нормальные отношения гражданского оборота и функционирование налоговой системы государства в целом.

По поводу непосредственного объекта данного преступления вопросов не возникает. В научной литературе и законодательстве он определяется как отношения в кредитно-денежной сфере. Разногласия связаны с дополнительным объектом. В Методических рекомендациях по выявлению и расследованию преступлений, предусмотренных статьями 177 Уголовного кодекса Российской Федерации (злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности) Федеральной службы судебных приставов от 21.08.2013 № 04-12 говорится, что «дополнительный объект — общественные отношения, обеспечивающие исполнение вступившего в законную силу решения суда и иного судебного акта».

Предметом следует считать кредиторскую задолженность в крупном размере (согласно примечанию к ст. 169 УК РФ задолженностью в крупном размере признается задолженность в сумме, превышающей 1 млн 500 тыс. р.) или ценные бумаги. Необходимо определить содержание понятий, для того чтобы правильно применить эту норму.

Законодатель четко регламентирует положения, касающиеся ценных бумаг. Вопросы возникают при определении понятия кредиторской задолженности, которой законодатель не дает легальной дефиниции. Под кредиторской задолженностью следует понимать денежные средства, временно привлеченные физическим или юридическим лицом и подлежащие возврату лицам, у которых они заимствованы и которым они не выплачены.

По объективной стороне злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности включает: невыполнение вытекающей из договоров обязанности погасить кредиторскую задолженность в крупном размере или оплатить ценные бумаги (действие или бездействие); злостность уклонения; признание обязанности по погашению кредиторской задолженности в крупном размере или обязанности оплатить ценные бумаги вступившим в законную силу судебным решением.

Что считать злостным уклонением? Законодатель не дает определения этому понятию. В научной литературе существуют различные точки зрения на эту проблему. Но нам следует придерживаться позиций, изложенных в Методических рекомендациях по выявлению и расследованию преступлений, предусмотренных статьей 177 Уголовного кодекса Российской Федерации (злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности).

Субъектом преступления, предусмотренного ст. 177 УК РФ, являются руководитель (директор, начальник, управляющий и т. п.), а равно лицо, исполняющее обязанности руководителя коммерческой или некоммерческой организации любой формы собственности, а также достигший шестнадцатилетнего возраста гражданин, являющийся должником, в том числе не обязательно занимающийся предпринимательской деятельностью.

Преступление, предусмотренное ст. 177 УК РФ, характеризуется виной в виде прямого умысла. Лицо осознает, что злостно уклоняется от погашения кредиторской задолженности в крупном размере или от оплаты ценных бумаг, и желает этого. Мотивы и цели не имеют значения для квалификации.

Таким образом, затруднения при квалификации деяния по ст. 177 УК РФ, связаны с нечетко определенной законодателем терминологией. Правоприменителю необходимо руководствоваться названными Методическими рекомендациями Федеральной службы судебных приставов и детально доказывать факт именно злостного уклонения.

В. В. КУДРЯШЕВА,

*студентка Новгородского государственного университета
им. Ярослава Мудрого*

ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ

Проблемы противодействия коррупции в профессиональной деятельности преподавателей высших учебных заведений являются довольно актуальными в настоящее время. Для начала нужно определить, что же такое коррупция.

Коррупция это:

злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами¹.

Коррупция подразумевает наличие определенных механизмов борьбы с ней.

Противодействие коррупции — деятельность федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, институтов гражданского общества, организаций и физических лиц в пределах их полномочий:

а) по предупреждению коррупции, в том числе по выявлению и последующему устранению причин коррупции (профилактика коррупции);

б) по выявлению, предупреждению, пресечению, раскрытию и расследованию коррупционных правонарушений (борьба с коррупцией);

в) по минимизации и (или) ликвидации последствий коррупционных правонарушений².

Для коррупции мотивом выступает получение какой-либо выгоды, как для стороны, дающей взятку, так и для стороны, получающей ее. Из этого следует, что коррупционные преступления — это корыстные преступления. А как многие корыстные преступления они хорошо продуманы и сторонами предпринимаются меры предосторожности для их сокрытия.

Коррупция опасна тем, что она оказывает негативное влияние на развитие экономической, социальной инфраструктуры.

Чтобы решить проблемы противодействия такому явлению, как коррупционные преступления, нужно выяснить первопричину данного явления.

¹ Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции».

² Там же.

Вследствие коррумпированности значительной части государственных и муниципальных служащих граждане, по сути, вытесняются из различных сфер бесплатных обязательных услуг в области образования, здравоохранения, социального обеспечения.

Одной из проблем противодействия коррупции в профессиональной деятельности преподавателей является низкий уровень мер по предупреждению данного рода преступлений. Это связано с тем, что разработка методов предупреждения данной преступности очень сложна.

Противодействие коррупции представляет собой деятельность федеральных органов государственной власти, а также органов государственной власти субъектов Российской Федерации. Затрудняется это деятельность тем, что коррумпированными оказываются структуры, которые, наоборот, должны способствовать раскрытию, а не сокрытию коррупционных преступлений.

Проблемы заключаются и в том, что точечное воздействие на коррумпированные структуры не даст никаких результатов, нужна система комплексных мер, которые бы затронули все сферы жизни.

Есть необходимость в создании норм, методов, направленных на предупреждение преступности. Чтобы избавиться от такой проблемы, как коррупция, или хотя бы уменьшить уровень коррумпированности в государстве, нужны четкие и комплексные меры по предупреждению данного рода преступлений. Если развивать только методы борьбы с уже существующим фактом совершения данных противоправных деяний, это не может способствовать искоренению коррупции. Нужно установить, что же явилось первопричиной существования данных преступлений и решать проблему в корне.

А. И. ПАШКИН, Н. А. СПИРИНА,

*студенты Санкт-Петербургского юридического института (филиала)
Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации*

НЕЦЕЛЕВОЕ РАСХОДОВАНИЕ БЮДЖЕТНЫХ СРЕДСТВ: ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ

Проблемы квалификации преступлений остаются актуальными и являются предметом пристального внимания ученых. Юридической основой для квалификации преступлений служат объективные и субъективные признаки, определенные в уголовном законе.

Одна из проблем при квалификации нецелевого расходования бюджетных средств, ответственность за которое предусмотрена ст. 285.1 УК РФ, связана с бланкетностью нормы, отсылающей нас к нормативным актам бюджетного законодательства. В связи с этим при квалификации данного деяния необходимо применять не только предписания уголовного закона, но и положения актов бюджетного законодательства.

Как правило, при квалификации нецелевого расходования бюджетных средств ссылка на конкретные предписания бюджетного законодательства, раскрывающие содержание диспозиции состава преступления, предусмотренного ст. 285.1 УК РФ, не является обязательной. Однако при этом нормативный акт бюджетного законодательства не утрачивает значения источника уголовно-правовой нормы об ответственности за нецелевое расходование бюджетных средств.

Ряд ученых считает, что назрела необходимость определения критериев, опираясь на которые правоприменитель мог бы отграничивать целевое использование бюджетных средств от нецелевого. Так, в правоприменительной практике очень часто перемещение финансовых средств в течение финансового года с одного кода экономической группы, подгруппы на другой код экономической или функциональной классификации ошибочно оценивают как действия, противоречащие бюджетному законодательству, и квалифицируют как нецелевое расходование бюджетных средств¹.

В связи с этим существует мнение, что диспозицию ст. 285.1 УК РФ необходимо дополнить словами: «... средств на цели, не связанные с осуществлением государственных задач и функций, а также выполнением при выделении средств общественно необходимых работ ...»².

Также существует мнение, что вносить изменения в саму диспозицию не стоит, так как уголовно-правовая норма не должна быть похожа на комментарий. В целях недопущения ошибок при отграничении нецелевого расходования бюджетных средств от целевого В. Г. Саркисянц предлагает использовать научное

¹ Саркисянц В. Г. К вопросу о совершенствовании уголовно-правовых норм, направленных на борьбу с нецелевым расходование бюджетных средств и средств государственных внебюджетных фондов [Электронный ресурс] // Российский следователь. 2007. № 7. С. 19—20. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант -Плюс».

² Устинов С. Что понимать под нецелевым расходованием бюджетных средств? // Законность. 2004. № 7. С. 30—31.

обобщение судебной практики, результаты которого должны доводиться до правоприменителя.

Важно помнить, что уголовная ответственность по ст. 285.1 УК РФ наступает при нецелевом расходовании средств, поступивших получателю лишь из бюджета соответствующего уровня (федерального, регионального или местного), но не из иных источников финансирования. Так, по конкретному делу Военная коллегия Верховного Суда Российской Федерации, отменив приговор в части осуждения бывшего начальника Главного управления МЧС России по Свердловской области за нецелевое расходование бюджетных средств, указала, что перечисление должностным лицом денежных средств, пожертвованных компанией ЗАО <...> Главному управлению МЧС для приобретения специальной пожарной техники, на иные цели, а именно на инвестирование строительства квартиры, состава преступления, предусмотренного ст. 285.1 УК РФ, не образует. Поступившие от ЗАО <...> денежные средства в состав доходов бюджета при составлении, утверждении и исполнении федерального бюджета не включались, были перечислены в Главное управление МЧС не в качестве бюджетных средств. На счет Главного управления МЧС денежные средства поступили из внебюджетного источника¹.

Еще одна проблема заключается в использовании законодателем в диспозиции ст. 285.1 УК РФ термина «бюджетные средства», содержание которого не раскрывается, что создает трудности в его толковании. Если обратиться к Бюджетному кодексу Российской Федерации и многим другим нормативно-правовым актам, регулирующим финансово-бюджетные отношения, то в них также не раскрывается понятие данного термина. Вместе с тем, как справедливо отмечает Д. Л. Комягин, «четкая установленная законом дефиниция категории “бюджетные средства” была бы весьма полезна для разрешения значительного количества споров...»².

В научной литературе по экономической теории, а также финансовому праву под средствами бюджетов понимают содержащиеся в бюджете с указанием объемов и целевого назначения доходы, расходы, полномочия на принятие обязательств³. В уго-

¹ Определение Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 13.11.2008 № 3-45/08.

² Комягина Д. Л. Проблемы определения бюджетных средств // Налоговый вестник. 2000. № 10. С. 28.

³ Комягин Д. Л. Основания для применения мер принуждения за нарушения бюджетного законодательства и правонарушения в бюджетной сфере // Финансовое право. 2007. № 2. С. 14.

ловно-правовой литературе единства взглядов при толковании словосочетания «бюджетные средства» нет.

Следует также отметить, что в юридической литературе одни авторы ограничиваются лишь указанием, что предмет преступления, предусмотренного ст. 285.1 УК РФ, — бюджетные средства, никак не раскрывая содержание этого термина, а другие вовсе не упоминают предмет этого преступления.

В статье 6 Бюджетного кодекса Российской Федерации доходы бюджета определяются как поступающие в бюджет денежные средства, за исключением средств, являющихся источниками финансирования дефицита бюджета, а расходы бюджета — как выплачиваемые из бюджета денежные средства, за исключением средств, являющихся источниками финансирования дефицита бюджета. Таким образом, доходы и расходы бюджета — это и есть бюджетные средства, которые в совокупности, по большей части, составляют денежный фонд государства — бюджет. Учитывая вышесказанное, следует согласиться с определением бюджетных средств для уголовно-правовых отношений как средств бюджетов различных уровней, за исключением средств государственных внебюджетных фондов¹.

В юридической литературе имеется мнение, что в большей степени данная статья УК РФ создает неоправданную конкуренцию с иными нормами Особенной части, нежели способствует решению практических вопросов привлечения к уголовной ответственности². Это связано с тем, что ст. 285.1 УК РФ имеет немало общих признаков с другими составами преступлений, такими как нецелевое расходование средств государственных внебюджетных фондов (ст. 285.2 УК РФ), злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ), мошенничество (ст. 159 УК РФ), присвоение или растрата (ст. 160 УК РФ), нецелевое использование государственного целевого кредита (ч. 2 ст. 176 УК РФ), что создает трудности в разграничении смежных составов преступлений.

Таким образом, с целью исключения неверной квалификации преступления, предусмотренного ст. 285.1 УК РФ, законодателю необходимо определить критерии нецелевого использования бюджетных средств, а также разъяснить термин «бюджетные

¹ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. В. М. Лебедева. М., 2014. 1086 с.

² Лапшин В. Ф. Соотношение финансовых преступлений и деяний, предусмотренных ст. 285.1—285.2 УК РФ [Электронный ресурс] // Российский следователь. 2008. № 23. С. 19—21. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

средства», учитывая взаимосвязь норм бюджетного и уголовного законодательства.

Е. В. РОДИМКИНА,

*студентка Санкт-Петербургского юридического института (филиала)
Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации*

ПРИЧИНЫ КОРРУПЦИИ КАК СОЦИАЛЬНОГО ЯВЛЕНИЯ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ПРАВОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Коррупция — это, пожалуй, одно из наиболее распространенных криминальных явлений в экономической сфере, точнее, в сфере теневой экономики, наряду с отмыванием денежных средств, полученных полузаконным или незаконным путем. Только понимание проблемы, уяснение ее причин позволяет найти и закрепить систему эффективных методов противодействия коррупции.

Чтобы создать функциональную систему противодействия коррупции, необходимо изначально разобраться с понятием, которым будем в дальнейшем оперировать. В научном мире дается множество доктринальных и околонаучных толкований данного термина, но законодатель юридически закрепил следующее: «Коррупция: а) злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами; б) совершение деяний, указанных в подпункте “а” настоящего пункта, от имени или в интересах юридического лица»¹.

В. В. Лунеев — доктор юридических наук, профессор — пишет о том, что «коррупция не сводится к примитивному взяточничеству, особенно в условиях рыночной экономики, свободной торговли и демократии. Лоббизм, фаворитизм, протекционизм, взносы на политические цели, традиции перехода политических лидеров и государственных чиновников на должности почетных президентов корпораций и частных фирм, инвестирование ком-

¹ Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции».

мерческих структур за счет госбюджета, перевод государственного имущества в акционерные общества, использование связей преступных сообществ и т. д. являются завуалированными формами коррупции»¹.

Опасность данного явления заключается в угрозе национальной безопасности, в том числе и экономической. Она, коррупция, дает почву для взращивания правового нигилизма. Недоверие населения, разрыв между правовыми актами и действительностью, неуплата налогов, рост бюрократизма — это тот минимальный ущерб, который понесет государство.

Определяя сущность явления, необходимо изначально очертить его специфические признаки. Прежде всего это чрезвычайно латентный характер явления², что затрудняет выявление данных преступлений³. Объектом посягательства всегда выступают «интересы государственной и муниципальной службы в конкретной сфере деятельности, мотивом — только корысть»⁴. Следующим признаком является перевод бесплатных институтов в платные (здесь затрагиваются институты области здравоохранения, образования и т. д., именно они серьезным образом подвержены негативным тенденциям, что также существенно влияет на социальную обстановку в государстве.

Последний аспект коррупции — нравственное здоровье общества или толерантность общества к коррупции. Данный механизм имеет не только долгосрочный, но и саморазрушающийся характер, поскольку чем ниже нравственные барьеры коррупции (и

¹ Лунеев В. В. Понятие коррупции в российском законодательстве и юридической литературе [Электронный ресурс]. URL: <http://journals.tsu.ru/uploads/import/872/files/359-106.pdf> (дата обращения: 15.09.2015).

² По данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации, в 2014 году по сравнению с 2013 годом на 24 % снизилось число выявленных преступлений экономической направленности. Число преступлений, предусмотренных ст. 290 УК РФ (получение взятки), снизилось на 11,4 % (с 6 710 до 5 945). Число преступлений, предусмотренных ст. 291 УК РФ (дача взятки), увеличилось на 21,9 % (с 4 811 до 5 866) [Электронный ресурс] // Генеральная прокуратура Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <http://genproc.gov.ru/upload/iblock/581/2014.pdf> (дата обращения: 05.09.2015).

³ Артемьева М. В. Коррупция и коррупционные преступления [Электронный ресурс] // Юридическая наука. 2011. № 1. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/korruptsiya-i-korruptsionnye-prestupleniya> (дата обращения: 29.09.2015).

⁴ Коррупция в России. Россия в коррупции. Есть ли выход? [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cemi.rssi.ru/publication/preprint/Препринт-309.pdf> (дата обращения: 20.09.2015).

выше толерантность к ней), тем больше распространяется коррупция в обществе¹.

Сложность исследования причин коррупционной преступности заключается в многообразии видов противоправных деяний, различном уровне и разнохарактерном влиянии на последствия. Следует обратить внимание на заметный разброс мнений в научном мире по поводу данной проблематики. Ученые высказывают те или иные доводы, но наиболее популярными являются следующие: 1) отсутствие достаточно жесткого правового регулирования поведения должностных лиц при исполнении своих обязанностей; 2) отсутствие системы персонифицированных реально действующих санкций за превышение должностных полномочий в различных органах государственной власти; 3) пробелы в законодательстве, позволяющие осуществлять злоупотребление полномочиями; 4) неразработанность мер превентивного, упреждающего характера по отношению к потенциальным правонарушителям; 5) включает все это правовая неграмотность граждан.

Говоря о первой причине, необходимо отметить, что существуют различного рода локальные акты, такие как должностные инструкции, но они лишь формально закрепляют должностные обязанности, не оговаривая режима правового регулирования.

Касаясь отсутствия системы эффективных санкций, можно заметить, что даже если и существуют таковые, то а) их количество крайне ограничено, б) санкции формальны и не причиняют какой-либо серьезный вред лицу, совершившему акт коррупционной деятельности.

Пробелы в законодательстве, это, пожалуй, одна из универсальных причин отсутствия эффективного противодействия противоправным явлениям. Законодатель должен постоянно осуществлять мониторинг законодательства, выявлять и восполнять пробелы в нем. Его продуктивная работа должна стать залогом успешной борьбы с коррупцией.

Продуктивная работа имеет своей частью закрепление в праве норм предупредительного характера. Именно их правоприменитель должен использовать чаще всего, так как, предупредив совершение общественно опасного деяния, коим является коррупция, он — правоприменитель — обеспечит основы национальной

¹ Коррупция: основные тенденции противодействия [Электронный ресурс]. URL: [http://sibac.info/images/monografy/Mono_Andreeva\(korrup_osn_tend\).pdf](http://sibac.info/images/monografy/Mono_Andreeva(korrup_osn_tend).pdf) (дата обращения: 29.09.2015).

безопасности, заложит фундамент правосознания граждан, укрепит доверие их к государству и государственному аппарату.

Завершает перечень одна из злободневных проблем современности — правовая неграмотность граждан. Люди, не зная своих прав, стараются не вступать в открытое противостояние с коррупционерами. Долгие судебные тяжбы, неясность ближайших последствий — все это останавливает гражданина на пути борьбы с коррупцией. Устоявшийся стереотип, что «все сойдет с рук», только предстоит искоренить из сознания людей. Необходимо разрабатывать государственные программы, методики и системы, которые позволят четко, в короткие сроки, начиная с азов, ознакомить граждан с их правами в той или иной сфере взаимодействия с государственными органами.

Таким образом, можно заключить, что причины такого разностороннего явления, как коррупция, содержат в себе направление работы как законодателя, так и правоприменителя. Выявление и устранение причин этого общественно опасного явления — одна из первых задач государства на сегодняшний день, так как в этом уже залог успешного противодействия коррупции.

А. В. САРАФАНОВ,

*студент Академии Генеральной прокуратуры
Российской Федерации*

ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И НАКАЗАНИЯ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ КОРРУПЦИОННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Преступления коррупционной направленности характеризуются повышенной опасностью как для общества, так и для государства. Б. В. Волженкин писал: «Представляется правильным более широкое понимание коррупции как социального явления, не сводящегося только к подкупу, взяточничеству¹». В настоящее время законодатель делает основной акцент на ужесточении ответственности за деяния коррупционной направленности, предусмотренные главой 30 УК РФ, что не в полной мере обеспечивает эффективное противодействие коррупции как социально-негативному явлению.

Отсутствие четкой законодательной регламентации коррупционных преступлений нередко служит причиной достаточно про-

¹ Волженкин Б. В. Коррупция. СПб., 1998. 44 с. Серия «Современные стандарты в уголовном праве и уголовном процессе».

извольного определения круга коррупционных преступлений¹. Верховный Суд Российской Федерации признает преступлениями коррупционной направленности дачу взятки, получение взятки, посредничество во взяточничестве, а также преступления, предусмотренные ст.ст. 159, 160, 204, 292, 304 УК РФ². При анализе ст. 1 Федерального закона от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», которая не содержит определения коррупции, в ней лишь приводится перечень коррупционных деяний, можно сделать вывод, что к преступлениям коррупционной направленности также относятся злоупотребление должностными полномочиями и превышение должностных полномочий, в том числе лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации. Однако данный перечень не является полным, если исходить из признаков коррупционного преступления, выделенных различными учеными (Л. В. Иногамова-Хегай³, Д. В. Мирошниченко⁴ и др.). По их мнению, признаками коррупционного преступления являются: соглашение между лицами, одно из которых может повлиять в силу определенного служебного или должностного положения на результат соглашения, возмездность и заведомая противоправность. Если согласиться с этим утверждением, то можно отнести гораздо большее количество составов к преступлениям коррупционной направленности, чем это сделано в законодательстве о противодействии коррупции и судебной практике. В связи с этим для справедливой дифференциации ответственности за преступления коррупционной направленности их необходимо подразделить на публичные и непубличные⁵. При этом к публичным следует отнести коррупционные преступления, предусмотренные главами 30, 31 УК РФ, ст. 141.1 УК РФ, а также квалифицированные составы, содержа-

¹ Мусаелян, М. Ф. Совершенствование уголовной политики в сфере противодействия коррупции в Российской Федерации // Журнал российского права. 2014. № 5. С. 56—66.

² Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.07.2013 № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях».

³ Иногамова-Хегай Л. В. Проблемы борьбы с коррупционными преступлениями по российскому уголовному праву // Сборник материалов Международного форума по проблемам преступности и уголовного права в эпоху глобализации (IFCCLGE). Пекин, 2013. С. 255—256.

⁴ Мирошниченко Д. В. Коррупция и уголовно-правовое воздействие на нее : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2009. 251 с.

⁵ Кошаева Т. О. Коррупция и закон: перспективы противодействия. Уфа, 2013. С. 20—21.

щие признак «использование служебного положения» (например, ч. 3 ст. 159 УК РФ, ч. 3 ст. 160 УК РФ, п. «в» ч. 3 ст. 171.2 УК РФ и др.), а к непубличным — преступления, предусмотренные ст.ст. 184, 201, 204 УК РФ. Однако нецелесообразно дополнение УК РФ главой «Коррупционные преступления», как считает, например, Т. Я. Хабриева¹. Причинами этого является нарушение правил построения глав в УК РФ согласно видовым объектам преступлений, а также отсутствие единообразного представления об уголовно-правовых признаках коррупции.

Более 60 составов в УК РФ содержат такой квалифицирующий признак, как «использование служебного положения». Во многих случаях такие квалифицированные составы можно отнести к коррупционным преступлениям, поскольку они имеют все признаки таковых. Ярким примером является п. «в» ч. 3 ст. 171.2 УК РФ («Незаконные организация и проведение азартных игр, совершенные лицом с использованием своего служебного положения»), недавно включенный в уголовный закон. Обоснование необходимости включения признака «использование служебного положения» сделано еще Н. Ф. Кузнецовой, которая считала, что увеличение числа норм с этим признаком имеет большое значение для предупреждения коррупции². Именно поэтому новую редакцию ст. 171.2 УК РФ можно назвать злободневной и необходимой, а также «векторной» для оптимизации борьбы с коррупцией.

Стоит также сказать, что ст. 184 УК РФ («Оказание противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования или зрелищного коммерческого конкурса»), которая логично отнесена законодателем к преступлениям в сфере экономической деятельности, в условиях общегосударственной политики противодействия коррупции требует пересмотра пределов ответственности. Несмотря на то что субъектами данного преступления не являются лица, указанные в примечании к ст.ст. 201 и 285 УК РФ, деяния, представленные в диспозиции ст. 184 УК РФ, содержат традиционные формы совершения коррупционных преступлений (подкуп, получение ценных бумаг, иного имущества, пользование указанными лицами услугами имущественного характера, извлечение ими других выгод и преимуществ), обладают их признаками и согласно ч. 3 и ч. 4 этой статьи выполняются специальными субъектами — спортсменами, тренерами, судьями,

¹ Хабриева Т. Я. Научно-правовые проблемы противодействия коррупции // Журнал российского права. 2012. № 7. С. 7—14.

² Кузнецова Н. Ф. Коррупция в системе уголовных преступлений // Вестник МГУ. Сер. 11, Право. 1993. № 1. С. 21—26.

членами жюри и т. д. Данная норма и ее применение имеют важнейшее значение для предупреждения публичных коррупционных преступлений, в связи с чем, по аналогии со ст. 291 УК РФ, в ее содержание должна быть добавлена поощрительная норма, изложенная в примечании к ст. 184 УК РФ, следующего содержания: «Лицо, передавшее незаконное вознаграждение, освобождается от уголовной ответственности, если в отношении его имело место вымогательство подкупа либо если лицо добровольно сообщило в орган государственной власти о подкупе». Также целесообразным является перемещение данной статьи из главы 22 УК РФ в главу 23 УК РФ, так как к преступлениям в сфере экономической деятельности эту норму отнести проблематично.

Для справедливой дифференциации ответственности необходимым является правильное применение норм Общей части УК РФ. Введенная в 2011 году ст. 291.1 УК РФ предусматривает уголовную ответственность за посредничество во взяточничестве в значительном и более размере (согласно примечанию 1 к ст. 290 УК РФ — в размере более 25 тыс. р.). Практика применения данной статьи строится таким образом, что за посредничество во взяточничестве на сумму менее 25 тыс. р. лицо может быть не привлечено к уголовной ответственности. Нарушаются правила соучастия в преступлении — посредничество во взяточничестве по своей сути является пособничеством в преступлении (ч. 5 ст. 33 УК РФ) и должно находить такую оценку в УК РФ. Для сравнения, посредничество в коммерческом подкупе (в том числе и на сумму менее 25 тыс. р.) квалифицируется по ч. 5 ст. 33 УК РФ и соответствующей части ст. 204 УК РФ, хотя получение взятки должностным лицом имеет большую общественную опасность и посредничество во взяточничестве не должно оставаться незамеченным. Решение видится в коррекции ст. 291.1 УК РФ или ее исключении из УК РФ. Стоит также заметить, что коммерческий подкуп обладает весьма высоким уровнем латентности даже среди коррупционных преступлений (коэффициент 1 к 90)¹, что требует от правоприменителей выявления фактов совершения данного преступления, ведь от посягательств руководителей коммерческих организаций следует охранять не только интересы службы в этих организациях, но и права и законные интересы граждан и общества².

¹ Карабанов А. Л., Мелькин С. К. Современные проблемы противодействия коррупции: уголовно-правовой и криминологический аспекты. М., 2010. С. 155.

² Борков В. Н. Коррупционное преступление как основной элемент системы коррупционных отношений // Современное право. 2015. № 4. С. 114—119.

Неэффективным является наказание за коррупционные преступления в виде штрафа, кратного сумме полученной имущественной выгоды в результате совершения преступления. Согласно статистическим данным, только 7 % назначенных за коррупционные преступления кратных штрафов были уплачены осужденными в срок и полностью. При этом в 2012—2013 годах частота назначения штрафа в качестве основного наказания составила 70 % от общего числа вынесенных обвинительных приговоров по обвинению в коррупционных преступлениях¹. Невыплата штрафа в установленные сроки делает осужденного злостно уклоняющимся от уплаты штрафа согласно ст. 32 УИК РФ. Также обращает на себя внимание тот факт, что штраф, кратный сумме взятки, за получение взятки является альтернативой лишению свободы и в случае его невыплаты может заменяться лишением свободы. Это исключение из общего правила, установленного ст. 46 УК РФ, исполняется в рамках усиления мер борьбы с коррупцией в отношении лиц, совершивших преступления, предусмотренные ст.ст. 204, 290, 291, 291.1 УК РФ, но при этом опять же не учитывает многие положения Общей части УК РФ. Если же учесть, что многие осужденные за коррупционные преступления не могут выплатить, например, пятидесятикратный сумме взятки штраф, то не достигаются цели наказания, не пополняется в нужном объеме бюджет Российской Федерации, а также нарушаются основополагающие нормы УК РФ. Решение видится в назначении фиксированных штрафов в качестве дополнительных наказаний вместе с основным наказанием, отличным от штрафа.

Для усиления эффекта ответственности за преступления коррупционной направленности необходимо возвратить конфискацию имущества как вид наказания, а не иной меры уголовно-правового характера. Конфискация имущества как наказание исчезла из УК РФ в 2003 году, став своеобразной защитой права собственности осужденного, однако с точки зрения гражданско-правового регулирования наказание в виде штрафа также является отчуждением собственности виновного лица. На наш взгляд, конфискация имущества может вновь стать уголовным наказанием (в УК РСФСР 1960 г. около 70 % санкций норм содержали возможность применения конфискации имущества), так как такая

¹ Бугаевская Н. В. Назначение наказания в виде штрафа, кратного сумме взятки, как отражение антикоррупционной политики в новых финансово-экономических условиях. Тула, 2014. 183 с.

мера является более эффективной, чем, например, неисполнимый многократный штраф. Такое наказание могло бы стать исполняемым, ведь подвергаться конфискации будут реально существующие имущественные права осужденного, а не мнимые и возможно не существующие денежные средства. Конфискация имущества как иная мера уголовно-правового характера не оправдала себя и имеет единичные случаи применения за девять лет существования. Как известно, конфискация имущества была восстановлена в Уголовном кодексе Российской Федерации в связи с ратификацией ряда международных конвенций, в том числе Конвенции Совета Европы. Однако направленность конфискации имущества против преступлений коррупционной направленности является эффективным инструментом защиты общественных отношений и интересов общества. Целесообразно включить в перечень уголовных наказаний конфискацию имущества как дополнительный вид наказания. При этом необходимо законодательно определить, что конфискация имущества — принудительное безвозмездное изъятие в пользу государства на основании обвинительного приговора суда части имущества, являющегося собственностью осужденного. В предмет конфискации имущества как вида уголовного наказания может войти имущество, принадлежащее осужденному на праве собственности, кроме имущества, необходимого осужденному или лицам, находящимся на его иждивении, для хозяйственно-бытовых нужд и профессиональной деятельности. Данное наказание необходимо включить в санкции норм о преступлениях коррупционной направленности, о которых уже говорилось выше.

Кроме того, средством возмещения ущерба может выступать институт неосновательного обогащения в гражданском праве. При включении в список потерпевших публично-правовых образований (ст. 1102 ГК РФ) неосновательно сбереженное или полученное в результате совершения коррупционного преступления имущество сможет вернуться в соответствующий бюджет. При этом не требуется криминализация неосновательного обогащения в УК РФ, гражданско-правовые меры будут являться более экономными с точки зрения затрат ресурсов государства и доказывания.

В заключение отметим, что данная тематика является проблемной и решение также необходимо для иных вопросов справедливой и эффективной дифференциации ответственности и наказания за преступления коррупционной направленности.

Только при совершенствовании уголовного законодательства коррупция может быть минимизирована до приемлемого уровня.

А. В. СИМАКОВ,

*студент Академии Генеральной прокуратуры
Российской Федерации*

ПРОБЛЕМЫ СИСТЕМАТИЗАЦИИ КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В УК РФ

Следует признать, что термин «коррупционная преступность» в современной действительности приобрел прозаичный характер. В последнее время СМИ оповещают о раскрытии новых преступлений данной направленности, все чаще мы слышим о создании мер, противодействующих развитию коррупции¹. Однако мало кто задается вопросом, какие преступления можно назвать коррупционными. Также данным проблемам сопутствует тот факт, что при анализе Уголовного кодекса Российской Федерации мы не обнаружим таких понятий, как «коррупция» или «коррупционное преступление».

В России на федеральном уровне нет нормативного правового акта, в котором прямо бы говорилось о том, какие преступления следует относить к коррупционным и какими признаками они должны обладать. В связи с этим верна позиция, что законодатель в УК РФ ограничился лишь перечнем форм коррупционных деяний, выделив каждый из составов преступлений в самостоятельную уголовно-правовую норму².

Например, в Уголовном кодексе Казахстана данным преступлениям посвящена целая глава «Коррупционные и иные уголовные правонарушения против интересов государственной службы и государственного управления»³.

При решении вопроса о систематизации коррупционных преступлений в УК РФ нельзя не согласиться с суждением С. В. Максимова, который утверждает, что четкое законодательное определение коррупционных проявлений — это лишь пред-

¹ Крюкова Н. И. Возникновение и история развития коррупции в России // Государственная власть и местное самоуправление. 2013. № 12. С. 25—30.

² Мусаелян М. Ф. Уголовно-правовое противодействие коррупционным преступлениям в Российской Федерации // Российский следователь. 2015. № 7. С. 38—42.

³ Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года № 226-V (с изменениями и дополнениями по состоянию на 2 авг. 2015 г.) // Ведомости Парламента Республики Казахстан, 2014. № 13 (2662). Ст. 83.

посылка к тому, чтобы «враг» был наиболее точно идентифицирован и за ним мог бы быть установлен эффективный контроль¹. Это обусловлено тем, что в любой науке общее понятие выступает фундаментом для формирования той или иной системы на основании конкретных признаков.

Коррупционная преступность не тождественна понятию коррупции, поскольку феномен коррупционной преступности есть лишь часть явления коррупции в целом². В то же время данные дефиниции находятся в непосредственной связи, следовательно, необходимо обратиться к ст. 1 Федерального закона от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции». В определении, закрепленном в этой статье, законодатель перечислил лишь отдельные коррупционные деяния, часть из которых можно отнести к коррупционным преступлениям, однако не назвал системообразующих признаков.

В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.07.2013 № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» Верховный Суд также отнес лишь малую часть уголовно наказуемых деяний к коррупционным.

Особый интерес вызывает указание Генеральной прокуратуры Российской Федерации № 744/11, МВД России № 3 от 31.12.2014 «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности», где в Перечне № 23 содержится весьма объемный список преступлений, которые имеют коррупционную направленность.

Однако истинный интерес представляет включение в данный межведомственный акт признаков, образующих систему коррупционных преступлений в УК РФ.

На наш взгляд, издание данного Указания является определенным прогрессивным шагом в отечественном правовом поле в решении вопросов, связанных с определением признаков коррупционного преступления. Так, в п. 1 Перечня № 23 указано, что к преступлениям коррупционной направленности относятся противоправные деяния, имеющие следующие признаки: наличие надлежащих субъектов уголовно наказуемого деяния, к которым относятся должностные лица, указанные в примечаниях к ст. 285, ст. 201 УК РФ; связь деяния со служебным положением субъекта,

¹ Максимов С. В. Коррупция. Закон. Ответственность. 2-изд., перераб. и доп. М., 2008. С. 19.

² Козлов Т. Л. Белая книга о противодействии коррупции. М., 2011. С. 9.

отступлением от его прямых прав и обязанностей; обязательное наличие у субъекта корыстного мотива; совершение преступления только с прямым умыслом.

Действительно, совершить коррупционное преступление может только должностное лицо. Однако необходимо обратить внимание, что в науке существуют противоположные взгляды на то, какими признаками должно обладать должностное лицо с позиции уголовного закона. Решение данной проблемы также связано с вопросами систематизации коррупционных преступлений в УК РФ.

Как отмечал Б. В. Волженкин, коррупция есть «социальное явление, заключающееся в разложении власти, когда государственные служащие и иные лица, уполномоченные на выполнение государственных функций, используют свое служебное положение в корыстных целях для личного обогащения или в групповых интересах»¹. В данном случае речь о надлежащих субъектах только в отношении должностных лиц, указанных в примечании к ст. 285 УК РФ. Думается, что данная позиция в современных условиях не в полной мере отражает реальное положение вещей. Такой вывод можно сделать даже исходя из того, что в сознании граждан коррупция — значит любую проблему «решить» за деньги. В данном случае не имеет значения, к какому лицу обратится субъект: к лицу, осуществляющему функции представителя власти, или же к лицу, выполняющему управленческие функции в коммерческой или иной организации. Тот же принцип реализуется и в злоупотреблении самим должностным лицом своими полномочиями. Важна самоцель, выраженная в какой-либо выгоде. На основании этого можно сделать вывод, что верна позиция, указанная в п. 1 Перечня 23 межведомственного акта.

Анализ позиций различных авторов позволяет сделать вывод, что указанный выше перечень признаков коррупционных преступлений не является исчерпывающим.

Так, Д. В. Мирошниченко утверждает, что одним из признаков коррупционного преступления является сделка, участниками которой выступают, с одной стороны, должностное лицо, с другой — любой другой субъект, заинтересованный в осуществле-

¹ Волженкин Б. В. Коррупция. СПб., 1998. С. 8. Серия «Современные стандарты в уголовном праве и уголовном процессе».

нии действий (бездействии) первого, определяемых условиями данной сделки (выступает в качестве соглашения)¹.

В. Н. Борков считает, что для коррупционных преступлений необходимо соглашение между лицами, предающими публичный интерес, и вступающими с ними в сговор выгодоприобретателями от коррупции².

Г. С. Гончаренко, характеризуя коррупционные преступления, отмечает, что обязательным признаком коррупционного преступления является участие в преступлении иных заинтересованных физических или юридических лиц³.

В подтверждение данной позиции на конференции, посвященной вопросам исследования коррупционных преступлений, выступила Л. В. Иногамова-Хегай, которая обратила внимание, что наряду с другими особенностями, присущими данной категории преступлений, обязательным признаком должен выступать преступный сговор.

Действительно, сговор как признак позволяет расширить возможности правоприменителей при решении вопроса отнесения тех или иных преступлений к коррупционным в целях противодействия и борьбы с коррупцией, а также будет способствовать более четкой систематизации преступлений данной категории.

Резюмируя сказанное, заметим, что в целях систематизации коррупционных преступлений в УК РФ необходимо формирование единого правового поля, регулирующего отношения, связанные с противодействием коррупции. Также необходимо внесение уточнений в Федеральный закон «О противодействии коррупции», выраженных в закреплении конкретных признаков коррупционных преступлений, а как следствие, в последующем расширении перечня преступлений, имеющих коррупционную направленность.

А. В. СОВИНА,

*студентка Новгородского государственного университета
им. Ярослава Мудрого*

¹ Мирошниченко Д. В. Коррупция и уголовно-правовое воздействие : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2009.

² Борков В. Н. Модификация функций государства и уголовный закон // Актуальные проблемы противодействия коррупционным преступлениям : Всероссийская науч.-практ. конф. (г. Хабаровск, 19 апреля 2013 г.) : сб. материалов / под ред. Т. Б. Басовой, К. А. Волкова ; Хабаровский краевой суд ; Дальневосточный филиал Российской академии правосудия. Хабаровск, 2013. С. 126.

³ Жадан В. Н. Некоторые подходы к определению признаков и понятия коррупционных преступлений // Молодой ученый. 2015. № 7. С. 556—561.

ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИОННЫМ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ, СОВЕРШАЕМЫМ ОРГАНИЗОВАННЫМИ ПРЕСТУПНЫМИ ГРУППАМИ

Для того чтобы понять, какие проблемы противодействия коррупционным преступлениям, совершаемым организованными преступными группами, существуют на данный момент в нашей стране, необходимо разобраться, что такое коррупция и как она может быть связана с организованными преступными группами.

Коррупция — это общественно опасное явление в сфере политики или государственного управления, выражающееся в умышленном использовании представителями власти своего служебного статуса для противоправного получения имущественных и немущественных благ и преимуществ в любой форме, а равно подкуп этих лиц.

Коррупция в нашей стране проявляется во всех сферах жизни, на всех уровнях. Разница только в размерах совершенного преступления. Коррупция — часть преступности. Коррупционные преступления по своей сути не могут существовать обособленно от остальных преступных деяний. Они взаимосвязаны друг с другом. Так, взаимосвязаны коррупция и организованные преступные группы.

Именно коррупция в 90-х годах позволила путем подкупа пробиться к власти представителям организованных преступных групп, нередко они остаются у власти и по сей день, поскольку доказать их причастность к совершению преступлений подчас невозможно. Наличие властных полномочий, денег и связей позволяет преступникам избегать ответственности и продолжать совершать преступления, используя человеческую слабость к легкому и быстрому «заработку». Вот почему коррупция и организованные преступные группы так тесно взаимосвязаны. Причем можно сказать, что организованные преступные группы без коррупции вряд ли бы существовали, поскольку организованная преступность — это та форма преступности, которая представлена организованными преступными формированиями, совершающими в основном корыстные и корыстно-насильственные преступления¹.

В. С. Овчинский выделяет пять групп участников преступных формирований: «лжепредприниматели», «гангстеры», «расхитители», «координаторы» и «коррупционеры». Таким образом, автор выделяет в отдельную категорию лиц, связанных непосред-

¹ Криминология : учебник / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, В. В. Лунеева. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2004. С. 405—406.

ственно с деятельностью организованной преступной группы и участвующих в операциях по присвоению государственного имущества, оказывающих иные незаконные услуги преступным формированиям, обеспечивающих недоступность преступников для органов уголовного преследования и получающих за это долю преступных доходов¹.

Коррупционные преступления можно также охарактеризовать как преступления, которые крайне сложно раскрыть, поскольку и преступник, и жертва не заинтересованы в разглашении тайны данного деяния. Когда же к этому прибавляется и тот факт, что преступник является членом организованной преступной группы, то возможность задержать его становится фактически нулевой.

Во-первых, это можно обосновать тем, что в иерархически структурированной организации, в которой имеет место строгое распределение ролей, совершить преступление и скрыть его гораздо проще, нежели в одиночку.

Во-вторых, организованные преступные группы обладают тесными связями с сотрудниками властных структур либо имеют в органах «своих людей». Это способствует использованию властных полномочий для того, чтобы скрыть совершенное преступление или, если скрыть не получается, «замять дело» и избежать наказания. Но даже в том случае, если наказание будет применено к отдельному задержанному лицу, которое признано виновным, на свободе останутся остальные члены преступной структуры, которые продолжают совершать преступления. И становится вполне очевидно, что к ответственности привлекаются лишь рядовые сотрудники организованной преступной группы, так как крайне сложно выйти на главаря преступного формирования, который и организовал коррупционную преступную схему.

В-третьих, деятельность организованных преступных организаций, как и коррупция, фактически не вызывает реакции у общества. Обычные граждане относятся ко всему этому довольно пассивно, полагая, что вместо них сообщать в полицию об известных им преступлениях будет кто-нибудь другой.

Таким образом, можно выделить несколько проблем противодействия коррупционным преступлениям, совершаемым организованными преступными группами, такие как пассивное реагиро-

¹ Криминология : учебник / под ред. В. Н. Кудрявцева, В. Е. Эминова. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2005. С. 372—373.

вание общества, использование властных полномочий, тесная взаимосвязь с правоохранительными и государственными органами, а также особая структура и организация преступного формирования.

А. Н. СЫТНИК,

*студент Санкт-Петербургского юридического института (филиала)
Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации*

ВОПРОСЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ К АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПО ст. 19.28 КоАП РФ

Административная ответственность юридических лиц за коррупцию (ст. 19.28 «Незаконное вознаграждение от имени юридического лица») была введена в КоАП РФ Федеральным законом от 25.12.2008 № 280-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с ратификацией Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции от 31 октября 2003 года и Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию от 27 января 1999 года и принятием Федерального закона “О противодействии коррупции”».

Строго следуя редакции ч. 1 ст. 19.28 и ч. 2 ст. 2.1 КоАП РФ, можно констатировать тот факт, что в составе правонарушения, предусмотренном ч. 1 ст. 19.28 КоАП РФ, не совпадают субъект правонарушения и субъект ответственности. Согласно ч. 1 ст. 19.28 КоАП РФ незаконные действия, образующие подкуп, совершаются от имени или в интересах юридического лица. Совершенно очевидно, что здесь подразумевается поведение физического лица. Однако в санкции ч. 1 (и других частей) ст. 19.28 КоАП РФ речь идет об административном наказании именно юридического лица. Более того, предусмотренные в ч. 1 ст. 19.28 КоАП варианты поведения правонарушителя — юридического лица, не согласуются с ч. 2 ст. 2.1 КоАП, где указано: «Юридическое лицо признается виновным в совершении административного правонарушения, если будет установлено, что у него имелась возможность для соблюдения правил и норм, за нарушение которых настоящим Кодексом или законами субъекта Российской Федерации предусмотрена административная ответственность, но данным лицом не были приняты все зависящие от него меры по их соблюдению». Едва ли такая конструкция вины юридического лица подходит для состава активного подкупа — при совершении деяния, предусмотренного ст. 19.28 КоАП, мы имеем дело с умышленным правона-

рушением, при квалификации которого должно учитываться положение ч. 1 ст. 2.2 КоАП РФ (об умысле)¹.

Устанавливая ответственность юридических лиц за административные правонарушения, законодатель обоснованно формулирует легальное понятие вины в поведенческом смысле. Юридическое лицо признается виновным, если будет установлено, что у него имелась возможность для соблюдения правил, за нарушение которых предусмотрена административная ответственность, но данным лицом не были приняты все зависящие от него меры по их соблюдению (ч. 2 ст. 2.1 КоАП РФ). Согласно существующей дефиниции вины юридических лиц ответственность юридического лица по КоАП РФ наступает в двух случаях:

если у юридического лица не имелось возможности для соблюдения правил и норм, за нарушение которых установлена административная ответственность;

если юридическое лицо имело возможность для соблюдения указанных правил и норм и приняло все зависящие от него меры для их соблюдения, но этих мер оказалось недостаточно.

Наличие возможности или невозможности соблюдения упомянутых правил и норм, полнота принятых мер должны определяться лицом, рассматривающим дело об административном правонарушении, на основании объективных обстоятельств и допустимых доказательств².

Также в КоАП РФ нет каких-либо ограничений относительно исчисления штрафов, кратных стоимости предмета административного правонарушения, согласно санкции ст. 19.28 КоАП РФ. Уголовное законодательство (примечание к ст. 204 УК РФ и примечание к ст. 291 УК РФ) предусматривает для лица, который дает взятку, а равно субъекта активного коммерческого подкупа — физического лица возможность освобождения от уголовной ответственности при определенных условиях. Ничего подобного не наблюдается в КоАП РФ³.

Не исключены ситуации, когда фактическая передача денег либо иных имущественных благ от имени юридического лица не состоялась, т. е. с точки зрения уголовного закона совершалось покушение на дачу взятки (ч. 3 ст. 30 и ст. 291 УК РФ). Ста-

¹ Егорова Н. А. Административная и уголовная ответственность за активный подкуп: проблемы и пути их решения // Борьба с коррупцией: теория и практика. 2012. № 1. С. 6.

² Астапов М. С. Невинное лицо. О вине юридического лица по делам об административных правонарушениях // Судебная практика. 2013. № 5. С. 3

³ Субботин А. М. К вопросу об административной ответственности за коррупционные правонарушения // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2013. № 24. С. 21.

тя 19.28 КоАП РФ признает административными правонарушениями лишь предложение или обещание незаконного вознаграждения. Однако попытка передачи взятки вряд ли может представлять собой «предложение или обещание» вознаграждения. Но даже если в КоАП РФ будут внесены соответствующие дополнения (т. е. прямо будет закреплена возможность административной ответственности юридических лиц за покушение на правонарушение, предусмотренное ст. 19.28 КоАП РФ), незаконное вознаграждение юридическим лицом должностного лица либо лица, выполняющего управленческие функции в коммерческой или иной организации, должно признаваться оконченным правонарушением только в случае незаконной передачи такого вознаграждения. Указание на «предложение» и «обещание» взятки или предмета коммерческого подкупа подлежит исключению из диспозиции ч. 1 ст. 19.28 КоАП РФ как противоречащее ч. 1 ст. 204, ч. 1 ст. 290 и ч. 1 ст. 291 УК РФ.

Однако практика привлечения к административной ответственности за правонарушения свидетельствует о том, что неоконченные административные правонарушения не рассматриваются правоприменительными органами в качестве оснований административной ответственности. Поэтому данный вопрос на законодательном уровне остается открытым¹.

Можно отметить слабую проработку ст. 19.28 КоАП РФ. Отечественные юристы выявляют ряд проблем, связанных с применением данной статьи на практике². Также она вступает в противоречие со статьями Уголовного кодекса Российской Федерации. Судебные прецеденты свидетельствуют о том, что в судебной практике отсутствует единообразие применения судами рассматриваемой статьи КоАП РФ. Существуют предложения для устранения данных коллизий.

Например, Р. У. Рамазанов считает, что необходимо в КоАП РФ предусмотреть «отдельную главу “Коррупционные правонарушения” Особенной части или дополнить главу “Административные правонарушения, посягающие на институты государственной власти”, включив статьи, устанавливающие ответственность государственных и муниципальных служащих»³. Необходи-

¹ Егорова Н. А. Указ. соч. С. 8.

² Субботин А. М. Указ. соч. С. 20—24 ; Макарейко Н. В. Коррупциогенность законодательства как фактор эффективности применения мер государственного принуждения // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2011. № 20. С. 31—37 ; Зыкин Б. В., Зыкина Е. В. Некоторые проблемы административной ответственности юридических лиц // Административное право и процесс. 2014. № 3. С. 81—85.

³ Рамазанов Р. У. Административная ответственность за коррупционные правонарушения // Пробелы в российском законодательстве. 2012. № 5. С. 14.

димо установить административную ответственность 1) за использование должностным лицом своих служебных полномочий вопреки интересам службы, если это деяние совершено из корыстной или иной личной заинтересованности и не повлекло существенного нарушения прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства; 2) за совершение должностным лицом действий, явно выходящих за пределы его полномочий и не повлекших существенного нарушения прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства; 3) за принятие на государственную службу лиц, состоящих в близком родстве или свойстве (родители, супруги, дети, братья, сестры, а также братья, сестры, родители и дети супругов) с гражданскими и муниципальными служащими, если замещение должности связано с непосредственной подчиненностью или подконтрольностью одного из них другому, и т. д. Данный перечень должен быть дополнен и тщательно проработан. Необходимо выявить все малейшие элементы коррупции и отразить это в законодательстве.

По мнению других специалистов, единственным выходом остается введение уголовной ответственности юридических лиц. Это позволит избежать концептуальной противоречивости антикоррупционного законодательства в части уголовной и административной ответственности за активный подкуп. Но учитывая реалии, вряд ли можно надеяться на данное нововведение. Отсюда следует, что нужно ориентироваться на предложения по разработке отдельной главы КоАП РФ и детально проработать условия привлечения к ответственности, наказание за правонарушение, чтобы не вступать в противоречие с иными нормативными актами.

Но в первую очередь, чтобы бороться с проявлением коррупции, нужно выявлять, откуда она начала распространяться. Одной из областей распространения коррупции является сфера борьбы с коррупцией. Коррупционное поведение стало нормой экономической и правовой культуры. Выявление правонарушений представляется довольно затруднительным в силу самой природы коррупции. Коррупционное деяние (в основном взятничество) относится к тем правонарушениям, у которых нет потерпевшей стороны, т. е. лиц, заинтересованных в установлении истины и наказании виновных. Контрагенты, напротив, всячески стремятся скрыть данное правонарушение. Поэтому и существует весьма небольшой риск разоблачения коррупционных элементов, а также отсутствуют энергичные действенные меры, которые могут быть применены к правонарушителям.

Изучение причин возникновения действующего положения, а также способов борьбы с коррупцией должно происходить повсеместно, ведь эффективнее нейтрализовать предпосылки проблемы, чем ее последствия. В Российской Федерации основным инструментом борьбы с коррупцией являются правоохранительные органы, в которых также существует высокая степень коррумпированности. Факт наличия коррупции в органе, на который возложена обязанность предупреждения и пресечения коррупции в системе государственной службы, является сам по себе противоречивым. Необходимо, чтобы правоохранительные органы были свободными от коррупции. В связи с чем они не способны функционировать как инструмент борьбы с коррупцией¹.

Таким образом, коррупция — это такое явление, которое Россия не может изжить уже долгие годы. Нельзя сказать, что меры борьбы не принимаются, однако достичь положительного результата очень сложно. Скорее всего, нужно проводить реанимацию законодательства в области противодействия коррупции, тщательно проработать ст. 19.28 КоАП РФ. Важно детально изучить это явление и бороться с ним по всей строгости закона, предусмотреть административную ответственность за малейшее проявление коррупции.

М. Н. ШИШКИН,

*студент Санкт-Петербургского юридического института (филиала)
Академии Генеральной прокуратуры
Российской Федерации*

К ВОПРОСУ О САНКЦИЯХ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ КОРРУПЦИОННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Существует несколько хороших
способов побороть искушение,
но самый надежный — это трусость.

*«Новый календарь Падднхедда Уилсона»,
Вокруг экватора, 1897 г.*

Актуальность выбранной нами темы обуславливается тем, что, несмотря на предпринимаемые государством и обществом

¹ Голованова Н. А., Лафитский В. И., Цирина М. А. Уголовная ответственность юридических лиц в международном и национальном праве (сравнительно-правовое исследование) / отв. ред. В. И. Лафитский. М., 2013. С. 43.

меры, коррупция по-прежнему серьезно затрудняет нормальное функционирование всех общественных механизмов, препятствует проведению социальных преобразований и модернизации национальной экономики, вызывает в российском обществе серьезную тревогу и недоверие к государственным институтам, создает негативный имидж России на международной арене и правомерно рассматривается как одна из угроз безопасности Российской Федерации¹.

Ввиду ее сложности и многогранности существует множество определений коррупции. Так, в Федеральном законе от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» дается максимально четкое определение: «Злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды». ООН рассматривает коррупцию как «сложное социальное, культурное и экономическое явление, затрагивающее все страны»², не давая при этом более детализированного объяснения термина. По определению профессора Бориса Владимировича Волженкина, коррупция — это социальное явление, заключающееся в разложении власти, когда государственные (муниципальные) служащие и иные лица, уполномоченные на выполнение государственных функций, используют свое служебное положение, статус и авторитет занимаемой должности в корыстных целях для личного обогащения или в групповых интересах³.

Рассматривая вопрос применения санкций за преступления коррупционной направленности, стоит отметить, что до 2011 года в России традиционно применялись санкции в виде лишения свободы. Президент Российской Федерации Дмитрий Медведев выступил с инициативой установления достаточно интересной меры, которую можно применять без лишения свободы, но она создает серьезные условия для того, чтобы тот, кто совершил преступление, понимал, что острое государственной ответственно-

¹ Национальная стратегия противодействия коррупции (утв. Указом Президента Российской Федерации от 13.04.2010 № 460).

² United Nations Office on Drugs and Crime (UNODC). URL: <http://www.unodc.org> (дата обращения: 28.09.2015).

³ Волженкин Б. В. Коррупция. СПб., 1998. 44 с. Серия «Современные стандарты в уголовном праве и уголовном процессе».

сти будет направлено не только на него лично, но и на его имущество, он пострадает материально¹. Дмитрий Медведев высказал пожелание, чтобы государственные обвинители в судах активнее предлагали новую форму наказания. В свою очередь, Генеральный прокурор Российской Федерации Юрий Яковлевич Чайка заверил Президента, что выработаны рекомендации, которые будут направлены в субъекты Федерации.

Как и можно было предположить, некоторые преступники решили, что их конституционные права нарушены. В частности, в 2012 году правоохранительные органы Новгородской области задержали двух рабочих дорожно-строительной компании, которые нелегально трудились на территории России. Генеральный директор фирмы Арман Хедоян попытался вызволить своих сотрудников, передав подполковнику полиции через младшего брата 5 тыс. р. В результате этих действий оба брата Хедоян стали фигурантами уголовного дела и снова попробовали дать взятку. На этот раз за вынесение постановления о прекращении дела и DVD-диск с записью попытки подкупа следователя они посулили 150 тыс. р., но в момент передачи денег были задержаны.

Чудовский районный суд Новгородской области приговорил каждого из преступников к условному сроку лишения свободы и штрафу в размере 7,5 млн р. Однако Арман Хедоян посчитал наказание несоразмерным, не учитывающим смягчающих обстоятельств, а потому нарушающим целый ряд гарантированных прав и свобод граждан².

Изучив все обстоятельства, Конституционный Суд Российской Федерации не нашел оснований для признания статьи о даче взятки неконституционной. Коррупция в настоящее время официально признана одной из системных угроз безопасности Российской Федерации, и установление в ст. 291 УК РФ штрафов, кратных сумме взятки, само по себе отражает общественную опасность коррупционных преступлений. В случае с братьями Хедоян было учтено отсутствиеотячающих и наличие смягча-

¹ Плати или сиди. Дмитрий Медведев определил основы правовой грамотности граждан [Электронный ресурс] // RG.RU : интернет-портал «Российской газеты». URL: <http://www.rg.ru/2011/05/05/president.html> (дата обращения: 29.09.2015).

² Наказание справедливо. КС РФ посчитал законным назначение штрафов, кратных размерам взятки [Электронный ресурс] // RG.RU : интернет-портал «Российской газеты». URL: <http://www.rg.ru/2015/02/19/ks.html> (дата обращения: 29.09.2015).

ющих обстоятельств: наличие двоих малолетних детей, совершение преступления впервые, полное признание вины и раскаяние в содеянном, а также наличие на иждивении неработающей супруги, родителей. В итоге назначенный судом штраф составляет всего лишь 50-кратный размер взятки, т. е. ниже предела, установленного законом.

Конституционный Суд Российской Федерации решил, что жалоба Армана Хедояна, как не отвечающая критерию допустимости обращений в Конституционный Суд Российской Федерации, не может быть принята к рассмотрению¹.

Тем не менее инициатива о введении кратных штрафов за коррупционные преступления не увенчалась успехом. Так, глава президентской администрации Сергей Иванов сообщал, что за первую половину 2013 года судами были наложены штрафы за нанесенный ущерб в общей сложности на 20 млрд р., а возмещено только 20 млн, т. е. 1 %². Генеральная прокуратура Российской Федерации подготовила законопроект³, который предполагает отказ от применения кратных штрафов и возвращение к тюремным срокам за тяжкие и особо тяжкие преступления, в частности взятки. По своей сути данная мера означает возвращение санкций за преступления коррупционной направленности к состоянию до 2011 года. Стоит отметить, что инициативу кратных штрафов не удалось реализовать из-за отсутствия механизма принуждения к выплате тех самых штрафов. Такой вид наказания, как конфискация имущества, в действующей редакции УК РФ отсутствует. Согласно ст. 32 УИК РФ злостно уклоняющимся от уплаты штрафа признается осужденный, не уплативший штраф либо часть штрафа при его рассрочке в течение 30 дней со дня вступления приговора в законную силу. Частями 2 и 3 ст. 32 УИК РФ предусмотрен различный порядок исполнения основного и дополнительного наказания в виде штрафа. В случае злостного уклонения от уплаты штрафа, назначенного в качестве основного наказания, он заменяется иным наказанием, за исключением ли-

¹Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 05.02.2015 № 204-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Хедояна Армана Сосиковича на нарушение его конституционных прав частью четвертой статьи 291 Уголовного кодекса Российской Федерации».

²Откуп неуместен. Генпрокурор предложил заменить штрафы за коррупцию тюремным сроком [Электронный ресурс] // Взгляд. Деловая газета : электрон. версия газ. URL: <http://vz.ru/society/2014/4/28/684292.html> (дата обращения: 29.09.2015).

³Там же.

шения свободы. Указанное положение не распространяется на осужденных к наказанию в виде штрафа за преступления, предусмотренные ст.ст. 204, 290, 291, 291.1 УК РФ. В этом случае судебный пристав-исполнитель не ранее 10, но не позднее 30 дней со дня истечения предельного срока уплаты, указанного в чч. 1, 3 ст. 31 УИК РФ, направляет в суд представление о замене штрафа другим видом наказания в соответствии с ч. 5 ст. 46 УК РФ. Какой из видов наказания будет назначен в качестве замены штрафа, определяет суд при вынесении определения (постановления) в порядке, установленном ст.ст. 396, 397 УПК РФ. Лицам, осужденным за совершение преступлений, предусмотренных ст.ст. 204, 290, 291, 291.1 УК РФ, злостно уклоняющимся от уплаты штрафа, данный вид наказания может быть заменен лишением свободы.

В заключение следует добавить, что в качестве дополнения к законопроекту Генеральной прокуратуры Российской Федерации следует установить не только наказание в виде лишения свободы, но и предусмотреть возможность после вынесения приговора суда освобождения осужденного в связи с возмещением ущерба, причиненного государству, т. е. выплатой штрафа. Подобный механизм предусмотрен в ст. 46.1 УК РФ, но действует только по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности.

И. А. ЩЕРБАКОВА,

*студентка Академии Генеральной прокуратуры
Российской Федерации*

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ СРЕДСТВА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ

Коррупция есть корень, из которого
вытекает во все времена и при всяких соблазнах
презрение ко всем законам.

Томас Гоббс

Коррупция — опасное явление российской действительности, разлагающее институты государства и гражданского общества, а противодействие ей — насущная необходимость.

Борьба с коррупцией проводится на разных уровнях государственной власти, во всех сферах жизнедеятельности человека. За последние пять лет активно издаются нормативные правовые акты по противодействию коррупции, в частности, Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2010 № 925 «О мерах по реализации отдельных положений Федерального закона “О противодействии коррупции”»; Указ Президента Российской Федерации

от 08.07.2013 № 613 «Вопросы противодействия коррупции»; Указ Президента Российской Федерации от 11.04.2014 № 226 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2014—2015 годы»; приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 15.05.2010 № 209 «Об усилении прокурорского надзора в свете реализации национальной стратегии противодействия коррупции», также были внесены существенные поправки в статьи Уголовного кодекса Российской Федерации и введены новые составы коррупционных преступлений.

Международным сообществом подчеркивается «необходимость проведения в первоочередном порядке общей уголовной политики, направленной на защиту общества от коррупции, включая принятие соответствующего законодательства и профилактических мер». В статье 2 УК РФ одной из задач уголовного права обозначено предупреждение преступлений.

В связи с этим в настоящей работе будет сделан акцент на предупреждении коррупции средствами, имеющимися в российском уголовном законодательстве, поскольку уголовное наказание является самой суровой мерой государственного воздействия на преступников.

Важно заметить, что до настоящего времени как в зарубежной, так и в отечественной уголовно-правовой и криминологической доктрине не дано понятие и не раскрыта классификация уголовно-правовых средств предупреждения преступлений. Проанализировав имеющиеся научные публикации и уголовное законодательство, можно прийти к выводу, что к ним необходимо отнести: законодательство («нормы-запреты» и «общий запрет»), меры уголовно-правового воздействия и практику их применения уполномоченными на то субъектами. Таким образом, следует обратиться к нормам, описывающим коррупционные преступления, раскрывая каждый элемент средств уголовно-правового предупреждения.

Законодательство. Понятие коррупционных преступлений законодательно не определено, однако в Федеральном законе от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» в ст. 1 дается не исчерпывающий перечень уголовно наказуемых деяний, охватываемых понятием «коррупция». В УК РФ они отнесены к разным разделам и главам (т. е. отсутствует четкая систематизация, закреплённость данных преступлений в отдельной главе), также не оговорены основные понятия, определяющие критерии отнесения противоправного деяния к преступлениям коррупционной направленности. Их можно определить исходя из положе-

ний подзаконного нормативного акта — Перечня преступлений коррупционной направленности, введенного Указанием Генеральной прокуратуры Российской Федерации № 744/11, Министерства внутренних дел Российской Федерации № 3 от 31.12.2014. Перечень коррупционных преступлений — это относительно полный список уголовно наказуемых деяний, отнесенных законодательными или правоприменительными органами к коррупционным. Среди критериев отнесения деяний к данным преступлениям выделены:

наличие надлежащих субъектов уголовно наказуемого деяния, к которым относятся должностные лица, указанные в примечании к ст. 285 УК РФ, а также лица, указанные в примечании к ст. 201 УК РФ;

связь деяния со служебным положением субъекта;

наличие корыстного мотива (деяние связано с получением лицом имущественных прав и выгод для себя или для третьих лиц); совершение преступления только с прямым умыслом.

Выделяют следующие признаки коррупционного преступления (за исключением вышеупомянутых):

1) непосредственное нанесение ущерба авторитету публичной службы (государственной службы, службы в органах местного самоуправления, непосредственному исполнению функций органов государственной власти), а также непубличной службы (службы в коммерческих и иных организациях). Опосредованно такой ущерб могут причинять любые преступления;

2) незаконный (противоправный) характер получаемых государственным (муниципальным) служащим или иным публичным служащим либо служащим коммерческой или иной организации преимуществ (имущества, услуг или льгот);

3) несводимость коррупционной преступности к совокупности лишь должностных преступлений;

4) повышенная общественная опасность.

Таким образом, имеется возможность определить, какие деяния, предусмотренные нормами УК РФ, относятся к коррупционным, и вывести понятие коррупционного преступления. Коррупционное преступление — это предусмотренное УК РФ общественно опасное деяние, непосредственно посягающее на интересы государственной власти, государственной службы и службы в органах местного самоуправления, иные охраняемые законом публичные интересы, выражающееся в незаконном получении публичными лицами каких-либо благ либо в предоставлении последним таких благ.

За время реализации антикоррупционной политики криминализовано около 40 коррупционных общественно опасных деяний, некоторые из них введены во исполнение конвенций Организации Объединенных Наций, Конвенции Организации экономического сотрудничества и развития по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок 1927 г., рекомендаций Совета Европы и других международных организаций.

Все коррупционные преступления для эффективного анализа следовало бы классифицировать. Учеными предлагаются разные основания классификации. Так, выделяют коррупционные преступления в форме подкупа (ст.ст. 141, 204, 290, 291, 291.1 УК РФ), не связанные с подкупом (ст.ст. 160, 170, 201 УК РФ). Л. В. Иногамова-Хегай полагает, что классифицировать следует на две группы: коррупционные преступления и преступления, связанные с коррупцией. Конвенция ООН против коррупции 2003 г. все виды коррупции классифицирует на две группы: коррупция в публичном секторе и коррупция в частном секторе.

Согласно Перечню преступлений коррупционной направленности, утвержденному Указанием Генеральной прокуратуры Российской Федерации № 744/11, МВД России № 3 от 31.12.2014, к коррупционным преступлениям относятся без каких-либо условий: предусмотренные ст.ст. 141.1, 184, п. «б» ч. 3 ст. 188, ст. 204, п. «а» ч. 2 ст. 226.1, п. «б» ч. 2 ст. 229.1, ст.ст. 289, 290, 291, 291.1 УК РФ; при наличии определенных условий: предусмотренные ст.ст. 174, 174.1, 175, ч. 3 ст. 210, ст.ст. 294, 295, 296, 302, 307, 309 УК РФ (коррупционной направленности); пп. «а» и «б» ч. 2 ст. 141, ч. 2 ст. 142, ст.ст. 170, 201, 202, 285, 285.1, 285.2, 285.3, чч. 1, 2 и п. «в» ч. 3 ст. 286, ст. 292, чч. 2 и 4 ст. 303, ст. 305 УК РФ (с корыстным мотивом); ч. 4 ст. 188, п. «в» ч. 3 ст. 226, ч. 3 ст. 226.1, ч. 2 ст. 228.2, п. «в» ч. 2 ст. 229, чч. 3 и 4 ст. 229.1 УК РФ (совершенные должностным лицом, государственным служащим и служащим органов местного самоуправления, а также лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации); чч. 3 и 4 ст. 183, п. «б» ч. 4 ст. 228.1, п. «б» ч. 2 ст. 228.4, чч. 1 и 3 ст. 303 УК РФ, а также п. «б» ч. 3 ст. 228.1 (дата возбуждения уголовного дела < 01.01.2013) (совершенные должностным лицом, государственным служащим и служащим органов местного самоуправления, а также лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации и с корыстным мотивом); чч. 3 и 4 ст. 159, чч. 3 и 4 ст. 159.1, чч. 3 и 4 ст. 159.2, чч. 3 и 4 ст. 159.3, 159.4, чч. 3 и 4

ст. 159.5, чч. 3 и 4 ст. 159.6, чч. 3 и 4 ст. 160, чч. 3 и 4 ст. 229 УК РФ (совершенные должностным лицом, государственным служащим и служащим органов местного самоуправления, а также лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, с использованием своего служебного положения, ч. 5 ст. 228.1 и с корыстным мотивом); ст.ст. 159, 159.1, 159.2, 159.3, 159.4, 159.5, 159.6 (за исключением случаев совершения преступления должностным лицом, государственным служащим и служащим органов местного самоуправления, а также лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации), ст. 169, 178, 179 УК РФ (связанные с подготовкой, в том числе мнимой, условий для получения должностным лицом, государственным служащим и служащим органов местного самоуправления, а также лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества, незаконного предоставления такой выгоды).

Следует обратить внимание, что ежегодно Перечень подвергается изменению. Проследив все изменения, можно заметить тенденцию увеличения количества коррупционных преступлений. Однако существуют и пробелы законодательства. Так, ч. 5 ст. 291.1 УК РФ, введенная во исполнение положений главы III Конвенции ООН против коррупции 2003 г., имеет явное несоответствие с иными нормами. Согласно указанной норме обещание или предложение посреднических услуг является тяжким преступлением, в то время как само посредничество является либо вовсе не наказуемым или же представляет собой (в основном составе преступления) деяние средней тяжести. Следует также отметить, что за время действия этой нормы ни одного уголовного дела по ч. 5 ст. 291 УК РФ не было возбуждено. И это не единичный случай введения подобных норм.

Не ратифицирован п. 20 Конвенции ООН против коррупции 2003 г., а также рекомендация Группы государств по борьбе с коррупцией (ГРЕКО), предписывающая необходимость введения в УК РФ нормы об ответственности за незаконное обогащение. Также ГРЕКО рекомендовала установить уголовную ответственность за злоупотребление влиянием в соответствии со ст. 12 Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию 1999 г. Не вызовет удивления, если в ближайшем будущем будут предприняты меры по введению в национальное уголовное законодательство норм об ответственности за указанные деяния, остается надеяться, что законодатель тщательнее будет подходить к дан-

ному вопросу и новые нормы не станут «мертвыми» или трудно применимыми.

Меры уголовно-правового воздействия. С учетом «специфики информационного характера мотивационного воздействия угрозы наказания» В. Н. Кудрявцев считает, что в современных условиях особое значение приобретают факторы, связанные с определением интенсивности и степени вероятности реализации угрозы наказания в действительности. Он выделяет три основных фактора:

а) знание лица о том, что за данное деяние установлена уголовная ответственность;

б) знание о степени строгости этой ответственности;

в) предвидение неотвратимости, т. е. реальности наступления этой ответственности.

Таким образом, необходимо сделать акцент на уголовно-правовой пропаганде как средстве информирования о запрете и практике применения наказания для стабильного общепредупредительного и специально-предупредительного воздействия на граждан.

В связи с этим необходимо отметить сложности при квалификации коррупционных преступлений. Например, возникает конкуренция норм, предусмотренных ст. 19.28 КоАП РФ и ст.ст. 290, 291 УК РФ, из-за отсутствия четкого законодательно закрепленного ограничения, поэтому даже меры борьбы с коррупцией могут быть коррупциогенны. Граждане, осознавая возможность избежать уголовного наказания, будут активнее совершать уголовно наказуемые деяния, что не соответствует цели антикоррупционной политики государства.

Существует необходимость вернуть в качестве уголовного наказания институт конфискации, который стал бы естественным наказанием за коррупционное обогащение госслужащих, если расходы чиновника и его семьи значительно превышают их доходы, подлежащие декларированию.

Практика применения мер уголовно-правового воздействия уполномоченными на то субъектами. Продолжая тему информационного воздействия на граждан об уголовно-правовом запрете и практике применения наказания и проанализировав статистические данные за последние годы, можно констатировать, что с каждым отчетным периодом происходит небольшое увеличение зарегистрированных коррупционных преступлений и привлечения лиц к уголовной ответственности до 2014 года, когда происходит незначительный спад, что может свидетельствовать об эф-

фективной уголовно-правовой политике противодействия коррупционной преступности.

Согласно данным статистики, в 2012 году зарегистрировано 49 513 (в 2011 году — 40 407, + 22,5 %) преступлений коррупционной направленности.

К уголовной ответственности привлечено 13 565 (11 978, + 13 %) лиц, совершивших преступления, в 2014 году — 10 784, т. е. виден небольшой спад количества осужденных лиц.

Таким образом, каждый отдельный элемент средства уголовно-правового предупреждения коррупционных преступлений во взаимосвязи с другими ее элементами важен, и необходимо достигнуть возможной степени конкретизации и определенности норм и соответствия им мер воздействия и практики их применения для эффективной борьбы с коррупцией в стране.